

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

На правах рукописи

Сафина Лилия Маратовна

**КОНВЕРГЕНТНЫЕ И ДИВЕРГЕНТНЫЕ СТРАТЕГИИ
ПЕРЕВОДА СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ВРЕМЕННОГО И ЛОКАЛЬНОГО
КОЛОРИТА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 5.9.8. –
«Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика» (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Юрий Викторович Кобенко

Томск – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВ С РАЗЛИЧНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА».....	15
1.1. Понятийно-терминологический аппарат и методология исследования...	15
1.2. Передача временного колорита	23
1.3. Передача локально-временного колорита	37
1.4. Передача обценной лексики.....	48
1.5. Передача диалектной лексики	61
Выводы по первой главе.....	72
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЛОКАЛЬНОГО КОЛОРИТА ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА».....	75
2.1. Передача этнографических реалионимов.....	75
2.2. Передача географических реалионимов	86
2.3. Передача общественно-политических реалионимов.....	95
2.4. Передача ономастических реалионимов	107
2.5. Передача ассоциативных реалионимов	113
Выводы по второй главе.....	125
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АРХАИЧНЫХ КЛИШЕ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»	128
3.1. Передача архаичных фразеологизмов с лексемой «дело»	128
3.1.1. Анализ английских переводов фразеологизма «доброе дело делать»	134

3.1.2. Анализ французских переводов фразеологизма «доброе дело делать»	139
3.1.3. Анализ английских переводов фразеологизма «пошло дело на мечи да на копьа»	141
3.1.4. Анализ французских переводов фразеологизма «пошло дело на мечи да на копьа»	146
3.2. Архаические фразеологизмы с лексемой «дух», «душа»	149
3.2.1. Анализ английских переводов фразеологизма «придать духу».....	153
3.2.2. Анализ французских переводов фразеологизма «придать духу»	157
3.2.3. Анализ английских переводов фразеологизма «чтобы и духу не было на свете».....	160
3.2.4. Анализ французских переводов фразеологизма «чтобы и духу не было на свете»	164
3.2.5. Анализ английских переводов фразеологизма с лексемой «душа».....	167
3.2.6. Анализ французских переводов фразеологизма с лексемой «душа» ..	169
Выводы по третьей главе.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	177
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	200
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	202
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	207

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация выполнена на стыке переводоведения и функциональной стилистики – дисциплин, обнаруживающих тесную связь преимущественно практического характера. Их теоретическое сближение в парадигме современного языкознания, несмотря на регулярно доказываемую переводчиками справедливость константы В. Коллера «о непреодолимой пропасти между теорией и практикой перевода» [Koller, 2004, с. 184], представляется весьма перспективным направлением. Попадая в контекст, слово неизбежно становится средством, реализующим, в первую очередь выразительную функцию, которая аккумулируется в тексте до тех пор, пока не станет его изобразительностью, т.е. величиной композиционного плана. Перевод выразительных средств, образующих выразительный строй определённого образно-художественного текста, вызывает интерес переводчиков не только в свете решения извечного вопроса, который делят между собой переводоведение и ономазиология: «как это переводится?», но и во многом благодаря их авторскому, идиолектному оформлению в контексте изучаемого произведения словесного искусства.

Повесть «Тарас Бульба» в редакции 1835 г. (в составе сборника «Миргород») стала первым произведением, заинтересовавшим европейскую литературу. Перевод чешского литератора К. Запа [Шолохова, 2008, с. 48] вышел в 1839 году, а на данный момент библиография переводов содержит около 40 переводов на европейские и восточные языки, включая языки малых народностей: албанский, алтайский [Байыр-оол, 2016], арабский, башкирский [Кульсарина, 2016], бенгали, болгарский, венгерский [Дуккон, 2013], голландский, грузинский, греческий, гуджарати, датский, иврит, индонезийский, испанский, итальянский, казахский [Азкенова, 2011], китайский, корейский, македонский, малаялам, немецкий, персидский, польский [Душенко, 2004], румынский, сербско-хорватский, словенский,

тамилский, татарский, телугу, тувинский, турецкий, узбекский [Буравова, 2021], урду, чешский, шведский, украинский и японский языки.

Наиболее многочисленные переводы «Тараса Бульбы» (пять и выше), многократно переизданные, существуют на английском, испанском, итальянском, немецком, румынском и французском языках. Интерес западных переводчиков к трудам русского гения может объясняться самобытностью художественного языка, а также влиянием на его прозу европейских литературных традиций, которое отмечали ещё современники Н. В. Гоголя.

В центре внимания настоящего исследования находятся переводы повести на английский и французский языки. Это связано, во-первых, со статусом данных языков в современном мире, функционирующих в качестве международных языков-макропосредников, и, во-вторых, с ролью англо- и франкоязычных обществ в текущей мировой политике. Ввиду особого значения, которое приобрело указанное произведение в контексте разворачивающихся международных событий, эскалации напряжения в российско-украинских отношениях, на первый план выходят вопросы корректности передачи социокультурных особенностей быта казацкой Гетманщины, которые составляют временной и локальный колорит повести.

Временной колорит связан с формированием образа определённой эпохи, а локальный – с изображением территориальных (национальных, народных) языковых черт; средствами же создания приведённых разновидностей колорита традиционно выступает лексика с различными типами ограничения использования: территориальными, временными, социальными и профессиональными [Кобенко, 2023, с. 45, 89]. В фокусе настоящего исследования находятся такие средства создания временного и локального колорита, как архаизмы, историзмы, обценнизмы (вульгаризмы), реалионимы (экзотизмы), а также клишированные единицы (фразеологизмы), выполняющие данную функцию в большей степени ситуативно (вспомогательно), однако вносящие достаточно ощутимый вклад в целостность оригинального хронотопа повести.

Особенности их перевода на английский и французский языки совокупно образуют стратегии перевода, подразделяемые в данной диссертационной работе на конвергентные (близкие к оригиналу) и дивергентные (практикующие отступление от него). В сложившейся геополитической ситуации конвергенция фактически означает лояльность мотиву произведения и его нарративной перспективе и, покидая собственно языковую плоскость, становится инструментом информационной борьбы [Сафина, Кобенко, 2023, с. 50].

Актуальность исследования определяется тем, что к передаче предметного содержания повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» как к национально-героическому эпосу на фоне фиксируемого в современной России значительного подъёма патриотических настроений применяются сегодня повышенные требования, связанные с её доскональной и когерентной оригиналу трактовкой. И хотя данные требования выходят за обыденный словесный, или микростилистический (элементарный), уровень, в конечном итоге переводческая «доскональность» имеет дискретное выражение – в виде особенностей передачи конкретных единиц, которыми и являются средства создания временного и локального колорита повести.

Степень разработанности темы исследования. Изучение переводов Н.В. Гоголя на английский и французский языки обнаруживает в отечественном и зарубежном языкознании укоренённую традицию. Так, анализу подвергались ранее англоязычные и франкоязычные трансляты различных произведений: «Мёртвые души» [Brown, Petrov, 2000; Степанюк, 2001; Трухтанова, 2003; Изотова, 2008; Мороз, 2010; Нестеренко, 2010; Коковина, 2013; Завгородний, 2017; Larson, 2021]; «Вий» [Жуков, 2007; Roberts, 2013; Дмитриева, 2024]; «Вечера на хуторе близ Диканьки» [Заманова, 2000; Садофьева, 2009; Шолохова, 2011; Карпова, 2016]; «Ревизор» [Кормилицын, 2000; Янушкевич, 2000; Green, 2017; Степовая, 2024]; «Петербургские повести» [Harrison, 2005; Schmidt, 2012; Girard, 2016; Müller, 2017; Wilson, 2018; Chandler, 2018; Pilshchikov, 2021].

В фокусе внимания исследователей оказываются преимущественно проблемы художественного перевода, что характерно также для работ, выполненных на материале других языков, ср. способы передачи фразеологических единиц поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» на сербохорватский язык [Васильева, 1984]; особенности интерпретации национального и исторического колорита в итальянских переводах повести Н. В. Гоголя «Шинель» [Тимофеева, 2005]; особенности передачи иронии на материале немецких переводов произведений Н.В. Гоголя [Булатая, 2017].

Примечательна тесная связь переводческих аспектов с функциональной стилистикой, подтверждающая валидность высказанного выше тезиса о взаимообусловленности данных дисциплин. Так, в значительном числе работ сопоставительного характера в качестве предмета фигурируют особенности перевода различных выразительных средств, ср. проблемы перевода безэквивалентных единиц (реалий) [Писарихина, 2012], языковые средства создания образа Украины [Черкашина, 2012], стратегии и приёмы перевода ономастических реалий [Гудий, 2015], меморативные топонимы [Маливанова, 2018], языковые средства передачи эмоций [Чжан Яньцю, 2019].

Необходимость сохранения социокультурных особенностей оригинала освещена в трудах М. М. Морозова [Морозов, 2009], А. В. Фёдорова [Фёдоров, 2002], С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1986], И. С. Алексеевой [Алексеева, 2004], В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазовой, А. М. Антоновой [Кабакчи, Белоглазова, Антонова, 2021]. И. Ф. Тимофеева обращает внимание на то, что проблема передачи в произведениях Н. В. Гоголя национально-исторического колорита при переводе, помимо специфичной лексики, выражается в сюжетных ситуациях, видах и формах речи, характере персонажей [Тимофеева, 2005, с. 8].

Изучению хронотопа – единства пространства и времени – и его влияния на формирование и выбор переводческой стратегии при передаче выразительных средств создания национально-исторического (временного) и локального колорита посвящены работы таких исследователей-гоголеведов,

как М. М. Бахтин [Бахтин, 1975], М. А. Вокин [Вокин, 2003], В. В. Виноградов [Виноградов, 1925, 1936], Г. А. Гуковский [Гуковский, 1959], В. Д. Денисов [Денисов, 2006, 2010], Ю. В. Манн [Манн, 1994], А.В. Скрипник [Скрипник, 2018], Г.П. Шекуров [Шекуров, 1956].

Стратегии перевода нашли отражение в трудах А.Д. Швейцера [Швейцер, 1988], В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1990], И.С. Алексеевой [Алексеева, 2004], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2004], Т.А. Волковой [Волкова, 2017], В.В. Сдобникова [Сдобников, 2015]. Конвергентные и дивергентные тенденции перевода впервые упомянуты М.В. Суловой в работе, посвящённой изучению переводов фантастической повести Н.В. Гоголя «Вий» на немецкий язык [Сулова, 2019, с. 278–283].

Несмотря на существующий значительный задел в исследуемой области по-прежнему остаются неразрешёнными вопросы определения указанных стратегий перевода, а также оценки способов передачи выразительных средств создания временного и локального колорита, образующих национально-исторический хронотоп повести.

Научная новизна работы состоит в следующем: *разработана* оригинальная методика оценки переводческих стратегий (конвергентность / дивергентность) с использованием различных шкал (трёх- и пятнадцатибалльной) для оценки сохранения национально-исторического колорита; *систематизировано* применение параметрической антиномии Л. Венути «доместикации vs. форенизации» к анализу передачи реалионимов и архаизмов; *установлены* критерии оптимального баланса между семантической точностью и стилистической аутентичностью при переводе художественных текстов с выраженным национальным колоритом.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в теорию перевода в части определения конвергентных и дивергентных стратегий перевода, разработки методологии оценки переводов выразительных средств создания временного и локального колорита сообразно с выделенными стратегиями; а также вкладом в ономастику в части

уточнения и описания на материале исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» такой разновидностей реалионимов, как военно-административные.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных выводов и результатов в исследовательской и в педагогической практике: в частности, в преподавании и разработке академических курсов по теории и практике перевода, функциональной стилистике, герменевтике, а также при составлении материалов, посвящённых творчеству Н.В. Гоголя. Тематический параллельный корпус реалионимов и архаизмов для англо-французских переводов может служить основой для дальнейших исследований в области транслатологии и гоголеведения.

Объектом данного исследования являются переводы повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский и французский языки, **предметом** – конвергентные и дивергентные стратегии, реализуемые переводчиками при передаче таких средств создания временного и локального колорита произведения, как архаизмы, историзмы, обшенизмы, диалектизмы, реалионимы и фразеологические клише.

Материалом исследования наряду с оригиналом 1842 г. послужили 10 переводов повести на английский и французский языки, выполненные следующими переводчиками: 1) И. Хэпгуд [Hapgood, 1886], 2) Б. Бэскервилл [Baskerville, 1907], 3) Дж. Курносом [Cournos, 1952], 4) О. Горчаковым [Gorchakov, 1955], 5) К. Гарнетт [Garnett, 1962], 6) Л. Виардо [Viardot, 1853], 7) И. де Витте [Witte, 1930], 8) Ж. Приэлем [Priel, 1935], 9) С. Татарулой [Tataroula, 1945] и М. Окутюрье [Aucouturier, 2004]. Для оценки конвергентности / дивергентности переводческих стратегий привлечено одинаковое количество английских и французских переводов (5:5), обеспечивающее исходную равновесность источников материала. Корпус исследования включает 83 лексические единицы повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и их 830 эквивалентов на английском и французском языках.

Цель исследования – определение конвергентных / дивергентных стратегий перевода в десяти транслатах исторической повести Н.В. Гоголя

«Тарас Бульба» на английском и французском языках на основе оценки передачи переводчиками выразительных средств создания временного и локального колорита.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1) *разработать* критерии оценки передачи переводчиками повести выразительных средств создания временного и локального колорита на английский и французский языки;

2) *сгруппировать* указанные средства по группам переводимых явлений;

3) *дать сопоставительный анализ* оригинальных и переводных единиц в текстах подлинника и переводов;

4) *дать анализ* способов перевода данных единиц на основе используемых трансформаций;

5) *вывести* числовые показатели конвергентности и дивергентности передачи указанных средств на английский и французский языки.

В исследовании использован **комплекс обще- и частнонаучных методов**: к *общенаучным* относятся методы логики (анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, абстрагирование) и статистики (метод выборки, анализ соответствий), к *частнонаучным* – оппозитивный и функциональный методы.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

1) *теории и практики перевода*: Ю. Найда [Nida, 1964]; Л. С. Бархударов [Бархударов, 1975]; С. Влахов и С. Флорин [Влахов, Флорин, 1986]; Г. Крингс [Крингс, 1986]; А. Д. Швейцер [Швейцер, 1988]; П. Ньюмарк [Newmark, 1988]; В. Н. Комиссаров [Комиссаров, 1990]; Л. Вентути [Venuti, 1991, 1995]; Э. Честермен [Chesterman, 1997]; А. В. Фёдоров [Фёдоров, 2002]; С. Бэсснетт [Bassnett, 2002]; Л. К. Латышев, А. Л. Семёнов [Латышев, Семёнов, 2003]; И. С. Алексеева [Алексеева, 2004]; Н. К. Гарбовский [Гарбовский, 2004]; В. Коллер [Koller, 2004]; Е. В. Бреус [Бреус, 2015]; Т. А. Волкова [Волкова, 2017]; В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова, А. М. Антонова [Кабакчи, Белоглазова, Антонова, 2021]; А. А. Воюцкая [Воюцкая, 2021, 2022];

2) *перевода и интерпретации художественного текста*: Г. А. Гуковский [Гуковский, 1959]; С. Д. Жордания [Жордания, 1970]; А. И. Карпенко [Карпенко, 1973]; В. В. Виноградов [Виноградов, 1978]; А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова [Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1989]; В. В. Сдобников [Сдобников, 1992, 2015]; О. А. Горчаков [Горчаков, 1995]; И. Ф. Заманова [Заманова, 2000]; М. А. Янушкевич [Янушкевич, 2000]; М. М. Морозов [Морозов, 2009]; А. Ю. Садофеева [Садофеева, 2009]; Ж. К. Азкенова [Азкенова, 2011]; Е. В. Булатая [Булатая, 2017]; М. Н. Есакова, Е. Д. Леоненкова [Есакова, Леоненкова, 2021]; Н. И. Голубева-Монаткина [Голубева-Монаткина, 2022];

3) *функциональной стилистики, ономастики и фразеологии*: Ш. Балли [Bally, 1951]; Т. М. Васильева [Васильева, 1984]; В. В. Виноградов [Виноградов, 1990]; Ю. В. Манн [Манн, 1994]; А. Т. Липатов [Липатов, 2005]; Н. П. Чепель [Чепель, 2005]; Э. Руссо [Rousseau, 2008]; А. М. Люксембург [Люксембург, 2008]; Г. Ю. Завгородняя [Завгородняя, 2009]; О. В. Филиппова [Филиппова, 2009]; И. В. Чарычанская [Чарычанская, 2013]; Л. Уинтерс [Winters, 2014]; К. А. Гудий [Гудий, 2015]; Ю. В. Явари [Явари, 2016]; А. В. Скрипник [Скрипник, 2018]; Е. С. Ерыгина, М. В. Влавацкая [Ерыгина, Влавацкая, 2019]; Дж. Пирсон [Pearson, 2020]; Ю. М. Демонова, В. А. Лавриненко, В. П. Кемечеджиева [Демонова, Лавриненко, Кемечеджиева, 2021]; Ю. В. Кобенко [Кобенко, 2015; 2023]; Г. Н. Салимова [Салимова, 2023].

Положения, выносимые на защиту.

1. Адекватный перевод средств создания локального и временного колорита требует учёта хронотопа, обеспечивающего когерентность художественного времени и пространства, а искажение хронотопической целостности повествования порождает дивергентные стратегии перевода.

2. В подборке текстов переводов повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» преобладают конвергентные стратегии передачи создания локального и временного колорита (80 %) за счёт адекватного перевода архаизмов, общенизмов, общественно-политических реалионимов и антропонимов.

3. Дивергентность (20%) связана с перенационализацией, т.е. подменой этнографических реалионимов, и грубыми искажениями фразеологических единиц, ведущими к нарушению исторической аутентичности повествования.

4. В 60% английских и 80% французских текстов, соответственно, ведущей выступает локальная стратегия доместикации средств создания локального и временного колорита за счёт уподобления, лексико-семантических замен и использования перифразов.

5. Форенизация применяется в 20–40 % переводческих решений, однако обеспечивает более высокую конвергентность при транслитерационной передаче военно-административных терминов и антропонимов повести.

Достоверность полученных результатов обеспечивается использованием значительного числа специальных источников по теме исследования, комплекса научных методов, воспроизводимостью и непротиворечивостью полученных данных и сформулированных положений, соответствием методологии исследования поставленным целям и задачам.

Апробация результатов исследования проходила в виде докладов на 8 научных, научно-практических и научно-технических конференциях и мероприятиях международного и всероссийского уровней: 1) Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (г. Ульяновск, УлГУ, 2022 г.), 2) Всероссийской междисциплинарной молодежной научной конференции с международным участием «X Информационная школа молодого ученого» (г. Екатеринбург, УО РАН 2022 г.), 3) III Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (г. Томск, ТПУ, 2022 г.), 4) XIII Международной научной конференции «Гоголь: поэтика и стилистика» (г. Москва, Дом Гоголя, 2023 г.), 5) Международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы» (г. Тверь, ТвГУ, 2023 г.), 6) IV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного

образования» (г. Томск, ТПУ, 2023 г.), 7) V Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (г. Томск, ТПУ, 2024 г.), 8) Международной научной конференции «Гоголь и Москва: жизнь, творчество, окружение» (г. Москва, Дом Гоголя, 2025 г.).

Основные положения диссертационной работы изложены в 10 публикациях, в том числе в трёх статьях из перечня ВАК РФ:

1. Сафина Л.М., Кобенко Ю.В. Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалий в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского и татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (227). С. 48–57.

2. Кобенко Ю.В., Сафина Л.М. Особенности передачи фразеологизмов в переводах повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» на английском, французском, татарском языках // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 75. С. 102–114.

3. Сафина Л. М. Передача обцензмов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английских и французских переводах // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. Вып. 5. С. 36–42.

Структура диссертации: рукопись состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка источников и двух приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, формулируется цель, определяются задачи, объект, предмет, методы, материал, степень разработанности проблемы исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Особенности передачи средств с различными ограничениями в английских и французских переводах повести Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“» излагаются понятийно-терминологический аппарат и

методология исследования, рассматриваются особенности передачи временного и локального колорита произведения на примере архаизмов, историзмов, общенизмов и диалектизмов повести.

Во **второй главе** «Особенности передачи локального колорита иноязычных слов в английских и французских переводах повести Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“» рассматриваются переводческие решения при передаче следующих групп реалионимов произведения: этнографических, географических, общественно-политических, ономастических и ассоциативных. Особое место в составе общественно-политических отводится подгруппе военно-административных реалионимов.

В **третьей главе** «Особенности передачи архаичных клише в английских и французских переводах повести Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“» даётся анализ передачи различных архаичных фразеологических клише в текстах перевода произведения на английский и французский языки.

В **заключении** подводятся итоги проведённого исследования и намечаются дальнейшие перспективы работы.

Список литературы включает 236 источников, в том числе 53 на иностранных языках, 32 справочных и 16 электронных изданий.

Список источников содержит наименования оригинальных изданий текста повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и её переводов на английский и французский языки.

В **Приложении 1** дана информация о десяти переводчиках повести, в **Приложении 2** приведён корпус средств создания временного и локального колорита повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (83 единицы), их английских и французских эквивалентов (830 единиц).

Общий объём диссертационной работы составляет 218 страниц, включая 28 диаграмм и 51 таблицу.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВ С РАЗЛИЧНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

1.1. Понятийно-терминологический аппарат и методология исследования

Процесс перевода представляет собой последовательность решений, инициируемых выбором стратегии перевода, которая формируется в рамках алгоритма «особенности – трудности – решения – стратегия» [Волкова, 2017, с. 45]. Согласно В.В. Сдобникову, под стратегией перевода понимается «комплексная программа действий переводчика, обусловленная спецификой коммуникативной ситуации двуязычного взаимодействия и направленная на достижение целевой установки перевода» [Сдобников, 2015, с. 14]. Данное определение коррелирует с интерпретациями других исследователей, рассматривающих стратегию как программу практических действий [Швейцер, 1988], алгоритм действий переводчика, направленных на создание текста перевода [Алексеева, 2004], совокупность приёмов [Волкова, 2017], способы решения переводческих задач [Крингс, 1986], переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика [Комиссаров, 1990], генеральную линию поведения в соответствии с осознанной переводчиком конечной целью перевода [Гарбовский, 2004], программу действий переводчика по достижению состояния адекватности перевода [Псурцев, 2010]. На фоне многочисленных определений рассматриваемого понятия очевидно определение стратегии перевода как некоего общего термина или гиперонима, имеющего в силу своей неоднозначности ядро и периферию [Кафискина, 2017]. В данном случае ядром содержания термина является целеустановка переводчика, направленная на решение определённой переводческой задачи. В область периферии рассматриваемого понятия входят следующие его компоненты: 1) планирование (последовательность,

алгоритм); 2) этапность (предпереводческий анализ текста, процесс перевода, оценка качества как самим переводчиком, так и критиками перевода); 3) набор способов, техник, приёмов. Иными словами, в определениях понятия «стратегия перевода» с точки зрения ядра и периферии прослеживаются две тенденции: а) процедурное и б) текстовое значение.

А. Репрезентативный пример употребления термина «стратегия» в «процедурном» смысле можно найти у В. Лершера [Lörscher, 1992], который отличает стратегии от «методов», в меньшей степени подверженным частным обстоятельствам, «правил», более прескриптивных в социальном смысле, «тактик», менее последовательным, и «планов», связанных в большей степени с ментальной репрезентацией, чем с процедурными знаниями.

Б. В «текстовом» значении термина «стратегия» употребляется главным образом при описании непосредственных результатов самих процедур.

Аналогичную дихотомию в отношении термина «стратегии перевода» можно применить в рамках классификации или разделения стратегий на глобальные (макро-) и локальные (микростратегии). К первым относятся конвергентные и дивергентные стратегии, объективирующие лояльность переводчика к замыслу текста оригинала. Термин «конвергенция» трактуется в лингвистике как сближение языковых элементов, а дивергенция – как их расхождение [Ярцева, 1990].

Стратегии «де-юре» и «де-факто» дополняют данную классификацию: первый аспект предполагает «идеальную» программу действий переводчика с учётом теории и сложившейся практики перевода текстов определённого рода; стратегия же перевода «де-факто» обнаруживает системность и целенаправленность в практических действиях переводчика, вектор которых (действий) направлен в сторону достижений адекватности [Мешалкина, 2008].

Макростратегии («стратегии понимания») связаны с предпереводческим анализом исходного текста, а микростратегии («стратегии производства») – с созданием текста перевода [Честерман, 1997]. Следует отметить, что перевод

выразительных средств создания временного и локального колорита также является частью локальной, или микростратегии, переводчика.

В оценке качества перевода приоритет отдается макростратегиям, определяющим соответствие перевода оригиналу и его восприятие реципиентом транслята [Полякова, 2022, с. 55]. Следовательно, выбор стратегии выступает ключевым фактором, влияющим на качество и результат того или иного переводческого решения [Воюцкая, 2022, с. 12].

Целесообразно разграничивать понятия «стратегии перевода» и «переводческого решения», соотносящиеся как целое и часть: совокупность решений переводчика, в том числе эрратологических (ошибочных), образует стратегию – конвергентную или дивергентную, при этом ошибку саму по себе не следует относить к переводческому решению, если она не является частью содержания, т.е. задана *skopos* перевода. Ошибка, на наш взгляд, есть упущение, то есть отрицательное действие частного порядка, в то время как стратегия представляет собой совокупность всех действий переводчика.

Термин «тенденция перевода» [ср. Воронцова, Ткаченко 2015] во многом синонимичен понятию «переводческая стратегия», поскольку используется в значении «вектор перевода, определяющий близость или отстранённость от оригинала». Однако тенденцию перевода, как представляется, можно трактовать и гораздо шире, в этом случае интерпретация зависит от ряда экстралингвистических факторов, как то: популярность исходной культуры, её приемлемость (ср. запрет русской культуры на Западе в начале Специальной военной операции 2022 года), модели языковой политики (советская номенклатура предписывала переводить фамилию Эйнштейна как «Однокаменев») и т.п. В конечном итоге тенденция перевода – производная сложившейся историко-культурной ситуации и политической повестки, влияющая на стратегию перевода.

При оценке переводческих стратегий и решений принято отталкиваться от определённых критериев перевода, которые могут значительно различаться в зависимости от жанрово-стилистических особенностей текста. В общем и

целом, в подавляющем большинстве работ основным критерием фигурирует соответствие нормам языка-реципиента [Малявина, 2016, с. 59–60]. О. В. Петрова ставит под сомнение существование универсальных критериев, утверждая, что оценка должна учитывать конкретную ситуацию перевода и задачу, поставленную перед переводчиком [Петрова, 2009, с. 119]. Принимая во внимания справедливые доводы исследователей, следует, тем не менее, уточнить, что критерии должны выступать отправной точкой оценки любого перевода. В этой связи считаем возможным опираться на положения, изложенные Ю.В. Кобенко и И.В. Шараповой в работе «Эквивалентность и адекватность: попытка демаркации переводческих категорий» (2015).

Все критерии целесообразно разграничивать в иерархии от единиц языка до культуры (среды) языка перевода, сообразно с чем различают 3 пары критериев, последняя из которых носит характер параметрической, т.е. выбран может быть только один элемент антиномии:

- а) для единиц: 1) адекватность и 2) эквивалентность;
- б) для текстов: 3) когезия и 4) когерентность;
- в) для культуры: 5) форенизация или 6) доместикация.

А. Критерии эквивалентности и адекватности находятся в диалектическом взаимодействии [Псурцев, 2010] и представляют собой количественное и качественное соответствие оригиналу: эквивалентность (лат. *aequivalens*) связана с представлениями о множественности словарных элементов в текстах оригинала и перевода и выражается в идеальном соотношении как 1:1, которое не всегда достигается в силу естественных (множественно-дискретных) различий сопоставляемых языковых регистров (ср.: *окружающая среда* (2) : *environment* (1)); адекватность понимается как соответствие жанрово-стилистическим особенностями исходного текста [Кобенко, Шарапова, 2015]. Применительно к переводу фразеологической лексики, зафиксированной в тексте повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», данные категории определяются дополнительно в третьей главе настоящего диссертационного исследования.

Б. Когезию рассматривают как линейную связность текста, выражающуюся в синтаксической и архитектурной согласованности его составляющих, образующих целостную композицию. Нередко при переводе с русского языка на английский когезию следует усиливать при помощи так называемых *linking devices* (вспомогательными словами и конструкциями) для логической конкатенации предложений, ср.: *therefore, however, on the one hand..., on the other hand...* и т.п. Когерентность близка по значению к термину «конвергентность» и понимается как связь текста и времени, что применительно к художественному произведению кристаллизуется в понятии «хронотоп»: это связность парадигмального (вертикального) характера, обеспечивающая понимание современниками реалий определённой эпохи (ср. различие перевода аббревиатуры *МТС* сегодня и в советское время: 1) *провайдер сотовой связи* vs. 2) *моторно-тракторное средство*). Когерентность выступает причиной, по которой одно и то же произведение переводится спустя некоторое время заново [Кобенко, 2023, с. 143].

В. Параметр форенизация / доместикация предполагает либо сохранение исходных культурных маркеров, либо же адаптацию текста к культуре реципиента [Venuti, 1991, с. 131]. На примере пяти переводов имени главного героя фантастической повести Н.В. Гоголя «Вий» на временном отрезке 1908–1984 гг. можно продемонстрировать тенденцию к доместикации имени *Хома* к европейской культуре – *Thomas* [Сулова, 2019, с. 278]. Доместикация предполагает лексико-семантические замены и упрощение, в то время как форенизация (отчуждение) реализуется через транскрипцию, калькирование и сохранение грамматических структур. Поскольку в данной антиномии может быть выбран только один критерий (форенизация или доместикация), их общее количество в итоге равно пяти применительно к любому переводу.

Для анализа способов перевода средств создания колорита повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» использованы сводные данные допустимости следующих возможностей, образующие в итоге конвергентную или дивергентную стратегию переводчиков:

- 1) функциональный аналог или уподобление (Ан);
- 2) калькирование (К);
- 3) транслитерация или транскрибирование (Тр);
- 4) лексико-семантические замены (ЛСЗ):
  - а) генерализация (гиперонимический перевод);
  - б) конкретизация (гипонимический перевод);
  - в) модуляция (метафорические, метонимические замены);
- 5) описание, дескрипция (О);
- 6) опущение реалионима (Оп);
- 7) ошибки (лексико-семантические, смысловые) в переводе (Ош).

Обозначенные способы как часть переводческой стратегии должны обеспечить полноценность перевода – передачу семантического содержания и функционально-стилистическое соответствие ему [Фёдоров, 2002, с. 388].

Способы и критерии перевода фразеологических единиц как экспонентов клишированной лексики рассматриваются отдельно в третьей главе. Методика выбора способа / приёма перевода оценивается исходя из двух параметров: 1) применение конвергентных и дивергентных стратегий перевода на уровне текста оригинала; 2) применение микростратегий доместикации и форенизации на уровне слова (реалионима);

Доместицированный перевод устраняет возможные иноязычные барьеры, препятствующие лёгкому восприятию текста читателем, обеспечивает знакомые для реципиента «свои» окружающие его реалии привычной действительности. Стратегия форенизации нацелена на сохранение лексико-семантического и стилистического своеобразия выразительного инвентаря автора, а также национально-исторического колорита оригинального текста [Сафина, Кобенко, 2023, с. 50].

Так как выразительные средства, создающие колорит, относят к образам внешнего или средового плана, отражающим особенности чужой речи [Кобенко, 2023, с. 98], реалионимы как экспоненты указанных признаков при переводе чаще всего подвергаются искажению ввиду особой трудности

передачи национально-исторической окраски слова и заложенных в него коннотаций и стилистических нюансов. Понятие «колорит», пришедшее из области искусствоведения, характеризует особое свойство художественного произведения, речевого портрета персонажа, обуславливаемое наличием определённых специфичных слов и выражений, присущих определенному языку или культуре [Ахманова, 2009, с. 200].

Поскольку в художественном произведении форма неразрывно связана с содержанием, чрезмерная модернизация или доместикация исторически стилизованного, национально-героического эпоса Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» при переводе влечёт, на наш взгляд, нарушения целостности общей композиции произведения. В этой связи к основным критериям выдвигается дополнительное обязательное требование к передаче средств создания колорита, обеспечивающие оптимальную целостность исследуемых лексических единиц на уровне содержания и формы: соответствие перевода реалионима хронотопу произведения, то есть совместимость предложенного эквивалента с местной и временной обстановкой подлинника.

Таким образом, конвергентность переводов зависит от иерархии следующих критериев (приоритетов):

- достижение семантической адекватности (качество: содержание, функция, стиль, жанр);
- соответствие хронотопу текста;
- недопустимость пропуска средства создания временного и локального колорита или его семантического искажения.

Критерий «семантическая адекватность» вмещает в себя в первую очередь качественное соответствие перевода как на денотативном (содержательном) уровне (сохранение базового значения, смысла), так и на стилистическом (учёт коннотаций, функции, принадлежности жанровому стилю). В рамках данного исследования количественный параметр эквивалентности на уровне формы не учитывается ввиду исключительной редкости данного явления в переводах художественных текстов.

Реализация представленных критериев в аспекте сохранения временного и локального колорита рассматривается как полная конвергентность перевода по отношению к подлиннику, дающая переводчику преимущества при сопоставительном анализе в виде дополнительных баллов. Нарушение одного из требований в зависимости от контекста может быть расценено как частичное соответствие (конвергентность) или несоответствие, или дивергентность, подлиннику. В этой связи можно предложить следующую шкалу оценивания передачи архаизмов и реалионимов в рамках сопоставляемых объектов перевода:

- 1) конвергентность = 2 балла;
- 2) частичная конвергентность = 1 балл;
- 3) дивергентность = 0 баллов.

Дивергентность рассматривается преимущественно по трём параметрам: 1) ошибки в переводе, искажающие семантику оригинала (Ош); 2) опущение реалионима (Оп); 3) несоответствие хронотопу в виде наличия анахронизмов, подмены историко-культурного контекста (НХ).

Разработанная система оценивания из трёх позиций применяется в отношении качественной эффективности одного конкретного переводчика. При определении количественного процента доли конвергентности или дивергентности переводов в отношении определенного сегмента единиц средств создания колорита показатель «частичная конвергентность» не учитывается, поскольку в данном аспекте рассматриваются абсолютные величины соответствия или несоответствия перевода подлиннику.

Предложенная методика фокусируется на оценке степени соответствия перевода оригиналу в контексте выбора переводчиком конвергентной или же дивергентной стратегии. Учёт параметра доместикации и форенизации (отчуждения) позволяет выявить, насколько перевод повести сохраняет национально-исторический колорит текста и не нарушает его хронотопную целостность.

1.2. Передача временного колорита

Текст повести «Тарас Бульба» насыщен историческими, этнографическими и языковыми особенностями, тесно связанными с русско-украинской культурой эпохи Средневековья, казачьим бытом и спецификой авторского художественного стиля. Вопрос сохранения 1) временного и 2) локального колорита оригинала при переводе данного произведения представляет собой ключевую проблему для переводчика, требующую учёта не только семантической, но и стилистической специфики текста. Как подчеркивает Ю. Найда, «перевод исторических текстов требует баланса между точностью передачи культурных реалий и адаптацией к восприятию целевой аудитории» [Nida, 1964, p. 159], что особенно актуально для гоголевского функционально-стилистического репертуара (выразительного инструментария), насыщенного этнокультурными элементами.

1. Временной колорит, обеспечивающий повести исторический характер, напрямую связан с темой выбранного Н. В. Гоголем рода и жанра своего произведения. Писатель характеризует своё произведение как историческая повесть, где задачей было создать образ исторической эпохи [Ермакова, 1956, с. 37]. Исследователи подчеркивают интегративность жанровой структуры, объединяющей эпические, лирические и драматические компоненты, где доминирующим выступает эпическое начало, формирующее хронотоп эпохи [Вокин, 2003: 21]. Согласно М. М. Бахтину, «эпическое время всегда обращено в прошлое, создавая дистанцию между событием и его интерпретацией» [Бахтин, 1975, с. 234], усложняющую задачу переводчика при передаче особенностей времени. Временные рамки действия, охватывающие XV–XVII вв., реконструируются через фольклорные источники (песни, предания), что обуславливает расхождение исторической фактуальности и художественного вымысла. Данный аспект порождает научную дискуссию о жанровой идентификации текста, балансирующего между героическим эпосом и историко-героической прозой. Как отмечает А.

Ф. Лосев, «историческое повествование Гоголя мифологизирует прошлое, превращая его в символический код национальной идентичности» [Лосев, 1991, с. 112], что требует от переводчика внимания к коннотациям, выходящим за рамки собственной семантики слов.

2. Локальный колорит реализуется через этнокультурные и языковые реалии, репрезентирующие специфику казачьей культуры. Для переводчика передача данной особенности ставит задачу выбора стратегии между архаизацией (сохранением историко-стилистических маркеров) и модернизацией (адаптацией к нормам языка перевода) в рамках конвергентной модели исторической стилизации [Мешалкина, 2008, с. 4]. Л. Венути в контексте «этики перевода» указывает на необходимость сохранения «инаковости» оригинала через форенизацию [Venuti, 1995, p. 20], созвучной идее передачи локального колорита у Гоголя. Ключевыми средствами здесь выступают архаизмы, историзмы, диалектизмы и различные категории реалионимов, формирующие предметно-бытовой контекст эпохи.

Как отмечает Н. С. Силкина, архаическая лексика в исторических текстах выполняет функцию стилизации, реконструируя языковую атмосферу конкретного хронологического периода [Силкина, 2000, с. 37]. Н. П. Чепель акцентирует прагматическую значимость историзмов в творчестве Гоголя, подчеркивая их роль в создании пространственно-временного рельефа, отражающего социокультурные реалии этноса [Чепель, 2005, с. 31].

Совокупность данных элементов формирует хронотоп произведения – концептуальное единство времени и пространства в художественном тексте [Бахтин, 1975, с. 234], требующее от переводчика не только лингвистической, но и культурно-исторической осведомлённости для адекватной передачи семантических и стилистических особенностей текста оригинала. Ю. Е. Прохоров указывает на важность «когерентности культурного фона» в переводах классики, где утрата локальных маркеров ведёт к уплощению текста и в итоге к потере им пространственно-временных координат, предусмотренных автором [Прохоров, 2017: 62].

Таким образом, переводческая интерпретация повести «Тарас Бульба» предполагает комплексный подход, интегрирующий анализ жанровой специфики, этнокультурных реалионимов, стратегий стилизации и адаптации, направленных на сохранение национально-исторического колорита оригинала. Как резюмирует П. Ньюмарк, «перевод историко-художественного текста является диалогом между эпохами и культурами, где точность и творчество должны находиться в равновесии» [Newmark, 1988, p. 54]. Имплементация такого подхода, как корпусный анализ переводов [Baker, 1993, p. 240], способствует углублению понимания механизмов передачи колорита, обеспечивая научную релевантность дальнейших исследований.

Архаизмы представляют собой устаревшие слова и выражения, полностью вышедшие из повседневного речевого обихода [Кобенко, 2023, с. 46]. Формально архаичная лексика не относится к безэквивалентной, так как представляет собой выразительные средства, ограниченные временем, а не локальными, национально-культурными особенностями. Архаизация является одним из возможных принципов исторической стилизации и подразумевает языковую обработку текста с целью подчеркнуть дистанцию во времени. Архаизмы наряду с историзмами в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» выполняют хромотопическую функцию, обеспечивая когерентность текста с конкретной исторической эпохой. Данные лексические единицы выступают темпоральными маркерами, создающими эффект ретроспекции посредством использования устаревших или вышедших из повседневного речевого оборота слов («перст», «десницы»), грамматических форм («зело»), синтаксических конструкций (не можно). Помимо реконструкции диахронического аспекта художественного языка архаизмы обеспечивают следующие функции:

- 1) стилистическая маркированность текста, формирующая высокий регистр текста, характерный для жанра героического эпоса;
- 2) портретно-речевая функция, где архаизация речи персонажей служит инструментом социокультурной и психологической характеристики (например, использование украинизмов и военных реалионимов

реконструируют образ казака XVI века как представителя определённой национальной ментальности);

3) ретрансляция национального (народного) колорита, где архаизмы с их этнолингвистическими коннотациями выступают как концептуальные маркеры (например, «курень», «сечь» являются символами казачьей вольницы), а также как средства фольклоризации текста (включение архаичных, мифологических образов, старинных выражений);

4) структурно-композиционная роль архаизмов как части элементов когезии (например, архаичные инверсии усиливают пафос монологов) с целью создания интертекстуальных связей, в том числе аллюзий к летописным, религиозным текстам;

5) аксиологическая функция, обеспечивающая посредством использования архаизмов трансляцию оценочной позиции автора по отношению к изображаемой исторической эпохе (архаичное выражение «лыцарский дух» как демонстрация идеализации прошлого);

6) коммуникативно-прагматическая, связанная с поведенческой стороной взаимодействия персонажей повести и с общественно-историческим характером данного взаимодействия.

Архаизмы усиливают выразительный потенциал текста, воздействуя на реципиента через так называемый «эффект отстранения», формируемый посредством создания «эпической дистанции» – художественного приёма, характерного для жанра исторического эпоса.

С нашей точки зрения, возможность учёта и соблюдения переводчиками указанных стилистических функций является дополнительным преимуществом при формировании переводческой стратегии в рамках «умеренной архаизации» переводов. Полная элиминация даже минимальных элементов архаизации в исторически стилизованных текстах способна привести к деформации хронологической организации и искажению рецепции архаического произведения реципиентом. Однако считаем также обоснованным предоставить переводчику возможность обеспечить при

переводе семантическую прозрачность лексических единиц, отдав предпочтение содержательной стороне перевода.

Несмотря на полиморфность архаических лексико-морфологических элементов в тексте повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», рамки настоящего исследования ограничены анализом номинативных единиц, разделённых на 3 тематические группы: а) *портретные дескрипторы* (зеница, очи, перси); б) *гендерная номинация* (дева, молодец, витязь); в) *гастрономические объекты* (снедь, харч, настойка, снадобье). Данная группировка позволяет осуществить структурный анализ архаического лексикона через призму его функционально-семантической специфики.

Группа «Портретные дескрипторы» содержит соматическую лексику, включающую: офтальмологические термины (зеница, очи); соматические маркеры (перси). Подобная дифференциация способствует выявлению этнокультурных коннотаций, требующих учёта при межъязыковой адаптации историко-стилизованного текста.

Таблица 1. Перевод английских архаизмов группы «портретные дескрипторы»

Архаизм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Зеница	Eyes (Ан)	Eyes (Ан)	Eye (Ан)	Eye (Ан)	Eyes (Ан)
Перси	Bosom (Ан)	Bosom (Ан)	Bosom (Ан)	Bosom(Ан)	Bosom (Ан)
Очи	Eyes (Ан)	Eyes (Ан)	Eyes (Ан)	Look, gaze (ЛСЗ)	Look, gaze (ЛСЗ)

Таблица 2. Перевод французских архаизмов группы «портретные дескрипторы»

Архаизм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Зеница	Pupille (Ан)	Prunelle (Ан)	Cils (О)	- (Оп)	Paupiere (ЛСЗ)
Перси	Sein (Ан)	Gorge (Ош)	Epaules (Ош)	Epaules (Ош)	Sein (Ан)
Очи	Yeux (Ан)	Paupieres (Ан)	Regarder (ЛСЗ)	Yeux (Ан)	Contempler (ЛСЗ)

А. Портретные дескрипторы: 1) зеница, 2) очи, 3) перси.

1. «Слеза тихо круглится на его **зенице**» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 53]. Зеница – устаревшее слово, означающее «глаз, зрачок» [Горбачевич, 2006, Т. 6, с. 722]. Все англоязычные переводчики используют современное соответствие «eye», что в переводе означает «глаз, зрение, око», а также «взгляд, суждение» [Мюллер, 2006, с. 401]. Французские переводчики единодушно применяют различные семантические эквиваленты устаревшему слову в рамках стратегии доместикации. М. Окутюрье использует лексему «*pupille*», обладающую в словаре стилистической пометой «анат.» (анатомический) [Гак, Ганшина, 2001, с. 884]. Ж. Приэль передает слово как «*prunelle*» (зеница), то есть посредством эквивалентного тексту оригинала архаизма [там же, с. 884]. С. Татарула применяет способ описательного перевода «*au bord de ces cils...*» («на кончиках его ресниц...»). Л. Виардо допускает опущение или устранение архаизма за счёт перераспределения его значения в тексте перевода. И. де Витте производит лексическую замену с помощью гиперонимического перевода: «*raupière*» в значении «веко» [Гак, Ганшина, 2001, с. 793].

Анализ переводов позволяет установить частичную конвергентность выбранных переводчиками стратегий тексту оригинала с точки зрения содержания, поскольку значение устаревшего слова передано адекватно с помощью современных эквивалентов. Временной и локальный колорит как функционально-стилистический аспект переводимого слова успешно воспроизведён в переводе Ж. Приэлем, обеспечивающим преимущество полной конвергентности.

2. «...*Глядет прямо в очи*» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 46]. Архаизм «око» широко представлен в произведении в форме множественного числа «очи». В Большом академическом словаре слово «око» сопровождается пометой «устаревшее» (устар.) и «традиционно-поэтическое» (трад.-поэт.) и означает «глаз» [Горбачевич, 2005, Т. 15, с. 637]. Все английские переводчики переводят слово в современном значении «eyes» («глаза»). Французские

переводчики также используют эквивалент «*уеих*» и в ряде случаев производят лексико-грамматические замены: С. Татарула – *regarder* (смотреть), И. де Витте – *contempler* (созерцать). Приведенные варианты переводы конвергентны оригиналу содержательно полностью или частично, но формально лишены временного или локального колорита.

3. «*Перси... отцвели*» [Гоголь, 1937, Т.2, с. 50]. Устаревшее слово «перси» означает «женская грудь» [Горбачевич, 2005, т. 16, с. 455]. Все английские переводчики используют слово возвышенного регистра «*bosom*» в значении «лоно, грудь» [Мюллер, 2006, с. 133]. Французские переводчики М. Окутюрье, И. де Витте применяют эквивалентную лексему «*sein*» [Гак, Ганшина, 2001, с. 1001]. Ж. Приэль (*gorge* – шея, горло), Л. Виардо и С. Татарула (*epaules* – плечи) допускают ошибку в передаче архаизма с искаженным значением оригинала и, соответственно, демонстрируют дивергентную стратегию перевода.

Б. Гендерная номинация: 1) дева, 2) молодец, 3) витязь.

Таблица 3. Перевод английских архаизмов группы «гендерная номинация»

Архаизм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Дева	Maiden (Ан)	Maiden (Ан)	Maiden (Ан)	Maiden (Ан)	Maiden (Ан)
Витязь	Cavalier (Ан)	The most heroic rider (О)	Young noble (О)	Knight (Ан)	The most heroic warrior (О)
Молодец	Fellow (Ан)	Lad (Ан)	Fellow (Ан)	Fellow (Ан)	Lad (Ан)

Таблица 4. Перевод французских архаизмов группы «гендерная номинация»

Архаизм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Дева	Jeune fille (ЛСЗ)				

Витязь	Chevalier (Ан)	Hero (ЛСЗ)	Chevalier (Ан)	Chevalier (Ан)	Chevalier (Ан)
Молодец	Gaillard (Ан)	Gaillard (Ан)	Gaillard (Ан)	Jeune homme (ЛСЗ)	Gaillard (Ан)

1. «*Взоры девы*» [Гоголь, 1937, Т.2, с. 103]. Термин «дева» относится к архаичной лексике с поэтической маркированностью, обозначающей девушку в возвышенно-эпическом ключе [Горбачевич, 2005, Т. 4, с. 585]. Его употребление актуализирует фольклорно-мифологический подтекст, характерный для лирико-эпических текстов. В рамках стратегии форенизации английские переводчики передают данное понятие архаичным эквивалентом «*maiden*», подчеркивающим историко-временную дистанцию и сохраняющим стилистическую маркированность оригинала. Французские переводчики нейтрализуют архаичный компонент, заменяя его нейтральным перифразом «*jeune fille*» (девушка), используя параметр доместикации. Все переводы данной лексемы конвергентны оригиналу с точки зрения критерия семантической адекватности. Использование архаизма «*maiden*» в английских переводах релевантно как с точки зрения интра-, так и экстралингвистической реальности повести, поскольку сохраняет интертекстуальные связи с западным средневековым эпосом. Французский подход, напротив, отражает тенденцию к адаптации текста для современного читателя, что ведёт к нивелировке эпической коннотации и утрате исторического колорита.

2. «*Понёсся витязь*» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 142]. Архаизм «витязь» (др.-рус. «храбрый воин») в гоголевском тексте выполняет двойную функцию: 1) номинативную – обозначение казака как носителя воинской доблести; 2) символическую – репрезентация архетипического образа «богатыря» в рамках национально-исторического мифа [Горбачевич, 2005, Т. 2, с. 593].

Английские переводчики прибегают к опции доместикации, ср.: Б. Бэскервилл – *cavalier* (всадник, кавалерист), Дж. Курнос – *rider* (наездник), К. Гарнетт – *noble* (представитель, знати, дворянин), О. Горчаков – *knight* (рыцарь), И. Хэпгуд – *warrior* (воин). Представленные денотаты в словарных

определениях передают схожие обозначения фигуры рыцаря на коне. Все примеры демонстрируют различные стилистические тональности (от возвышенного до нейтрального) и снабжены коннотациями, воспроизводящими преимущественно западноевропейский хронотоп средневековой культуры. Исключение составляет лишь понятие «*warrior*», имеющее нейтральное значение «воин».

Французские переводчики в большинстве своем также доместизируют архаизм с помощью аналога, характерного для французской культуры. Понятие «*chevalier*» означает младший дворянский титул в средневековой Франции и конного рыцаря. Перевод Ж. Приэля «*hero*» (герой) является генерализацией художественного образа. С точки зрения семантической адекватности все переводы архаизма «витязь» конвергентны оригиналу, однако с позиции функциональной стилистики ни один перевод не обеспечил передачу локального колорита древнерусского слова. Смещение акцента с народного (украинско-казачьего) колорита на западноевропейский контекст нарушает критерий хронотопической целостности и рассматривается нами как дивергентность исходным единицам текста оригинала. Передача лексемы «витязь» требует баланса между семантической точностью и культурно-исторической референцией. Оптимальной стратегией могло бы стать использование пояснительного комментария или транслитерации с контекстуальным уточнением («*vityaz*» — «славянский воин»), что минимизировало бы потери на семантическом уровне.

3. «*Два дюжих молодца*» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 41]. Слово «молодец» относится к архаичной лексике народно-поэтического регистра, сочетающей номинацию молодого мужчины с коннотациями физической силы, смелости и доблести [Горбачевич, 2015, Т. 10, с. 338]. В гоголевском тексте лексема актуализирует фольклорный колорит, связывая образ героя с традицией русских былин и сказок, где «молодец» является архетипом удалого богатыря. Представленные английские переводы «*fellow, lad*» относятся к разговорному регистру и выполнены в рамках микростратегии доместикации. Денотативное

соответствие заключается в адекватной передаче возраста и гендерной принадлежности (молодой мужчина) при частичных коннотативных потерях: отсутствуют семантические маркеры «храбрости», «молодцеватости». Данные переводы демонстрируют хронотопический сдвиг: переход от эпического фольклорного пространства к бытовому контексту, что нивелирует связь с национальным колоритом.

Преимущественно все французские переводчики используют доместицированный аналог «*gaillard*» (лихой парень, голубчик), имеющий адекватный оригиналу оттенок «молодцеватости», «храбрости». Л. Виардо прибегает к метонимической замене «*jeune homme*» (молодой человек), отчасти конвергентный тексту оригинала.

С точки зрения содержания, представленные варианты перевода архаизма «молодец» конвергентны подлиннику, но не отражают заложенные в исследуемом архаизме коннотации и лишены локальных стилистических особенностей. Перевод архаизма «молодец» демонстрирует, что доместикация ведёт к снижению культурно-исторической многомерности текста, в то время как форенизация позволяет сохранить связь с оригинальным хронотопом, но требует учёта межкультурной рецепции.

В. Гастрономические объекты: 1) снедь, 2) снадобье (в двух значениях).

Таблица 5. Английские переводы архаизмов группы «гастрономические объекты»

Архаизм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Снедь	(Оп)	Anything can be eaten (О)	Food (Ан)	Food (Ан)	Anything can be eaten (О)
Снадобье (напитки, лекарства)	(Оп)	Potion (Ан)	Potions to drink (Ан)	Potion (Ан)	Potion (Ан)
Снадобье (военные)	Everything (Оп)	Stores (military) (Ан)	Military Equipment (Ан)	Every sort of provision (О)	Store (Ан)

Таблица 6. Французские переводы архаизмов группы «гастрономические объекты»

Архаизм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Снедь	Manger (ЛСЗ)	Nourriture (Ан)	Nourriture (Ан)	Se nourrir (ЛСЗ)	Nourriture (Ан)
Снадобье (напитки, лекарства)	Drogues (ЛСЗ)	Breuvages (ЛСЗ)	Médecines (ЛСЗ)	Remèdes (ЛСЗ)	Potions (ЛСЗ)
Снадобье (военные)	Toutes sortes d'accessoires militaires (О)	Toutes les choses utiles (О)	Denrées (Ан)	Toutes les choses utiles (О)	Toute chose utile en guerre (О)

1. «*Пойти в снедь*» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 99]. Архаизм «снедь» (от глагола «снестать») обозначает устаревшее понятие «пища, еда», характерное для народно-разговорного регистра дореволюционного русского языка [Герд, 2019, Т. 26, с. 435]. В тексте лексема выполняет двойную функцию: 1) номинативную – указание на процесс потребления пищи; 2) стилистическую – создание историко-бытового колорита, связывающего действие с традиционным укладом жизни.

Все английские переводчики применяют стратегию доместикации. К. Гарнетт и О. Горчаков используют современные эквиваленты «*food*» (еда, пища), которые передают денотативную адекватность, при этом наблюдается нивелирование временного колорита ввиду устранения стилистической маркированности. Переход от историко-бытового контекста к универсальному демонстрирует хронотопический сдвиг и потерю локального колорита (этнокультурной специфики). Дж. Курнос, И. Хэпгуд применяют расширенную экспликацию, сохраняющую семантическую точность: «*anything that can be eaten*» (всё, что съедобно). В данных примерах наблюдается стилистическая нейтрализация: замена архаичной лаконичности на многословную фразу, нарушающую синтаксический ритм оригинала. Б. Бэскервилл опускает данный архаизм с применением контекстуального перевода.

Большинство французских переводчиков прибегают к современному аналогу «*nourriture*» (еда, пища), кроме М. Окутюрье и Л. Виардо. Последние

применяют перифраз «*manger n'importe quoi*» (есть не важно что) и опущение архаизма из контекста, а также целого связанного с данным понятием предложения. Все переводы конвергентны в передаче денотата «пища», однако с точки зрения передачи локального, временного колорита задача переводчиками не выполнена.

2. «*Пошла снадобьями*» [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 147]. Согласно словарным данным [Герд, 2019, т. 26, с. 423], исследуемый архаизм обладает полисемией: 1) лекарственный состав на основе трав; 2) бытовые предметы (например, «военные снадобья»). В большинстве переводов лексема интерпретируется через гипонимы, подчинённые гиперониму «лекарство».

Все переводчики передают понятие «*potion*» (доза лекарства, снадобье) в качестве аналога архаизму «снадобье». Б. Бэскервилл обходится без данной единицы, применяя контекстуальный перевод. Французские переводчики передают её с помощью синонимов: М. Окутюрье – *drogues* (лекарства, снадобья) [Гак В. Г, Триомф Ж., 2000, с. 331], Ж. Приэль – *breuvage* (напиток, питье) [там же, с. 137], С. Татарула – *médecines* (лекарства, снадобья) [там же, с. 625], Л. Виардо – *remèdes* (лекарства, лечебные средства) [там же, с. 851], И. де Витте – *potion* (микстура) [там же, с. 775]. Несмотря на семантическую адекватность, указанные гипонимы нейтрализуют стилистическую маркированность архаизма, а с ним и временной колорит.

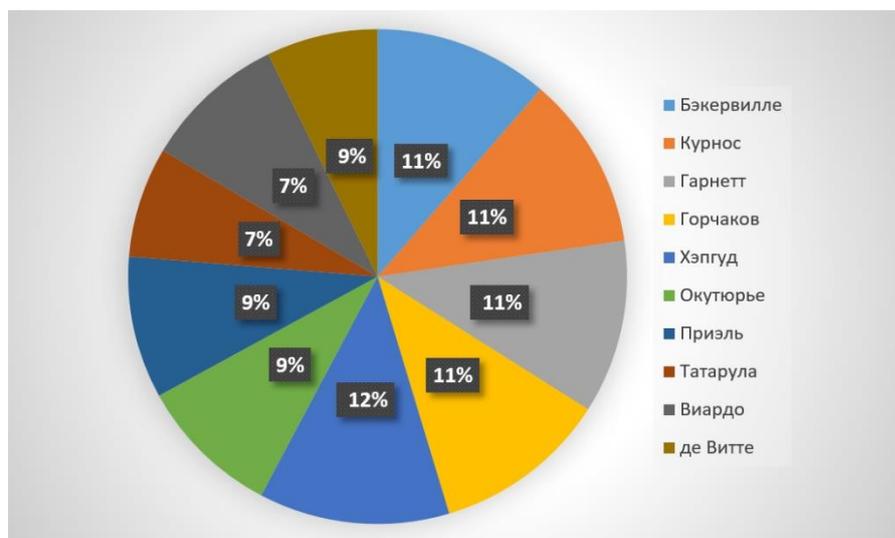
Второе значение данной единицы («предметы обихода») передаётся английскими переводчиками через гиперонимические конструкции, в частности: контекстуальные аналоги (*military equipment; store*) и экспликацию (*every sort of provision; everything*). Все лексемы опосредуют смысл указанного архаизма оригинала, но не передают стилистическую окрашенности с точки зрения временного, локального колорита. Французские переводчики употребляют преимущественно контекстуальные аналоги, конвергентные тексту оригинала: М. Окутюрье – *accessoires* (принадлежности, аксессуары), С. Татарула – *denrées* (товары, продовольственные товары) [там же, с. 290], все остальные – нейтральное понятие «*chose*» в значении «вещь».

Анализ показал, что оптимальным методом передачи архаизмов является диахронический подход (архаизация), предполагающий подбор устаревших лексем языка перевода (при их наличии). Например, использование «*potion*» в переводе И. де Витте частично сохраняет архаичный оттенок. Однако подобные случаи редки, так как не все единицы обладают историческими синонимами в языках перевода.

Таблица 7. Оценка конвергентности переводов (в баллах)

Переводчик	Показатели конвергентности (2; 1), дивергентности (0)									Итого
	1	1	2	2	0	1	1	0	1	
Бэскервилл	1	1	2	2	0	1	1	0	1	9
Курнос	1	1	2	2	0	1	1	1	1	10
Гарнетт	1	1	2	2	0	1	1	1	1	10
Горчаков	1	1	2	2	0	1	1	1	1	10
Хэпгуд	1	1	2	2	1	1	1	1	1	11
Окутюрье	1	1	2	1	0	1	1	1	1	9
Приэль	2	1	0	1	1	1	1	1	1	9
Татарула	1	1	0	1	0	1	1	1	1	7
Виардо	1	1	0	1	0	1	1	1	1	7
де Витте	1	1	2	1	0	1	1	1	1	9

Диаграмма 1: Соотношение стратегий конвергентности переводов

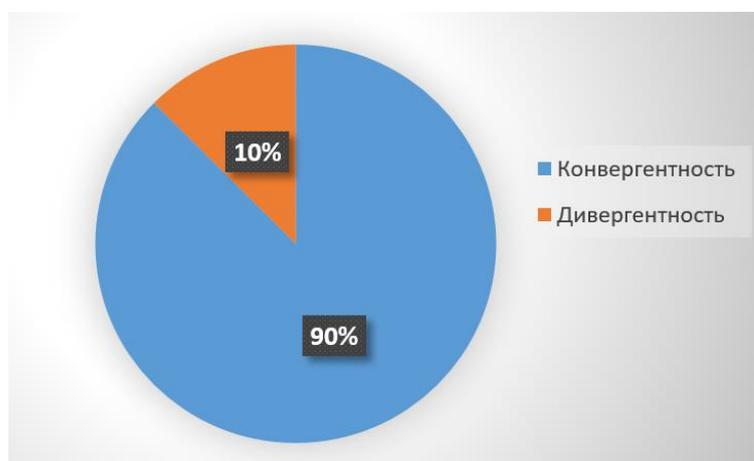

Согласно данным табл. 7 и диагр. 1, наибольший уровень конвергентности (11 %) демонстрирует перевод И. Хэпуд (11 баллов). Близкие показатели (9–11 %) зафиксированы у Б. Бэскервилл, Дж. Курноса, К. Гарнетт и О. Горчакова. Наименьшие значения (7 %) отмечены в переводах Л. Виардо и С. Татарула (7 баллов), что свидетельствует о недостаточной передаче стилистических особенностей архаизмов

На основе анализа 9 архаизмов и 90 их переводов установлено, что конвергентность преобладает на семантическом уровне (передача базового значения), в то время как дивергентность характерна для стилистического аспекта (утрата временного колорита).

Анализ выявил две ключевые причины расхождений: 1) ошибки в переводе (2 случая: например, некорректная интерпретация контекста) и 2) нарушение передачи хронотопа (8 примеров), связанное с переводом лексемы «витязь». Хронотоп как единство временных и пространственных характеристик текста был искажен, что привело к явлению перенационализации – подмене культурно-исторических реалий оригинала элементами иной культуры [Чепель, 2019, с. 47]. Из диагр. 2 следует, что общая доля конвергентности исследуемого корпуса архаизмов составляет 90 % при 10 % случаев дивергентности.

Диаграмма 2: Соотношение конвергентных и дивергентных переводов архаизмов

Абсолютное большинство переводов доместицировано и 75 % основано на лексико-семантических заменах (подбор современных аналогов) и экспликации (описательные конструкции). Однако эти методы не обеспечивают адекватной передачи временного колорита. Например, нейтрализация архаизма «снадобье» через гипероним «*chose*» (фр. «вещь») стирает его историческую специфику.

Архаизмы как единицы создания преимущественно временного и частично локального колорита должны быть адекватно переданы в первую очередь с точки зрения национально-исторического соответствия описываемой в тексте эпохе. Рекомендуется при переводе классического художественного текста акцентировать не только семантическую точность, но и стилистическую маркированность, используя архаичные аналоги или экспликацию с элементами пояснения: ср. «*sned'*» (устар. «пища») + сноска с историческим комментарием. Это позволит сохранить национально-исторический колорит оригинала, отражающий этнокультурный и временной контекст.

1.3. Передача локально-временного колорита

Передача локально-временного колорита повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» на материале английских и французских переводов связана с проблемой сохранения национально-исторической специфики текста, носителями которой являются такие выразительные средства с временными ограничениями, как историзмы. Как отмечает Ю. В. Кобенко, историзмами обозначаются реалии (артефакты) определенной эпохи, которые наряду с архаизмами составляют функционально-стилистически дифференцированный репертуар [Кобенко, 2023, с. 46]. По мнению Ю.В. Явари, использование таких лексических единиц способствует «реконструкции хронотопа через актуализацию культурно-обусловленных смыслов, что усиливает аутентичность изображения исторического контекста» [Явари, 2016, с. 197].

В рамках настоящего исследования историзмы в повести «Тарас Бульба» могут быть отнесены к следующим группам: 1) *этнографические историзмы*, включающие а) категории быта и хозяйства (например, обозначения пищи: полова, кулиш; элементов одежды: ермолка, свитка) – в определении В. Н. Комиссарова «бытовые реалии, отражающие материальную культуру этноса» [Комиссаров, 2000, с. 89]; б) транспортные средства (колымага, галеры), которые Е.В. Бреус относит к «артефактам, требующим культурной адаптации в переводе» [Бреус, 2015, с. 112]; в) единицы измерения и денежные единицы (верста, червонцы), чья семантика, по мнению А.Д. Швейцера, «связана с историческими системами измерения, утратившими актуальность в современных языках» [Швейцер, 2012, с. 74]; 2) *общественно-политические историзмы*, охватывающие а) административно-территориальную лексику (курень, Сечь), которую Л.С. Бархударов классифицирует как «институциональные реалии, маркирующие социальную организацию общества» [Бархударов, 1975, с. 63]; б) социально-военную терминологию (звания: хорунжий; виды оружия: палаш), что Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне называют «специфической лексикой, требующей эквивалентов с аналогичной коннотацией» [Vinay, Darbelnet, 1995, p. 45].

В рамках данного параграфа ограничимся примерами употребления историзмов, принадлежащих к следующим трём семантически-функциональным группам: а) единицы меры, б) военные оружия, в) военные и гражданские профессии.

Проанализируем этнографические историзмы подгруппы «единицы меры»: 1) верста; 2) сажень.

Таблица 8. Английские переводы историзмов группы «единицы меры»

Историзм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Верста	Versts (Tp)	Versts (Tp)	Miles (An)	Hours (Oш)	Verstes (Tp)
Сажень	Six feet high (An)	Six feet high (An)	Seven foot (An)	Six feet high (An)	Seven feet tall (An)

Таблица 9. Французские переводы историзмов группы «единицы меры»

Историзм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Верста	Verste (Тр)	Verstes (Тр)	Verst (Тр)	Verste (Тр)	Lieues (Ан)
Сажень	(Оп)	Deux metres (Ан)	Six pieds (Ан)	Six pieds (Ан)	Sept pieds de haut (Ан)

1. «**Вёрст** пять» [Гоголь, 1937, с. 151]. Анализ перевода историзма «верста» в английских и французских версиях повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» позволяет выявить ключевые стратегии передачи культурно-исторической специфики. Согласно определению А.С. Герда, верста – русская мера длины, равная 1,067 км, использовавшаяся до введения метрической системы [Герд, 2019, с. 428].

Английские переводчики переводят данную единицу измерения преимущественно с помощью транслитерации «*versts*», выделяя её при этом курсивом. Сохранение графической формы термина, выделенной курсивом, соответствует принципу «экзотизации» (форенизации) [Newmark, 1988, p. 104]. Например, во фразе подлинника «верст пять» переводчики Бэскервилл, Курнос и Хэпгуд сохраняют оригинальное написание, подчёркивающее национальный колорит.

К. Гарнетт использует эквивалентный аналог путевой меры длины «*miles*» (мили). Замена на единицу измерения целевого языка (1 миля $\approx$ 1,6 км) приводит к смещению хронотопа. Как отмечают С. Влахов и С. Флорин подобная адаптация искажает пространственные параметры текста [Влахов, Флорин, 1986, с. 89]. Например, расстояние в 5 вёрст ($\approx$ 5,3 км) превращается в 5 миль ($\approx$ 8 км), что нарушает логику описания.

О. Горчаков производит неадекватную замену реалионима на аналог, означающий единицу измерения времени «*hours*» (часы). Подмена единицы длины на временной интервал противоречит принципу эквивалентности [Комиссаров, 2000, с. 76]. Французские переводчики также преимущественно

используют транслитерацию «*verstes*». И. де Витте применяет аналог – старинную меру длины «*lieus*» (лье), равную 4,4 км, снабжая её дескриптивом «*entiers*» (целые). Замена на французскую меру длины (1 лье ≈ 4,4 км) сопровождается уточнением, однако увеличивает расстояние в 4 раза (5 вёрст ≈ 5,3 км → 5 лье ≈ 22 км). По мнению Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, подобные замены создают «иллюзию эквивалентности», но нарушают хронотопическую точность [Vinay, Darbelnet, 1995, с. 57].

Все переводы, кроме О. Горчакова, в плане содержания адекватны (конвергентны) оригиналу. Ввиду погрешности в отношении категории хронотопа переводы К. Гарнетт и И. де Витте оценены нами как дивергентные.

2. «*В сажень ростом*» [Гоголь, 1937, с. 42]. Сажень – линейная мера в старину, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер [Герд, 2019, Т. 24, с. 225]. Исследуемый историзм, обозначающий меру длины, используется в тексте повести в единичном случае как деталь при описании портрета персонажа. Английские переводчики применяют аналог в виде национальной единицы измерения «*feet*» (футы), где сажень соответствует около 6–7 футам (6 feet), обозначенным в тексте перевода. Во французских переводах Ж. Приэль при передаче историзма «сажень» использует современную метрическую систему и передает рост персонажа (то есть, его длину): «*2 mètres*» (2 метра). Остальные переводчики применяют стандарты измерительной системы, актуальные в дореволюционную эпоху (до 1795 года) и по характеристикам эквивалентные английским футам – «*pièd*» (стопа, ступня, фут). Отметим, что в варианте перевода М. Окутюрье данный историзм выпущен из контекста. Несмотря на очевидную погрешность в аспекте пространственно-временной совместимости переводы исследуемой единицы меры отнесём к конвергентной стратегии ввиду единичной, нейтральной позиции историзма в тексте повести.

Проанализированы следующие примеры из подгруппы «военное оружие» группы общественно-политических историзмов: 1) булат; 2) зеркало; 3) палаш; 4) палица.

Таблица 10. Английские переводы историзмов группы «военное оружие»

Историзм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Булат	Sword of fine Turkish steel (О)	Damascene blade, a costly Turkish sabre of the finest steel (Ош)	Turkish Sabre of the finest steel (О)	Rich Turkish sabre with a blade of damask steel (Ош)	Damascus Blade, a rich Turkish sabre (Ош)
Зерцало	Shield (golden stomach) (Ош)	(Оп)	Cuirass (Ан)	Breastplate (Ан)	(Gold everywhere, always gold) (Оп)
Палаш	Steel (Ан)	Sword (Ан)	Saber (Ан)	(Оп)	Sword (Ан)
Палица	The Atamans staff (Ан)	The hetmans staff (Ан)	Staff of an ataman (Ан)	The Atamans mace (Ан)	Atamán' s staff (Ан)

Таблица 11. Французские переводы историзмов группы «военное оружие»

Историзм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Булат	Lame en pur acier de Damas (Оп, Ош)	Sabre de Damas, en acier de premiere tempe (Ош)	Sabre turc en pur acier damasquine (Оп, Ош)	Precieux sabre turc (Оп, О)	Damasquiné (Ош)
Зерцало	De l'or sur son baudrier, sa toque, sur son ceinturon (Ан)	(partout de l or) (Оп)	Cuirasse d or (toque et ceinturon dore, Ан)	(Оп)	Gorgerin d or, toque et ceinturon d or (Ан)
Палаш	Fer (Ан)	Arme (ЛСЗ)	Saber (Ан)	Sabre (Ан)	Sabre (Ан)
Палица	Masse á la main (Ан)	Le Baton de comandement (Ан)	La Masse d'armes d'ataman (Ан)	Massue d ataman 127 (Ан)	Masse d'armes, insigne du pouvoir (Ан, О)

1. «...он снял с себя чистый **булат**, дорогую турецкую саблю из *первейшего железа*» [Гоголь, 1937б с. 168]. У понятия «булат» имеется два значения: высокотвердая сталь, из которой делали холодное оружие, а также меч из данной стали [Герд, 2019, т. 2, с. 247]. В тексте произведения автор приводит сразу два значения, поясняя одно из другого.

Все английские переводчики передают архаизм «булат» с помощью экспликации, избегая приема форенизации, когда новое слово, понятие посредством транслитерации вводится в текст перевода. Определяемым понятием в большинстве переводов служит не само обозначение холодного стального оружия «булат», как в оригинале, а его определение (определяющее) – «сабля из первейшего железа». Б. Бэскервилл переводит его как «*sword of fine turkish steel*» (меч из тонкой турецкой стали), К. Гарнетт – «*turkish sabre of the finest steel*» (турецкая сабля из тончайшей стали), О. Горчаков – «*rich Turkish sabre with a blade of damask steel*» (дорогая турецкая сабля с лезвием из дамасской стали). Определение «дамасский» (или дамаск) относится к одному из наиболее популярных видов стали. Дж. Курнос, И. Хэпгуд в своих переводах снабжают понятие «сталь» функцией определяемого, делая акцент именно на дамасском виде стали, отличающегося от булата иной технологией производства: «*damascene blade*», «*a costly turkish sabre of the finest steel*», «*damascus blade*», «*a rich turkish sabre*». Предпочтение дамаска булату демонстрируют и французские переводчики: М. Окутюрье – «*lame en pur acier de Damas*» (лезвие из чистого дамасского железа), Ж. Приэль – «*sabre de Damas, en acier de premiere tempe*» (дамасская сабля, из стали первой пробы), С. Татарула – «*sabre turc en pur acier damasquine*» (турецкая сабля из чистой дамасской стали), И. де Витте – «*damasquiné*» (дамаск). Л. Виардо производит опущение данного архаизма в значении «сталь», оставляя описание «*precieux sabre turc*» (ценная турецкая сабля).

С точки зрения сохранения национального и локального колорита историзм «булат» является важным элементом для его адекватной передачи текста как с точки зрения формы, так и содержания. Учитывая, что «булат» и «дамаск», несмотря на однородность металла, по технологии производства относятся к разным видам стали, практически за всеми переводчиками следует признать ошибку, вызванную подменой обозначения. Таким образом, представленные примеры перевода данного архаизма в различной степени дивергентны оригиналу.

2. «...и *зерцало* в золоте» [Гоголь, 1937, с. 111]. Зерцало – латы, металлические доспехи у русских воинов XIV–XVII веков, служившие защитой для груди и спины [Герд, 2019, Т. 6, с. 728].

Среди английских переводчиков при передачи данного понятия ближе всех к оригиналу оказываются К. Гарнетт – «*cuirasse*» (латы, кираса, панцирь) и О. Горчаков – «*breastplate*» (нагрудник, доспехи), подобравшие аналогичные исследуемому историзму эквиваленты. Б. Бэскервилл использует лексему «*shield*» (щит), значение которого передает иное средство защиты, неизвестное запорожским казакам в описываемую эпоху. И. Хэпгуд и Дж. Курнос производят контекстуальный перевод, где исследуемый архаизм опущен. Среди французских переводчиков наиболее адекватен оригиналу перевод С. Татарулы – «*cuirasse*» (латы, броня, кираса). Калькированное понятие «кираса» в Средние века означало «латы на спине и груди». М. Окутюрье использует французский реалионим-историзм «*baudrier*» – в значении «перевязь, портупея» [Гак, 2019, с. 111]. И. де Витте приводит французское понятие «*gorgerin*» (пелерина), означающее элемент мужского наряда в виде безрукавной накидки. Л. Виардо и Ж. Приэль производят контекстуальный перевод с опущением исследуемого историзма.

Таким образом, из 10 представленных примеров только два конвергентны первоисточнику.

3. «Тяжелый *палаш*» [Гоголь, 1937, с. 118]. Палаш (от польского *palasz*, тур. *pala* – меч, кинжал) – холодное, рубяще-колющее оружие с прямым длинным, расширяющимся к концу клинком [Герд, 2019, т. 15, с. 283].

Английские переводчики используют аналогии: Дж. Курнос, И. Хэпгуд – «*sword*» (меч, сабля), К. Гарнетт – «*sabre*» (сабля, шашка), Б. Бэскервилл применяет генерализацию посредством гиперонима «*steel*» (холодное оружие), О. Горчаков опускает данное слово при переводе. Французские переводчики М. Окутюрье, Ж. Приэль прибегают к приёму генерализации «*fer*» (железо), «*arme*» (оружие), другие переводчики обходятся синонимом «*sabre*» (сабля, меч). Несмотря на дифференциацию стилистической

составляющей переводов, применённые стратегии можно охарактеризовать как конвергентные подлиннику.

4. «Атаманская *палица*» [Гоголь, 1937, с. 121]. Палица – дубинка, использовавшаяся в старину в качестве боевого оружия [Герд, 2019, Т. 15, с. 296], а в средневековой Европе служившая символом рыцарской чести и статуса.

Все англоязычные переводчики приводят исторические эквиваленты данной единицы, фактически не противоречащие хронотопу повести: «*staff*», «*mace*» (жезл, булава). Французские переводчики также пользуются эквивалентными аналогами: «*masse à la main / d'armes*» (булава, палица), «*massue*» (дубина), «*baton de comandement*» (жезл главнокомандующего). Исследуемые переводы историзма конвергентны содержанию, однако функционально не передают древнерусского локального колорита.

Рассмотрим примеры общественно-политических историзмов, обозначающих гражданские должности и профессии: 1) ключник; 2) холоп.

Таблица 12. Английские переводы исторических реалионимов группы «должности, профессии»

Историзм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Ключник	Armourer (Ан)	Steward of a ship (Ан)	Steward of the ship (Ан)	Keeper of the keys (К/ЛСЗ)	Steward on a ship (Ан)
Холоп	Peasant (Ош)	Servant (Ан)	Footman (Ан)	Lackey (Ан)	Servitor (Ан)

Таблица 13. Французские переводы исторических реалионимов группы «должности, профессии»

Историзм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
ключник	Quartier-maitre principal (Ан)	Geôlier (Ан)	Porté-clefs (К/Ош)	Magasinier (Ан)	Porté-clefs (К/ Ош)
холоп	Laquais (Ан)	Laquais (Ан)	Valet (Ан)	Valet (Ан)	Valet (Ан)

1. «**Ключник на корабле**» [Гоголь, 1937, с. 137]. Ключник – слуга, в распоряжении которого или в чьём ведении находились ключи от мест хранения продовольственных запасов [Герд, 2019, Т. 8, с. 150].

Английская переводчица Б. Бэскервилл использует аналог «*armourer*» (оружейник, заведующий оружейным складом), по смыслу не соответствующий значению историзма оригинала. Дж. Курнос, К. Гарнетт, И. Хэпгуд переводят историзм доместицированно при помощи единицы «*steward*» (стюард, распорядитель, завхоз), отражающей не в полной мере функциональное значение текста оригинала и обладающей скорее современной семантикой. О. Горчаков применяет калькирование «*keeper of the keys*» (хранитель ключей), адекватное смыслу оригинала.

М. Окутюрье использует при переводе галлицизм «*quartier-maitre principal*» (интендант, заведующий хозяйственным обеспечением в армии), лишь частично соответствующий оригиналу. Ж. Приэль применяет жаргонизм «*geôlier*» (тюремный смотритель), неадекватный значению исследуемого историзма. С. Татарула, И. де Витте используют приём калькирования, пренебрегая словарным значением лексемы «*porté-clefs*» – «брелок, держатель ключей». Наиболее соответствующий по смыслу, но не стилистически следует признать перевод Л. Виардо «*magasinier*» – «кладовщик».

Из представленных 10 вариантов перевода историзма «ключник» только в двух примерах наблюдается конвергентная стратегия передачи историзма с точки зрения его семантики и соответствия категории хронотопа. Согласно установленным нами критериям, передача остальных средств создания колорита является дивергентной оригиналу.

2. «**Холоп в блестящем убранстве**» [Гоголь, 1937, с. 163]. Холоп (мн. ч. холопы, холопья) – крепостной слуга, прислужник кого-либо, а также в древней Руси человек, находящийся в зависимости, схожей по форме с рабством [Даль, 1991, Т. 4, с. 559].

Английские переводчики приводят следующие варианты: Б. Бэскервилл – «*peasant*» (крестьянин), Дж. Курнос – «*servant*» (слуга), К. Гарнетт –

«*footman*» (лакей, ливрейный лакей), О. Горчаков – «*lackey*» (лакей, холуй), И. Хэпгуд – «*servitor*» (слуга, приближенный). Значение лексемы «*peasant*» (крестьянин) отражает социальное происхождение его носителя, но не профессиональную деятельность.

Таблица 14. Оценка конвергентности переводов (в баллах)

Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)								Итого
Бэскервилл	1	1	0	0	1	1	0	0	4
Курнос	1	1	0	0	1	1	0	1	5
Гарнетт	0	1	0	1	1	1	0	1	5
Горчаков	0	1	0	0	1	1	1	1	5
Хэпгуд	1	1	0	0	1	1	0	1	5
Окутюрье	1	0	0	0	1	1	0	1	4
Приэль	1	1	0	0	1	1	0	1	5
Татарула	1	1	0	1	1	1	0	1	6
Виардо	1	1	0	0	1	1	1	1	6
де Витте	0	1	0	0	1	1	0	1	4

Диаграмма 3. Соотношение конвергентных и дивергентных переводов историзмов

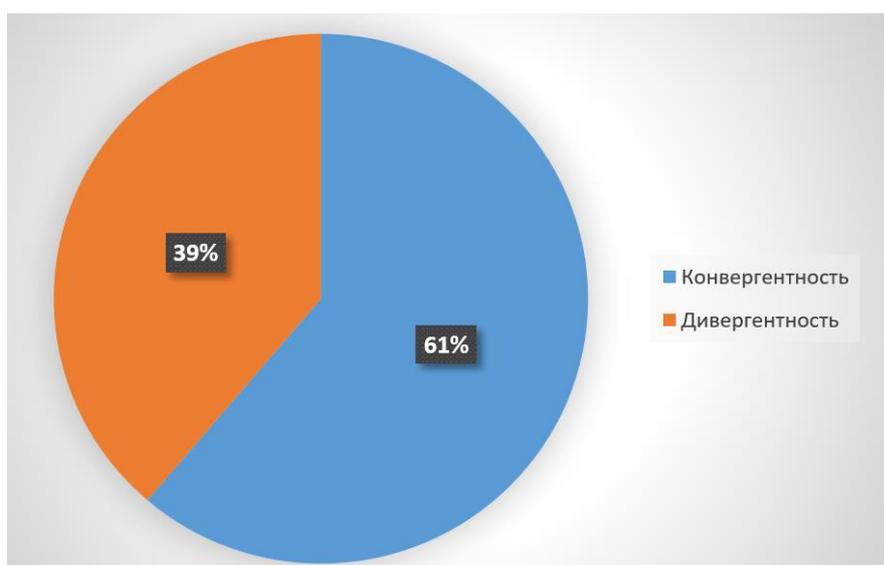
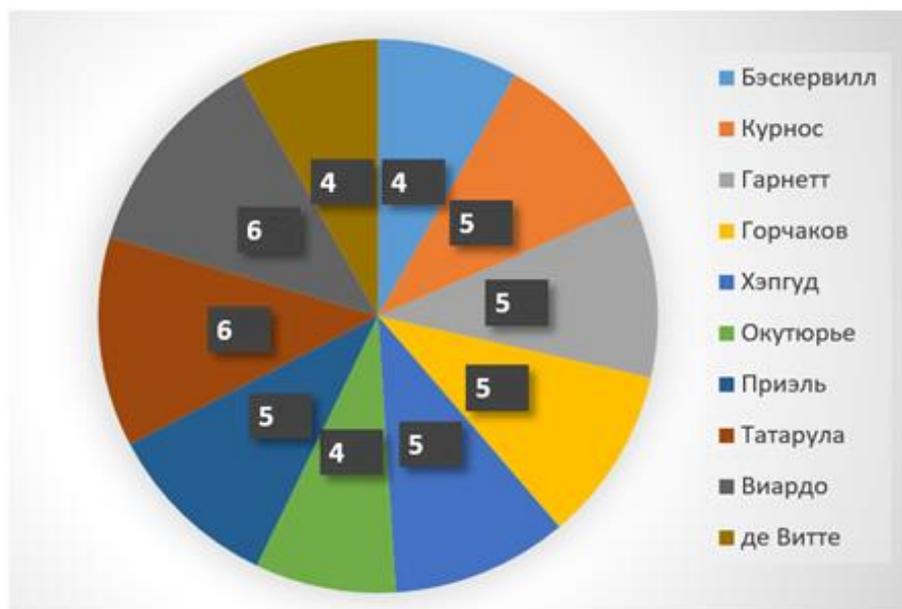

Диаграмма 4. Соотношение стратегий конвергентности переводов

Приведенные примеры, за исключением перевода Б. Бэскервилл, содержательно соответствуют оригиналу представленными эквивалентами, то есть являются конвергентными. Французские переводчики передают исследуемый историзм с помощью единиц *«laquais, valets»*, адекватных по своему содержанию оригиналу.

Исследование группы из восьми историзмов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и 80 английских и французских переводов показывает, что стратегия конвергентности продемонстрирована переводчиками в 61 % случаев, 39 % исследуемых примеров перевода дивергентны подлиннику. Абсолютное большинство транслируемых историзмов доместицировано при помощи уподобления (подбора современного аналога), лексико-семантических замен (описание) и калькирования. Таким образом, максимальной стратегии конвергентности достигают переводы С. Татарулы, Л. Виардо – 6 баллов; Дж. Курнос, К. Гарнетт, О. Горчаков, Ж. Приэль, И. Хэпгуд, адекватно тексту исходника переводят 5 из исследуемых 8 примеров историзмов, то есть по 5 баллов; наименьшую конвергентность наблюдаем в переводах И. де Витте, О. Окутюрье – 4 балла.

Дивергентность вызвана в 12 случаях ошибками в переводе, в восьми примерах – опущением реалионима и в девяти примерах – нарушением передачи хронотопа вследствие некорректного применения стратегии перенационализации. Стратегия форенизации применялась переводчиками умеренно (исключительно в отношении историзма «верста») и в совокупности зафиксирована в семи примерах перевода. Дивергентность в результате некорректной передачи историзмов оказывает отрицательное влияние на передачу национально-исторического колорита произведения и восприятие читателем полноценного перевода. Национальная, иноязычная специфика произведения выражается преимущественно соответствием категории места и времени разворачивающихся в произведении исторических событий.

1.4. Передача obscene лексик

Монологическая и диалогическая речь персонажей в художественном языке повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» содержит ряд вульгаризмов и obscene (лат. *obscenus* – «зазорный, неприличный»), которые можно отнести к казацкому диалекту представителей Запорожской Сечи. Посредством данных средств создания локального колорита с социальными ограничениями использования автор произведения передает особенности характера, речевого поведения героев, систему их ценностей и взаимоотношений. Obscene повести «Тарас Бульба» основаны на сравнении или противопоставлении и могут быть отнесены к следующим тематическим группам: 1) сравнение с животными: ворона, собака, собачий сын, псяюха, сукин сын, свиное ухо; 2) с религиозно-мифическими персонажами: чёрт, чёртов сын, чёртова детина, к нечистой матери, сто дьяблов к чертовой матке; 3) противопоставление по гендерному признаку: баба, разбойник; 4) по моральному, интеллектуально-волевому признаку: дурень, мазунчик, бейбас, падлюка; 5) по национальному признаку: бусурманин, жид, недоверок, татарва.

В рамках данной работы рассматриваются две группы обценезмов с доминантами: а) собака – собачий, б) чёрт – чёртов. Данный редукционизм вызван тем обстоятельством, что в тексте повести чаще всего применяются сравнения с животными и религиозно-мифическими существами. Бранные выражения «собака», «собачий сын» встречается в произведении 35 раз. Указанная сниженная лексика употребляется главным героем повести и другими казаками преимущественно в отношении противников – «жидов, ляхов, татар», выполняя в исследуемом тексте одновременно эмоционально-экспрессивную и оценочную функции. Р. Г. Кадимов и Г. Н. Маллалиев отмечают, что сравнение с данным животным используется для характеристики морально-волевых качеств персонажей-антагонистов, являясь образцом низости, подлости, недостойного поведения [Кадимов, Маллалиев, 2009, с. 3]. В речи казаков сопоставление с собакой представляет граничащее с несдержанной бранью тяжёлое оскорбление. К обценезмам, связанным с образом собаки, относятся также эпитеты: «рас / собачий сын», «сукин сын». Отметим, что указанные выражения соотносятся также с понятием «инвектива» (лат. *invectiva* – «бранная речь»): по сравнению с бранью инвективная лексика направлена на стремление понизить социальный статус человека [Озёрский, Сорокина, 2023, с. 337].

Обценезм в составе сравнительной конструкции выступает в тексте произведения в форме компаративных фразеологизмов: «пропал, как собака», «кинуть, как собаку», «голодные, как собаки», «повесят, как собаку», «как собаку за шеяку...». Противники-поляки в произведении также употребляют данный обценезм, ср.: «Попалась ворона! – кричали ляхи. – Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать» [Гоголь, 1937, с. 170]. Современный польский словарь обценезмов выдает традиционное ругательство с лексемой «собака», выражающее негодование: «*psia krew*», дословно означающее «собачья кровь» или функциональный аналог выражения «сукин сын» [Стыпула, 1980, с. 615]. Польский аналог обценезма «собака» встречается в повести в форме кальки «*псяюха*» и

отмечено автором как польское бранное слово, ср: «не верьте ляхам: продадут псяюхи!» [Гоголь, 1937, с. 210]. В современном обществе понятие «собака» воспринимается скорее положительно, дружелюбно, однако язык сохраняет пейоративную коннотацию, зафиксированную словарными пометами «бран., руг., ирон.-шутл.» для следующих выражений: «собачье дерьмо», «к чертям собачьим!», «не твоё собачье дело», «Ах ты, собака сутулая!» и др. [Мокиенко, 2004, с. 307]. Таким образом наблюдается тенденция, когда повсеместное использование инвективов ведет к постепенной утрате ими бранного значения и трансформирует характерную лексику в общеупотребительные «слова-паразиты» с полной или частичной делексикализацией [Панкратова, 2023, с. 73].

Таблица 15. Английские переводы обцензмов с лексемой «собака»

Обценззм	Б. Бэкервилле	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Собака	Dog (Ан)	Dog (Ан)	Dog (Ан)	Dog (Ан)	Dog (Ан)
Собачий сын	Hound (К)	Son of a dog (К)	Son of a bitch (Ан)	Hound's son (К)	Son of a dog (К)

А. Рассмотрим варианты передачи обцензмов «собака» и «собачий сын» в английских и французских переводах повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Для трансляции обценззма «собака» английские переводчики используют аналоги «*dog*» (собака, самец), «*hound*» (гончая, охотничья собака). В большинстве англоязычных стран исследуемое понятие не несёт негативного значения и, соответственно, воспринимается как нейтральное, т.е. единица общеупотребительной лексики. Исключения составляют несколько идиом, где лексема «собака» несёт фразовое ударение: «*be as sick as a dog*» (скверно себя чувствовать), «*throw to the dogs*» (бросить к чертям собачьим), «*go to the dogs*» (псу под хвост) [Мюллер, 2006, с. 336]. Использование лексемы в отрицательной коннотации допускается также в современной

медиакоммуникации, к примеру, американский политик и миллиардер Дональд Трамп, комментируя гибель сирийского политического лидера Аль-Багдади в 2019 году, выразился следующим образом: «*He died like a dog, a coward*» (*Он умер, как пёс, он умер, как трус*) [The White House, 11.05.2024].

Передача бранного выражения «сукин сын» в форме «*son of a dog*», «*hound's son*» является форенизированной калькой. В данном случае наиболее адекватен оригиналу эквивалентный обценнизм «*son of a bitch*» в переводе К. Гарнетт. Слово «*bitch*» в исходном значении «самка семейства псовых» в разговорной речи зачастую употребляется как оскорбление преимущественно в отношении женского пола (груб. сука, дрянь, стерва) [Мюллер, 2006, с.116].

Таблица 16. Французские переводы обценнизмов с лексемой «собака – собачий...»

Обценнизм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	В. Виардо	И. де Витте
Собака	Chien (Ан)	Chien (Ан)	Chien (Ан)	Chien (Ан)	Chien (Ан)
Собачий сын	Fils de chien (К)	Chenapan (ЛСЗ)			

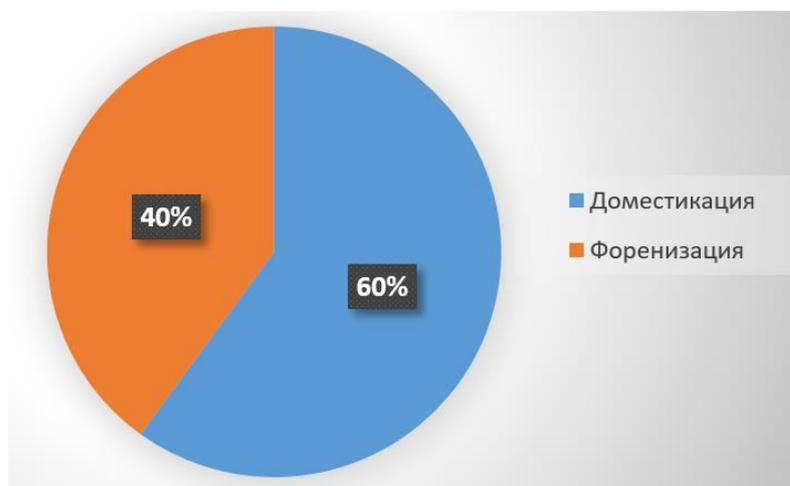
Все французские переводчики транслируют domesticiрованный аналог «*chien*» (собака, пес, сука). Следует подчеркнуть, что в современном французском языке понятие «собака» не имеет негативных коннотаций [Гак, Ганшина 2000, с. 194]. В словаре Французской Академии (*Dictionnaire de l'Académie française*) в редакции 1874 года обращение к человеку «собака» в переносном смысле ещё фиксировалось как презрительное, оскорбительное выражение в отношении кого-либо [Littré, 1874, р. 178]. Во французском тезаурае также сохранены следующие фразеологические единицы с лексемой «собака» в отрицательном значении: «*un temps de chien*» (мерзкая, собачья погода), «*travail de chien*» (собачья, то есть унижительная работа), «*un caractère de chien*» (собачий, ненавистный характер). Современный французский лингвист и писательница Ж. Невё отмечает, что большинство данных выражений свидетельствуют об эпохе негативного отношения к собакам как к

животным, символизирующим внешнюю и внутреннюю нечистоплотность, заслуживающих презрения [Le parisien, 2022].

Обсценизм «собачий сын» во всех французских переводах представлен форенизированной калькой «сукин сын» – «*fil du chien*», вместо аналогичного соответствия «*fil du chienne*» (*chienne* – самка собаки) или ещё более грубого французского вульгаризма «*fil de pute*» (*pute* – шлюха). Исключение составляет лексико-семантическая замена перевода И. де Витте обиходной единицей «*chenapan*», означающей «лодырь», «шалопай».

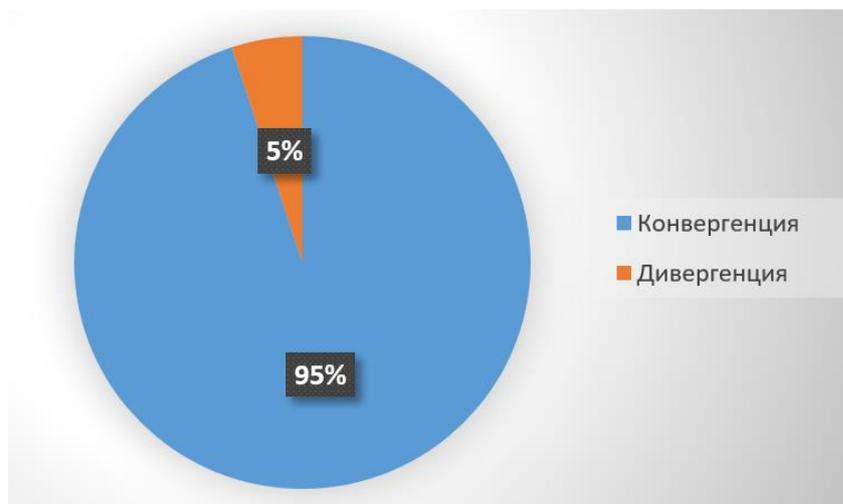
Сравнение человека с собакой в отрицательном значении характерно как для древнерусского эпоса, так и античного европейского фольклора, отражающего истоки негативного народного отношения к этому домашнему животному. Французский философ и автора книги «Собаки» М. Ализар указывает на причины такого отношения в своём интервью газете «*Le Parisien*» от 21.05.2022 г.: «Во времена язычества собака могла служить защитником воина, домашним стражем, а при монотеизме человека стали расценивать как «*domini canis*» (пёс божий). Подобное сравнение бессознательно было невыносимо для человека, и тот стал дистанцироваться от собаки, принижать её положение» [Le parisien, 2022].

Диаграмма 5. Соотношение стратегий доместикации и форенизации при передаче обсценной лексики

Все 20 единиц, содержащих ключевую лексику «собака», переданы переводчиками как с помощью стратегии доместикации (способом уподобления (аналога) – 60 %, так и посредством форенизации (способ калькирования) – 40 %, как показано на диаграмме 5.

Диаграмма 6. Соотношение стратегий конвергенции и дивергенции при передаче обсценной лексики

Согласно диаграмме 6, подавляющее большинство проанализированных единиц перевода группы А (95 %) конвергентны подлиннику на уровне слова и текста. Дивергентность на уровне слова зафиксирована в передаче лексемы «*sheparan*» (лодырь, шалопай), не совпадающей с лексической единицей оригинала по предметно-тематической группе, так как основанием для сравнения послужило противопоставление по морально-волевым качествам человека (ср. табл. 17).

Б. Передача обсценизмов с лексемой «*чёрт – чёртов...*». Лексема с корнем «чёрт» восходит к праславянскому этимону «черть» – «тот, кто роет» [Фасмер, 1996, с. 34], а в религии и фольклорных сказаниях обозначает злого духа в человеческом облике с рогами, копытами и хвостом. Данное понятие встречается в тексте повести как самостоятельно, например, в виде антропонима Чёрт – клички коня Тараса Бульбы, так и в составе словосочетаний (фразеологических единиц): «к чёрту», «чёрта с два», «чёрт

знает что», «сто дьяблов к чёртовой матке» и др. Всего нами зафиксировано 33 случая употребления указанного слова и связанных с ним понятий и выражений. Обратимся к особенностям передаче данного понятия в составе следующих выражений: 1) «чёртова детина», 2) «чёртов кулак», 3) «чёртов сын», 4) «чёртов жид», 5) «чёртов лях», 6) «чёртов Иуда», 7) «Сатана». Приведённые примеры относятся к экспрессивно-эмоциональной лексике, где обценнизм «чёрт» выступает ключевой лексемой, придающей выражению локальный колорит.

Таблица 17. Английские переводы обценнизмов с лексемой «чёрт»

Обценнизм	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Чёртова детина	Оп	Оп	Son of the devil	Оп	Devil's brat
Чёртов кулак	Skinflint devil	Devil's limb	Tight-fisted devil	Devil's son	pigheaded brute
Чёртов сын	Devil's son	Son of Satan	Son of a devil!	Devil's son	Son of the devil
Чёртов Иуда	Devilish Judas	Imp of a Jew	Devilish Judas!	Infernal Judas!	Devil of Judas!
Сатана	Satan	Satan	Satan	Satan	Satan
Чёртов жид	The Devil take that Jew!	What devils those Jews are!	Devil of a Jew	What devil that Jew is!	What devils those Jews are!
Чёртов лях	The polish devil	The polish devil	Devilish Pole	The Polish devil	The polish devil

Таблица 18. Французские переводы обценнизмов с лексемой «чёрт»

Обценнизм	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Чёртова детина	Enfant de Satan	Fils de diable	Fils de diable	Fils du Satan	Diable d'homme
Чёртов кулак	Cabocharde de malheur	Fils du diable	Vieux Diable	Tete du diable	Poing du diable

чертов сын!	Fils de chien	Fils du diable	Vieux Diable	Fils du diable	Fils du diable
Чертов жид	Diable de juif	Quel diable de Juif! Juif du diable	Diable de juif, Juif de diable	Diable de juif	Diable de juif
Чертов лях	Polonais du diable	Polonais du diable	Polonais du diable	Polonais de diable	Sacre Polonais
Чертов Иуда	Judas du diable	Judas de tous les diables 128	Diable de Judas!	Judas	Diable de Judas
Сатана	Satan	Satan	Satan	Satan	Satan

Из таблиц 17 и 18 следует, что доместицированными соответствиями понятию «чёрт» в английских и французских переводах являются преимущественно слова «*devil*», «*diable*», «*satan*», имеющие значения «бес, дьявол, демон, сатана, черт».

В русскоязычной культуре с точки зрения передачи колорита перечисленные выше религиозно-мифологические категории обладают различным «иерархическим статусом», в силу чего к лексическим синонимам можно отнести слова «чёрт» и «бес», употребляемые в следующих выражениях: «бес (черт) попутал», «мелким бесом», «седина в бороду, бес в ребро», «черти носят» и т.д. «Черт», равно как и «бес», занимает в христианской мировоззренческой парадигме низшую ступень среди представителей злых духов. В. В. Набоков в своем англоязычном труде о Гоголе также отмечает отсутствие научного описания географических разновидностей реалионимов «*Devil*» и «*Chort*» (в авторской транскрипции). Последний «подвид» как персонаж русской культуры в понимании российско-украинского писателя являет собой воплощение дьявола в его изначальной «скользкой, незрелой стадии развития». В представлении русского человека чёрт, как пишет В. В. Набоков, «худосочный иноземец, тщедушный, скользкий бледнолицый бесёнок с немецкими, польскими, французскими ножками,

подленькой и гаденькой наружности» [Набоков, 2011, с. 37]. В представлении русского человека чёрт, согласно цитации Набокова, – «худосочный иноземец, тщедушный, скользкий бледнолицый бесёнок с немецкими, польскими, французскими ножками, подленькой и гаденькой наружности» (пер. с АЯ – Л.С.). В повести «Ночь перед Рождеством» автор описывает чёрта народным перифразом «немец проклятый» [Гоголь, 1937 b, с. 225].

Несмотря на общестилистические особенности, обусловленные различием функциональных репертуаров сопоставляемых языков, можно сделать вывод о конвергентной стратегии большинства переводов на уровне текста. Рассмотрим противоречивый контекстуальный характер перечисленных выше обценизмов с точки зрения выполняемых ими в тексте функций на уровне слов и интонации.

Употребление обценизма «чёрт» в обозначенных случаях в зависимости от контекста может иметь неоднозначную стилистически-прагматическую окраску. Например, если в тексте повести указанные единицы используются по отношению к персонажам-протагонистам – «казакам», то обцененная лексика имплицитно приобретает шутливый, товарищеский тон, ср.: «Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! – закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпенья, кричит неугомонному повесе-ребенку» [Гоголь, 1937, с. 129]. Использование бранных выражений в похожих случаях обусловлено не столько желанием оскорбить товарища, сколько выразить досаду и дружеское негодование. В данном случае обценизм несёт не оценочную, а дезинтегративную функцию, характеризующую представителей маргинальных культур, к которым можно отнести и воинствующее казачье сообщество эпохи Средневековья. Как отмечает Ю. В. Кобенко, использование вульгаризмов маргинальными группами носит не ситуативный, а регулярный, хаотичный характер [Кобенко, 2023, с. 49].

Оценочная функция бранных формулировок проявляется в отношении героев-антагонистов, подбирающих более грубые выражения и прямо намеревающихся выразить наивысшую степень пренебрежения к противнику.

Ненормативная лексика усиливается пейоративами в отношении национальности, ср.: просторечное, презрительное обращение «жид», а не «еврей, иудей» [Квеселевич, 2003, с. 140], а также «лях» вместо «поляк». Употребление пейоративов, отражающих особенности локального колорита, в отношении национальностей не передаются переводчиками ввиду отсутствия эквивалентов. В транслятах представлены нейтральные обозначения этнической принадлежности героев-антагонистов, ср: «*Jew*», «*Juif*» (еврей), «*Polish*», «*Polonais*» (поляк).

Использованное в повести бранное слово «сатана» стилистически имеет наиболее яркую экспрессивную окраску. Лексема, наиболее близкая по содержанию единице «дьявол» в словарном составе русского языка, восходит к древнееврейскому этимону «*satan*», означающему «противник Бога» [Фасмер, 2009, с. 448]. Неслучайно автор применяет обсценизм в ситуации, когда ошеломлённый Тарас таким образом именуется еврея Янкеля, когда тот сообщает ему новость о предательстве Андрия: «*Врёшь, чёртов Иуда! – закричал, вышед из себя, Тарас. – Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то – тут же тебе и смерть!*» [Гоголь, 1937, с. 114]. Обсценизмы «сатана», «Иуда» в исследуемых переводах переданы единицами «*Satan*», «*Judas*», равнозначными в репертуарах русского, английского и французского языков, что указывает на полную конвергентность исследуемых примеров тексту оригинала. Исключение составляет лишь перевод Дж. Курноса, где передача «*imp of a Jew*» (еврейский чертёнок / бесёнок) дивергентна подлиннику на уровне слова по своей экспрессивной семантике окраске и обладает скорее разговорной, а не напыщенной (патетической) окраской.

На фоне общей конвергентной тенденции зафиксированы прецеденты дивергентных стратегий перевода (см. табл. 17, 18), ср.: «*чёртова детина*», «*чёртов кулак*», «*чёртов Иуда*». Дивергентность в передаче выражения «чёртова детина» вызвана опущением рассматриваемого вульгаризма из текстов английских переводчиков Б. Бэскервилл, Дж. Курноса, О. Горчакова.

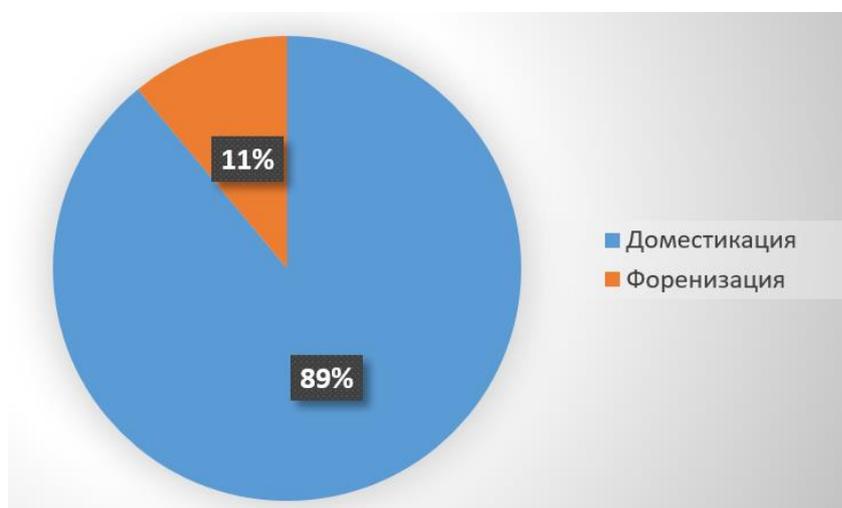
Расхождение с текстом оригинала выявлено при передаче словосочетания «чёртов кулак» ввиду некорректного восприятия большинством переводчиков данного выражения и, как следствие, допущения переводческой ошибки. Указанный обценнизм фактически состоит из двух элементов: имени прилагательного «чёртов», которое не имеет грамматического значения притяжательности, и имени существительного «кулак». Согласно словарю В. И. Даля, в XIX веке указанное слово употреблялось в значении «перекупщик, переторговщик, живущий обманом, обчётом, обмером» [Даль, 1998]. Н. В. Гоголь в «Мёртвых душах» неоднократно пользуется данной объемной характеристикой, которой наделяет в первую очередь героя Собакевича словами Чичикова: «Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты через это сделался то, что называют человек- кулак» [Гоголь, 1937, с. 96]. Таким образом, данный обценнизм отличается также временной атрибуцией [Сдобников, 1992, с. 19], т.е. передаёт временной и локальный колориты, так как связан с определенным образом эпохи.

Ошибочность большинства английских переводов вызвана неверной интерпретацией понятия «кулак» и выдвиганием единицы «чёрт» в функцию определяемого, а не определяющего (см. табл. 17, 18), ср.: «*skinflint devil*», «*tight-fisted devil*» (букв. «скряга», «скупой, прижимистый дьявол»). Одностороннее значение упрямства выражено в доместицированных переводах «*pigheaded brute*» (упрямый зверь), *cabochard de malheur* (несчастный упрямец). Дж. Курнос ошибочно передает значение словосочетания с помощью форенизированной кальки как «*devil's limb*» (дьявольская конечность), Л. Виардо – «*tête du diable*» (дьявольская голова), И. де Витте – «*poing du diable*» (дьявольский кулак). Нейтральную окраску обценнизму придали англо-французские переводы с генерализацией в качестве лексико-семантической замены, ср.: *devil's son*, *filz du diable* (чёртов сын), *vieux diable* (старый чёрт, дьявол). Ошибка в переводах вызвана также, по всей видимости, незнанием переводчиков соответствующего значения

единицы «кулак», что отразилось на адекватности (конвергентности) перевода. Несоответствующим подлиннику можно признать и доместицированный перевод Дж. Курносом общенизма «чёртов Иуда» – *«imp of a Jew»* (еврейский чертёнок / бесёнок), поскольку в языке оригинала данная единица снабжена просторечной, а не напыщенной (патетической) окраской.

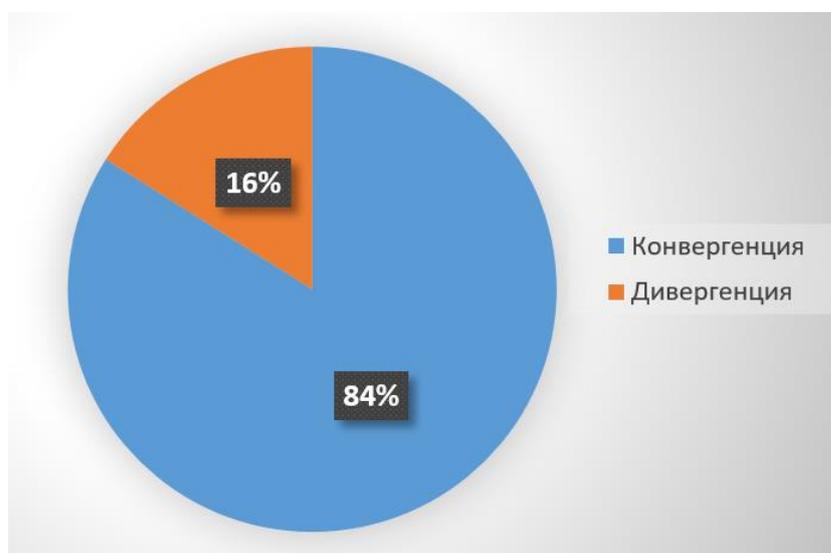
Таким образом, 8 из 70 проанализированных единиц перевода группы Б заимствованы переводчиками путём калькирования (табл. 17, 18), что составляет 11 % заимствований в рамках стратегии форенизации (диагр. 7). Из настоящего анализа следует, что стратегия доместикации, равно как форенизация (калькирование), не могут являться удачными стратегиями в аспекте передачи локального колорита, а также всех сопутствующих значений слова, в том числе авторской коннотации.

Диаграмма 7. Соотношение доместикации и форенизации при переводе общенизмов

Приведённые примеры дивергенции группы Б составляют 16 % от общего конвергентного объёма переводов (диагр. 8). Результаты анализа показывают, что на оценку качества и успешности в реализации стратегий передачи локального колорита общенизмов с лексемой «чёрт» повлияло допущение следующих переводческих ошибок: опущение слова и его некорректная лексико-семантическая замена.

Диаграмма 8. Соотношение конвергенции и дивергенции при переводе обцензмов

Исследование группы обцензмов с доминантами «собака – собачий», «чёрт – чёртов...» в тексте подлинника, обеспечивающих произведению локальный колорит, обнаруживает в языках перевода преимущественно конвергентную направленность. Доля конвергентности в отношении обцензмов первой группы (А) составляет 95 %, в отношении второй группы (Б) – 84 %. Стратегия конвергентности на уровне текста обусловлена в целом единой национально-культурной спецификой анализируемых понятий в исследуемых языках, а, следовательно, и наличием в языках перевода соответствующих функциональных аналогов или эквивалентов. Стратегия дивергентности, как показал анализ, вызвана в ряде случаев пропуском обцензмов, некорректным применением как стратегии форенизации (посредством калькирования), так и доместикации (за счёт уподобления, лексико-семантических замен), повлекших смысловые ошибки в транслятах.

Следует отметить, что исследуемые группы обцензмов в разных словарях отмечены как грубые, просторечные и разговорные выражения. К однозначным вульгаризмам лексемы «собака», «чёрт» и их производные могут быть отнесены исключительно с точки зрения соответствия

предметному содержанию повести: действие происходит в эпоху Средневековья (XIII–XV вв.), когда аналогичные инвективы имели непосредственно религиозный подтекст. Во времена создания повести данные бранные выражения на шкале оттенков экспрессивно-семантической окраски приближались к нейтрально-разговорному оттенку, исключающему инвективность. Конвергентность представленных переводов также проявляется через предпочтение переводчиков выбрать не грубые современные аналоги, а их более литературные соответствия. Таким образом, в представленных переводах можно наблюдать явление частичной эвфемизации – замены грубых, неприличных выражений (коммуникативных табу) на эмоционально нейтральные аналоги [Салимова, 2021, с. 106].

Исходя из результатов исследования, можно резюмировать, что в качестве критерия оценки в отношении обценезмов целесообразно использовать конвергентность, так как данная стратегия позволяет осуществить более качественный перевод и воспроизвести оригинальный авторский замысел средствами целевого языка. Однако в случае с переводом обценезмов противоречие может возникнуть в морально-этической плоскости их передачи в качественном и количественном соотношении. Ввиду данного аспекта, несмотря на искажающий характер дивергенции в отношении реалионимов исходного текста, право выбора стратегии всецело остается за переводчиком.

1.5. Передача диалектной лексики

Украинизированный язык исторической повести Н. В. Гоголя ввиду возросшего интереса к теме народности и в силу своей экзотичности объясняет популярность произведения среди читателей России 30–40 гг. XIX века. В. В. Виноградов, ссылаясь на высказывание В. Г. Белинского, отмечает скорее диалектный характер малороссийского языка как «ответвления русской «природы» и его преимущественное употребление среди украинского мелкого

дворянства, духовенства, казачества и крестьянства» [Виноградов, 1936, с. 288]. Малороссия, являясь исторической областью Российской империи, занимала всю юго-западную её часть. В. Виноградов отмечает «условно-литературное отношение Гоголя к украинской языковой особенности и уклонение автором от какой-либо социальной дифференциации своих персонажей в языковом отношении до начала работы над второй редакцией повести «Тарас Бульба», когда встал вопрос о «языке» казаков» [там же: 291].

Словарь малороссийских слов и наречий, известный также как «Лексикон малороссийский» составлен Гоголем в 1842 г. В него вошли два словарика «не всякому понятных слов», которые прилагались к каждой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832; 1836), а также объяснения более чем пятидесяти новых лексем, встречающихся в сборнике «Миргород». Отметим, что предшествующее отдельное издание «Миргорода» 1935 года, куда была включена первая редакция повести «Тарас Бульба», вышло без словаря [Гоголь, 2009, с. 660]. Таким образом, реалионимы повести «Тарас Бульба», относящиеся в наше время к иноязычной лексике, в диахронической парадигме XVIII–XIX и начала XX вв. можно рассматривать как малороссийские диалектизмы.

Ю.В. Кобенко определяет диалектизмы как самобытные слова, речевые обороты, имеющие хождение в определенной местности бытования национального языка и характеризующиеся консервативностью норм [Кобенко, 2023, с. 47]. В составе малороссийского лексикона, использованного Н. В. Гоголем, в качестве диалектизмов функционируют главным образом полонизмы и украинизмы.

Полонизмом обозначается заимствованное из польского языка слово, выражение, вид варваризма, а украинизмом – заимствованное или образованное по образцу украинского языка слово, речевой оборот [Ожегов, 2016, с. 836, 1239]. Н. Е. Ананьева называет данные единицы в русскоязычном тексте польско-украинскими, или инославянскими, языковыми элементами и распределяет согласно следующей классификации: старые полонизмы (*пан,*

предместье, магистрат, костёл); генетические полонизмы (*воевода, гайдук, ксёндз, костёл, магнат, шляхтич*); собственно полонизмы (*цурки, псеюха, далибуг*); собственно украинизмы (*батько, стара, жинка, вытребеньки, кулиш, саламата, кухоль*); генетические украинизмы (*чуб, чупрына, оседелец*) [Ананьева, 2012, с. 111].

К старым полонизмам в данном случае могут относиться слова, как сохранившиеся до настоящего времени, так и утратившие свою номинативную функцию. Например, глагол «облегать» в значении «осаждать (город)» больше не используется. Генетическими полонизмами, составляющими большую часть польско-украинских единиц (иноязычных вкраплений), Н. Е. Ананьева обозначает реалионимы, распространённые в обеих культурах. Входящие в данную группу лексемы по фонетической форме и содержанию совпадают с украинскими и польскими словами. Условное разграничение слова на украинизм или полонизм может происходить в том случае, если в тексте представлена форма, фонетически и графически сходная лишь с одним из языков. Например, слово «кухоль» в значении «кружка» является украинизмом, так как аналогичное понятие в польском варианте имеет форму «*kufel*». Глагол «запановати» в произведении в значении «править, овладеть» относится к полонизмам относительно украинского правописания «запанувати» [там же, с. 111].

Польский исследователь М. Балий, изучавший полонизмы в текстах Н. В. Гоголя, указывает на проникновение данных слов посредством украинского языка и отмечает незначительную часть в произведении «Тарас Бульба» собственно полонизмов, то есть непосредственно заимствованных из польского языка. Например, лексема «цурка» в значении «дочь» (*corka*) является полонизмом, или транслитерированным варваризмом, в произведении [Цит. по: Ананьева, 2012, с. 111].

Л. Прокопий в своем исследовании отмечает проникновение в русский язык полонизмов на рубеже XVI–XVII вв. при посредничестве говоров, диалектов белорусского и украинского языков [Прокопий, 2019, с. 53].

Сближение указанных языков во многом обусловлено географической близостью и историческими событиями, в частности вхождением Киевской Руси в состав Речи Посполитой, на что указывает фабула повести.

В свою очередь значительное количество полонизмов происходят от других языков (латинского, немецкого, тюркского, греко-римского): *палаши* (из тюрк. *pala*), *казакин* (от фр. *casaquin* через нем. *kazaquin*).

Н. Е. Руденко в своей работе «Гоголь во французских переводах» характеризует все иноязычные вкрапления повести «Тарас Бульба» как украинизмы без разграничения их на польские и украинские этимологические составляющие. Исследователь указывает на доступность понимания значения иноязычных единиц повести для русского читателя ввиду родственной общности русского и украинского языков, а также на восприятие украинизированной лексики в качестве особого слоя текста, позволяющего ярче воспроизводить речь и быт запорожцев: «На фоне французского текста слой украинизмов не воспринимается как самостоятельная группа, отличающаяся от русского языка, что затрудняет задачу переводчиков в передаче локального колорита» [Руденко, 1955, с. 5].

Опираясь на концепцию Н. Е. Ананьевой, рассмотрим следующие польско-украинские языковые элементы, обозначающие: а) названия лиц, родственные отношения (украинизмы): 1) *батько*, 2) *жинка*, 3) *стара*; б) названия лиц по социальному признаку (старые полонизмы): 1) *пан* (*паны-братья*, *панове*, *паничи*), 2) *панночка*, 3) *хлопец* (хлопцы).

Таблица 19. Английские переводы польско-украинских элементов

Полонизмы / Украинизмы	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
Батько	Old father, <i>Batka</i> (Ан, тр)	Dad, father (Ан)	Father (Ан)	Father, <i>Batko</i> (Ан, тр)	Dad (Ан)
Жинка	Women (Ан)	Women (Ан)	Women (Ан)	Women (Ан)	Women (Ан)

Пан	Mr. (Andrew) (Ан)	Lord (Andrii) (Ан)	Lord (Ан)	Lord (Andrei) (Ан)	Pan (Andrii) (Ан)
Паны-братья	Brother- gentlemen (Ан)	Brothers (ЛСЗ)	Mates (ЛСЗ)	Brother officers (Ан)	Friends, brother nobles (ЛСЗ, Ан)
Панове	Gentlemen (Ан)	Gentles (Ан)	Comrades (Ан)	Gentlemen (Ан)	Noble sirs (Ан)
Панночка	Mistress, Voievoda's daughter (ЛСЗ)	Lady (Ан)	Polish lady, Polish girl, the general daughter (Ан, ЛСЗ)	Lady, Waywode's daughter (Ан, ЛСЗ)	Young noblewoman, the young lady (Ан, ЛСЗ)
Стара	Old woman	Old woman	Old woman	Old woman	Old woman
Хлопцы	Lads (Ан)	Lads (Ан)	Lads (Ан)	Children, lads (Ан)	Boys (Ан)

Таблица 20. Французские переводы польско-украинских элементов

Полонизмы/ Украинизмы	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
Батько	Père (Ан)	Papa (Ан)	Père (Ан)	Père (Ан)	Père (Ан)
Жинка	Femme (Ан)	Cotillons (ЛСЗ)	Coueurs de cotillons (ЛСЗ)	Femme (Ан)	Femme (Ан)
Пан	Seigneur (Ан)	Seigneur (Ан)	Seigneur (Ан)	Mon seigneur (Ан)	Illustre chef, noble seigneur, monsieur (Ан)
Паны-братья	Seigneurs mes frères (Ан)	Seigneurs mes frères (Ан)	Amis (ЛСЗ)	Seigneurs et frères (Ан)	Seigneurs et frères (Ан)
Панове	Seigneurs (Ан)	Seigneurs (Ан)	Messieurs (Ан)	Seigneurs- freres (Ан)	Seigneurs (Ан)
Паничи	Jeunes maitres (ЛСЗ)	Jeunes maitres (ЛСЗ)	Jeunes maitres (ЛСЗ)	Jeunes seigneurs (ЛСЗ)	Jeunes maitres (ЛСЗ)
Панночка	Demoiselle, fille du	Jeune demoiselle, fille de	Jeune maitresse (ЛСЗ)	Demoisell e (Ан)	La belle polonaise, fille

	Gouverneur (Ан, ЛСЗ)	voievode (Ан, ЛСЗ)			de voievode (Ан, ЛСЗ)
Стара	Vielle (Ан)	Оп	Vielle (Ан)	Vielle (Ан)	Mère (Ан)
Хлопцы	Gaillards (Ан)	Garcons (Ан)	Enfants, garcons (Ан)	Enfants,ga rcons (Ан)	Enfants (Ан)

А. 1. *Батько*. Украинское существительное «*батько*» и его производные мужского рода (батька, батьку) означает «отец», «родитель» [Скрипник, 2004, с. 39], а также обращение к запорожскому атаману. В ходе исторической конвергенции украинского и русского языков слово преобразовалась в лексемы «*батьа*», «*батьня*», «*батьюшка*», обладающие почтительным и ласкательным оттенком звучания [Даль, 1991, Т. 1, с. 55]. В современный русский язык слово вошло как просторечное, иронично-дружелюбное обращение к мужчине. Лексема может использоваться в отношении военного главнокомандующему в армии, на флоте, в частности, в русско-белорусском медиапространстве соответствующий мейоратив применяется к президенту Республики Белоруссия А. Лукашенко.

Англоязычные переводчики используют эквиваленты «*father*» (отец), «*dad*» (папа). Французские переводчики также прибегают к семантически близким единицам «*père*», «*papa*» (отец, папа) для передачи родственных связи между героями повести: Ср.: «*Не смейся, не смейся, батьку! Да так, хоть ты мне и батько...*» [Гоголь, 1937, с. 42].

На наш взгляд, в обозначенном выше контексте диалектизм «*батько*» выполняет стилистически нейтральную функцию и может быть передан без ущерба смыслу и коннотативному значению с помощью соответствующего иноязычного эквивалента, ср. обращение казаков к атаману на поле боя: «*...где ты, батьку? Ищут тебя козаки*» [Гоголь, 1937, с. 145]. В данном случае автор акцентирует внимание на товарищеские узы действующих лиц, подчеркивая социальное единство местной группы людей, связанных между собой едиными целями и ценностными установками.

Перевод украинизма «*батько*» с помощью транслитерации является конвергентной стратегией в отношении передачи положительной авторской оценки к личности главного персонажа и передачи местного национального колорита. Указанную задачу успешно реализуют Б. Бэскервилл и О. Горчаков, использующие форенизированный перевод лексемы «*batka*», выделенной в текстах перевода курсивом. Таким образом, во втором случае конвергентная стратегия в аспекте сохранения локально-национального колорита достигнута лишь в двух примерах из 10.

2. *Жинка*. Слово «*жинка*» (укр. *жінка*) означает «женщина», «жена» и в разговорном употреблении «жёнка», «женский пол» [Скрипник, 2004, с. 217]. В тексте повести слово используется во множественном числе и встречается единожды: «*подбираться к жинкам*» [Гоголь, 1937, с. 47]. Все переводчики, за исключением двух переводов, передают данную лексему соответствующим нейтральным эквивалентом «*women*», «*femmes*». Ж. Приэль и С. Татарула производят замену единицы посредством метонимии: «*cotillions troussés*», «*coureurs de cotillions*», где ключевая лексема «*cotillions*» означает «нижняя юбка у крестьянок» [Гак и др., 2000, с. 237], а приведенные словосочетания имеют значение «бегать за юбками». Исследуемый диалектизм стилистически нейтрален, и его передача с помощью эквивалентного аналога является конвергентной оригиналу.

3. *Стара*. Украинизм с окситоническим ударением «*старá*», помимо возрастной характеристики, означает, как правило, обращение к пожилой матери и может использоваться между членами семьи: «*А где стара? (Так он обыкновенно называл жену свою) ...*» [Гоголь, 1937, с. 50]. В приведенном контексте обращение Тараса к своей жене звучит пренебрежительно, выражая определённый устоявшийся характер взаимодействия между ближайшими родственниками. Все переводчики используют при передаче данной лексемы эквивалент с семантикой «пожилая женщина»: «*old woman*», «*vielle*» (старушка, старуха). И. де Витте использует нейтральное, частично соответствующее оригиналу значение «*mère*». Таким образом ни в одном из

примеров не переданы целиком стилистические оттенки данного понятия, однако ввиду нейтрального положения указанного украинизма в контексте повести можно признать данную единицу конвергентной оригиналу.

Б. 1. *Пан* (*паны, панове, паничи*). «Пан» как обращение к мужчине распространено в Польше, однако до начала XX века слово было в широком употреблении и на территории Украины, а также в Белоруссии и Литве. В тексте повести единица «пан» используется в качестве обращения между сотоварищами-казаками в Запорожской Сечи и наиболее употребительна в форме древнерусского звательного падежа множественного числа «панове», реже – в форме «паны». Указанные лексемы могут использоваться как самостоятельно, так и в качестве гендиадиса с элементом другого обращения: «панове-братове», «паны-браты».

Полонизм «пан» и его производные относятся к диалектизмам-регионализмам, и адекватный перевод данной единицы обеспечивает передачу локального колорита как элемента хронотопа повести – единства её художественного пространства и времени.

В табл. № 19 и 20 показано использование переводчиками обращений (титулов), свойственных для некоторых стран Западной Европы: «*lord*» (лорд), «*seigneur*» (сеньор), «*monsieur*» (господин, сударь, месье). Полонизм «паны», «панове» передается с помощью функциональных аналогов: «*gentlemen*», «*gentles*», (господа, джентльмены); «*comrades*», «*mates*» (товарищи, друзья); «*seigneurs*», «*messieurs*» (сеньоры, господа), а также описательно: «*noble sirs*» (благородные сэры, господа).

Согласно словарным значениям, лорд – феодальный земледелец в средневековой Англии, а также наследственный титул английского дворянства [Ожегов, 2016, с. 502]. Сеньор (от фр. *seigneur* – старший) – в Западной Европе земельный собственник-феодал, вельможа; вежливое обращение к мужчине в Испании, Италии [там же: с. 1064]. Лексема множественного числа «товарищи» в англо-французской культуре

эквивалентно понятию «друзья, союзники» и в тексте оригинала в качестве обращения не употребляется.

В используемых английскими и французскими переводчиками аналогах и перифразах отчётливо проявляется стратегия доместикации, которая выступает признаком переводческой дивергенции поскольку отчуждает реципиента от историко-культурного кода повести. На наш взгляд, верным переводческим решением здесь могла быть транслитерация неизвестной иностранному читателю единицы, снабжённой инокультурным колоритом, с пояснением в виде сноски или затекстового комментария в особенности при первом её упоминании в тексте повести.

Полонизм «*панич*», употреблённый Н. В. Гоголем в единственном случае, имеет значение «сын помещика, барина»: «...засмутились приезда молодых *паничей*» [Гоголь, 1937, с. 52]. Переводчики передают данное понятие при помощи описания: «*young masters*», «*jeunes maitres*» (молодые хозяева). Данную единицу следует отнести к стилистически нейтральному регистру, а её переводы в приведённом контексте признать конвергентными оригиналу по содержательному признаку.

2. *Панночка*. Польско-украинское слово «панночка» автор применяет в отношении возлюбленной Андрия преимущественно в диалогической речи: «...Где *панночка*? жива ли ещё она?» [Гоголь, 1937, с. 90]. При этом в самом повествовании используются преимущественно синонимы и перифразы: «полячка», «красавица», «дочь воеводы».

В английских и французских переводах предпочтение отдаётся описательным оборотам и лексическим заменам: «*lady*» (леди), «*polish lady*» (польская леди), «*mistress*» (госпожа, хозяйка). Французские переводчики используют преимущественно понятие «*demoiselle*» (девушка, леди, дама), «*jeune maitresse*» (молодая госпожа), «*belle Polonaise*» (красивая полячка). Персонаж полячки не является главным в произведении, однако образ панночки можно назвать сквозным, имеющим в сюжетном развитии поворотное значение, в силу чего следует отметить частотность появления

данной единицы в тексте. По нашему мнению, для достижения максимальной конвергентности, аналогичной обращению «пан», обращение к девушке, молодой женщине целесообразно обеспечить в тексте перевода в форме транслитерации при первом упоминании, снабдив данную единицу соответствующим пояснением.

3. *Хлопец*. Полонизм «*хлопец*» (польск. *chlop* – крестьянин, холоп) имеет ряд значений, относящихся к понятию «молодой человек»: «мальчик», «юноша», «парень» [Стыпула, 1980, с. 58], а также разговорные слова «мальчуган», «молодчик» и т.п. [Скрипник, 2004, с. 924].

В тексте повести слово употребляется не менее семи раз и исключительно во множественном числе: «...*Ну, хлопцы, полно спать!*» [Гоголь, 1937, с. 50]. Английские переводчики используют преимущественно разговорный аналог «*lads*» (парни), а также «*boys*» (мальчики), «*children*» (дети), в то время как французские авторы переводов предпочитают аналогичные просторечные и нейтральные аналоги: «*gaillards*» (парни), «*garcons*» (мальчики), «*enfants*» (дети). Лексема «хлопец» используется в повести с функционально-стилистически нейтральным оттенком окраски и по этой причине может быть заменена на любой из приведённых иноязычных эквивалентов, которые в данном контексте представляются конвергентными оригиналу.

Таблица 21. Оценка конвергентности диалектизмов (в баллах)

Переводчик	Показатели конвергентности (2;1), дивергентности (0)						Итого
Бэскервилл	2	1	1	0	0	1	5
Курнос	1	1	1	0	0	1	4
Гарнетт	1	1	1	0	0	1	4
Горчаков	2	1	1	0	0	1	5
Хэпгуд	1	1	1	0	0	1	4
Окутюрье	1	1	1	0	0	1	4
Приэль	1	1	1	0	0	1	4
Татарула	1	1	1	0	0	1	4

Виардо	1	1	1	0	0	1	4
де Витте	1	1	1	0	0	1	4

Диаграмма 9. Диалектизмы. Соотношение конвергентных и дивергентных переводов

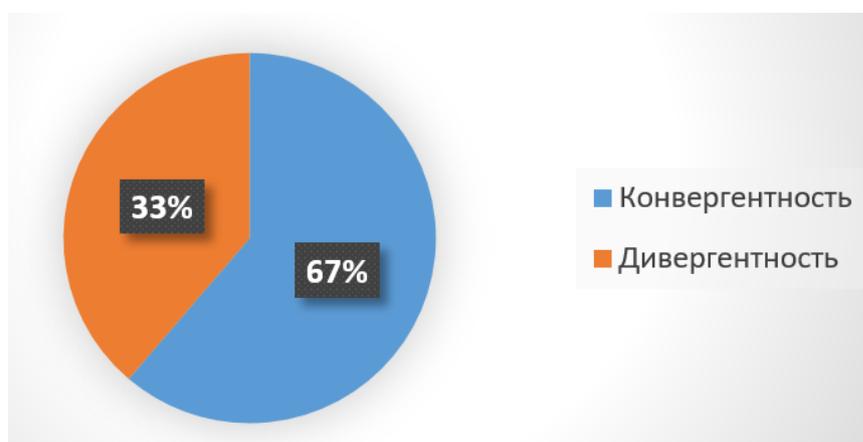
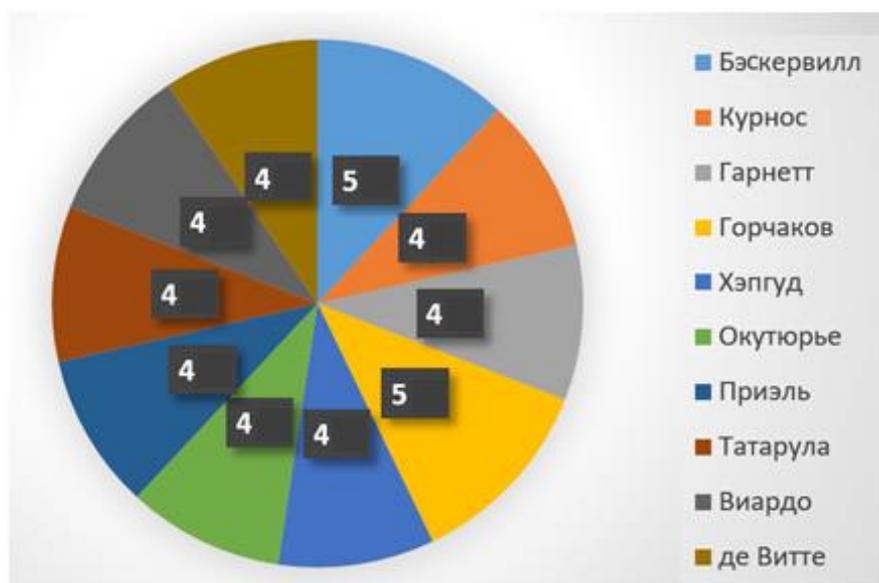

Диаграмма 10. Стратегия конвергентности переводов диалектизмов

Анализ группы из шести диалектизмов повести (украинизмов и полонизмов) и 60 английских и французских вариантах их перевода показывает, что стратегия конвергентности достигнута переводчиками в 67 % случаев, а 33 % прецедента перевода дивергентны подлиннику. Абсолютное большинство транслируемых диалектизмов доместифицировано посредством уподобления (подбора современного аналога) и лексико-семантических замен

(метонимические замены, перифраз, описание). Максимальной стратегии конвергентности достигают переводы Б. Бэскервилл и О. Горчакова – 5 баллов, а трансляты остальных авторов оценены в 4 балла. Преимуществами лидирующих переводов выступают учёт переводчиками неравнозначной стилистической позиции той или иной единицы в различных контекстах и, следовательно, комбинация различных переводческих стратегий. Дивергентность во всех рассмотренных случаях перевода диалектизмов вызвана нарушением передачи хронотопа ввиду некорректного применения стратегии перенационализации.

Выводы по первой главе

1. Дивергентность в отношении перевода историзмов, обценизмов и диалектизмов, реализующих временной и локальный колорит повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», ведёт, в первую очередь, к искажению хронотопа, обеспечивающего когерентность художественного времени и пространства, и, как следствие, влияющего на восприятие читателем художественно-исторической действительности, сконструированной автором произведения. Соответствие хронотопу и учёт употребительности лексической единицы выступают дополнительными критериями оценки перевода средств создания временного и локального колорита наряду с основными стратегиями конвергентности, дивергентности, доместикации и форенизации.

2. Конвергентность в отношении передачи архаизмов подгрупп «портретные характеристики», «гендерные обозначения», «еда, напитки» на английский и французский языки достигнута переводчиками в 90 % случаев, в рамках сопоставительного анализа наиболее удачным признан перевод И. Хапгуд. 10 % выявленных отклонений от текста подлинника ввиду дивергентной стратегии обусловлены нарушением хронотопной составляющей вследствие перенационализации, т.е. подмены культурно-значимой единицы исходного текста таковой в языке перевода. Архаизмы как

единицы создания преимущественно временного колорита должны быть адекватно переданы в первую очередь с точки зрения сохранения исторического характера исследуемого эпического произведения в жанре исторической повести.

3. При передаче этнографических и общественно-политических реалионимов подгрупп «единицы меры», «виды оружия» и «гражданские должности» стратегия конвергентности выявлена в 61 % случаев и достигнута в большинстве случаев посредством доместикации данных единиц путём подбора современного их аналога, а также при помощи описания и калькирования. 39 % приведённых примеров перевода дивергентны подлиннику. Максимальной стратегии конвергентности достигают трансляты С. Татарулы, Л. Виардо (6 баллов). Дивергентность в 39 % случаев вызвана ошибками в переводе, опущением реалионима (перераспределения его значения в контексте) и нарушением хромотопной составляющей вследствие перенационализации. Дивергентная стратегия перевода в отношении историзмов оказывает негативное воздействие на передачу временного и локального колорита авторского произведения, затрудняя адекватное восприятие читателем целостности текста с точки зрения его национально-исторической специфики.

4. В основе использования автором повести единиц обценной лексики с доминантными лексемами «собака», «чёрт» указанных единиц лежит сравнение с животными и религиозно-мифическими персонажами. Анализ 10 текстов перевода выявил предпочтение переводчиками как локальной стратегии форенизации (калькирования), так и стратегии доместикации (уподобления) на уровне слова и словосочетания. Достигнутая в отношении группы обценизмов преимущественная стратегия конвергентности на уровне текста обусловлена денотативной общностью анализируемых единиц в исследуемых языках.

5. При передаче диалектизм (украинизмов и полонизмов) в тематических группах «названия лиц, родственные отношения» и «названия

лиц по социальному признаку» конвергентность достигнута переводчиками в 67 % случаев. Абсолютное большинство переводимых реалионимов доместицировано посредством уподобления (подбора аналога) и лексико-семантической замены (метонимия, перифраз, описание). Максимальную стратегию конвергентности демонстрируют переводы Б. Бэскервилл и О. Горчакова – 5 баллов. Данным переводчикам удалось учесть различную стилистическую активность одного и того же реалионима в различных контекстах и применить адекватные стратегии перевода. Дивергентность при передаче диалектизмов во всех 33 % случаев вызвана нарушением категории хронотопа ввиду неадекватного применения стратегии перенационализации.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЛОКАЛЬНОГО КОЛОРИТА ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

2.1. Передача этнографических реалионимов

Одним из наиболее характерных признаков выразительного строя исторической повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» выступают реалионимы, которые наряду с варваризмами относятся к категории иноязычных вкраплений (ксенизмов, заимствований), принадлежащих в свою очередь к группе иноязычных слов. С точки зрения функции, реалионимы, равно как и территориальные дублеты и диалектизмы, относятся к средствам с территориальными (локальными) ограничениями использования. По определению Ю. В. Кобенко, «реалионимами (от лат. *realis* – существенный) являются обозначения эндемических объектов, процессов или явлений, характеризующих определенный ареал» [Кобенко, 2023, с. 48].

Реалионимами, или экзотизмами, также принято считать экзотическую лексику, к которой относятся слабо ассимилированные заимствования, описывающие особенности бытования какой-либо этнической группы [Филиппова, 2009, с. 197]. В ономастике термином «реалионимы» обозначают названия существующих или существовавших когда-либо объектов в противовес «фикционимам», т.е. именам вымышленным. Терминологически необходимо строго разграничивать понятия «реалии» и «реалионимы»: первые являются объектами окружающего мира (референтами), а вторые – их обозначениями (знаками) [Сафина, Кобенко, 2023, с. 3–4].

При переводе создаваемый реалионимами колорит чаще всего подвергается искажению ввиду их ареальной и исторической специфики, зачастую отсутствующей в языке перевода. Проанализируем переводы реалионимов текста повести «Тарас Бульба» главным образом с точки зрения передачи локального колорита в рамках конвергентной и дивергентной

стратегии, а также доместикации (дом.) и форенизации (фор.). Критерием передачи национально-эндемического характера реалионимов служит прежде всего соответствие или несоответствие категории хронотопа (Сх/Нх), установленной рамками исторической повести.

В данном исследовании за основу взята классификация М. А. Люксембурга, согласно которой все реалионимы разделяются на 5 предметно-тематических групп (категорий): этнографические, географические, общественно-политические, ономастические и ассоциативные реалионимы [Люксембург, 2008, с. 24–25].

Бытовая или этнографическая группа реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» представлена следующими подгруппами обозначений:

– строения, жилища: *бивак; вал; городская крепость; городской магистрат; засека; земляной свод; костёл; курень; монастырь; огород; околица; перекон; светлица; хата; хутор;*

– одежда, обувь, уборы: *бусы; башмак, бараньи шапки; войлок; габа, гаман (кошелек); диадема; ермолка; епанча; жупан; казакин; камзол; киндяк (шелковая лента); кисей; кафтан; козух; кунтуш; мантия; монисто; надплечники; наушники; онучи, очкур; паволока (ткань бумажная и шёлковая); панталонцы; платье; полукафтанье; подрясник; рубашка; саван; сафьян; свитка; сорочка; тулуп; фестоны; чалма; чепец; черевики; чоботы; чулки; шаровары; шемизетка; яломок (еврейская шапочка);*

– пища: *бублики; галушки; гречаная полова; калачи (и хлеба); копченый гусь; коржи; кулиш; маковники; медовики; меды; пироги; пундики; пышки; саламата; сало, снесь; толчёное просо; тыквы; харч; бараньи катки (куски);*

– напитки: *водка с перцем; горилка; меды сорокалетние; настойка; пиво (стопа); сивуха;*

– посуда, кухонная утварь: *медные казаны; кухоль (глиняный кувшин); чарка; золотое блюдо; сулея; мазница (бочонок); баклага (род толстого бочонка); корчик (род деревянного ковша); стопа (большая кружка);*

– национальные виды деятельности и деятели: *Адам Кисель, Дороша, гетман Потоцкий, гетман Острица;*

– денежные знаки, единицы меры: *гроши; дукаты, реалы; цехины; червонцы; вёрсты;*

– музыкальные инструменты, народные танцы и исполнители: *балалайки; бандура, бандурист; гопак; казачок; литавры; орган; тропак; турбан (народный музыкальный инструмент); церковные песельники;*

– народные праздники, игры: *чехарда, чёт и нечёт; игра «в свиньи»;*

– божества, сказочные существа, легендарные места: *чёрт; призрак; привидение.*

Рассмотрим группу из 5 этнографических реалионимов категории «еда, напитки» и их 50 транслятов в английских и французских переводах: 1) *бублик*, 2) *кулиш*, 3) *пампушки*, 4) *саламата*, 5) *горилка*.

Таблица 22. Английские переводы этнографических реалионимов группы «Еда, напитки»

Реалионим	В. С. Baskerville	J. Cournos	C. Garnett	О. А. Gorchakov	I. Napgood
Бублик	Cakes (ЛСЗ)	Cakes (ЛСЗ)	Breadring (К, фор., Сх)	<i>Boubliks</i> (Тр, фор., Сх)	Cracknels (Ан, Сх)
Кулиш	Evening meal (ЛСЗ)	Oatmeal 20 (ЛСЗ)	Stew (ЛСЗ)	<i>Culish</i> (Тр, фор., Сх)	Buckwheat groats (ЛСЗ)
Пампушки	Cakes (ЛСЗ) (ЛСЗ)	Dumplings (Ан, Нх)	– (Оп)	Dumplings (Ан, Сх)	Pastry puffs 37(О)
Саламата	pudding (Ан)	– (Оп)	Boiled grain (О)	– (Оп)	buckwheat groats (О)
Горилка	Brandy (Ан, Нх)	Corn-brandy (Ан, Нх)	Vodka (Ан, Нх)	Vodka (Ан, Нх)	Corn- brandy (Ан, Нх)

производства разных изделий из теста имеют свою специфику, отличаясь, например, более сухой, хрустящей структурой (табл. 22).

Согласно графику 1, все указанные переводы конвергентны подлиннику на уровне содержания, однако на уровне слова и в плане передачи локального колорита соответствием хронотопу или полной конвергентностью отличаются переводы К. Гарнетт и О. Горчакова.

2. «Путешественники...раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе **кулиш**» [Гоголь, 1937, с. 60]. Н. В. Гоголь в примечаниях к своей повести обозначил украинский «кулиш» или «кулеш» как «жидкую пшеничную кашу с салом», представлявшую походную еду казаков [Гоголь, 2013, с. 430].

Переводчики прибегают преимущественно к доместикации, используя лексико-семантические замены в виде генерализации: «*evening meal*» (ужин) или, напротив, конкретизации: «*oatmeal*» (овсянка), «*buckwheat groats*» (гречиха, гречневая крупа), «*stew*» (тушенка). Заимствование экзотического реалионима посредством транслитерации наблюдается у О. Горчакова (табл. 22). Таким образом, все переводы характеризуются конвергентностью оригиналу, однако локальный колорит национального украинского блюда, изобретенного казаками, в полной мере удаётся передать лишь в единичном из представленных примеров (граф. 1).

3. «Не нужно нам **пампушек**...» [Гоголь, 1937, с. 44]. Пампушки – круглые пышки из дрожжевого теста, выпекаемые в гоголевские времена чаще из гречневой или другой подобной муки.

Б. Бэскервилл прибегает к генерализации «*cake*», подчёркивающей принадлежность блюда к хлебобулочным изделиям. И Хэпгуд пользуется описанием «*pastry puffs*» в значении «выпечка из слоеного теста, слойки», что отличается по технологии производства от изготовления пампушек. Дж. Курнос и О. Горчаков применяют национальный реалионим «*dumpling*». Транслитерация «дамплинги» в англоязычной кулинарной терминологии означает обобщающее название блюд пельменного типа, происходящих из

различных стран мира. Дамплинги представляют собой кусочки теста с начинкой (чаще всего в качестве начинки используют мясо, рыбу, морепродукты, сыр, овощи, фрукты, грибы), изредка без начинки. То есть, блюдо по составу и технологии приготовления отличается от пампушек и скорее напоминает украинские клёцки. К. Гарнетт опускает данный реалионим при переводе. Таким образом, все переводы представлены в рамках доместикации, при этом два из них дивергентны подлиннику в связи с нарушением категории хронотопа посредством использования обозначения национальной английской реалии «*dumpling*» (граф. 1).

4. «У него были на руках деньги, платье, весь харч, *саламата...*» [Гоголь, 1937, с. 67]. «Саламата» определяется автором произведения как мучная похлебка преимущественно из гречневой муки. Б. Бэскервилл доместицирует данный реалионим дивергентным аналогом «*pudding*» (пудинг), распространенным в Великобритании. Данное блюдо может быть как сытным (на основе мясного жира, специй, крупы), так и сладким, кремообразной консистенции продуктом. К. Гарнетт приводит описание «*boiled grain*» (варёное зерно), И. Хапгуд, как и в случае с реалионимом «кулиш» переводит название блюда, руководствуясь его основным ингредиентом, «гречихой или гречневой кашей». Дж. Курнос и К. Гарнетт пропускают данный реалионим, демонстрируя дивергентность оригиналу (граф. 1).

5. «Да *горелки* побольше, не с выдумками *горелки...*» [Гоголь, 1937, с. 43]. Горелка (горилка) – в современном украинском языке название водки и происходит от глагола «гореть» («горящая вода»). Горилку в качестве самогонного напитка делали исключительно из пшеницы, а несколько позже и из картофеля [Ожегов, 2014, с. 138].

Б. Бэскервилл, Дж. Курнос, И. Хэпгуд называют горелку доместицированным европейским аналогом «*brandy*», остальные переводчики добавляют определение «*corn*» («кукурузный бренди»). Бренди является общим термином для обозначения преимущественно виноградных, фруктовых вин с крепостью около 40 %. С точки зрения локального колорита

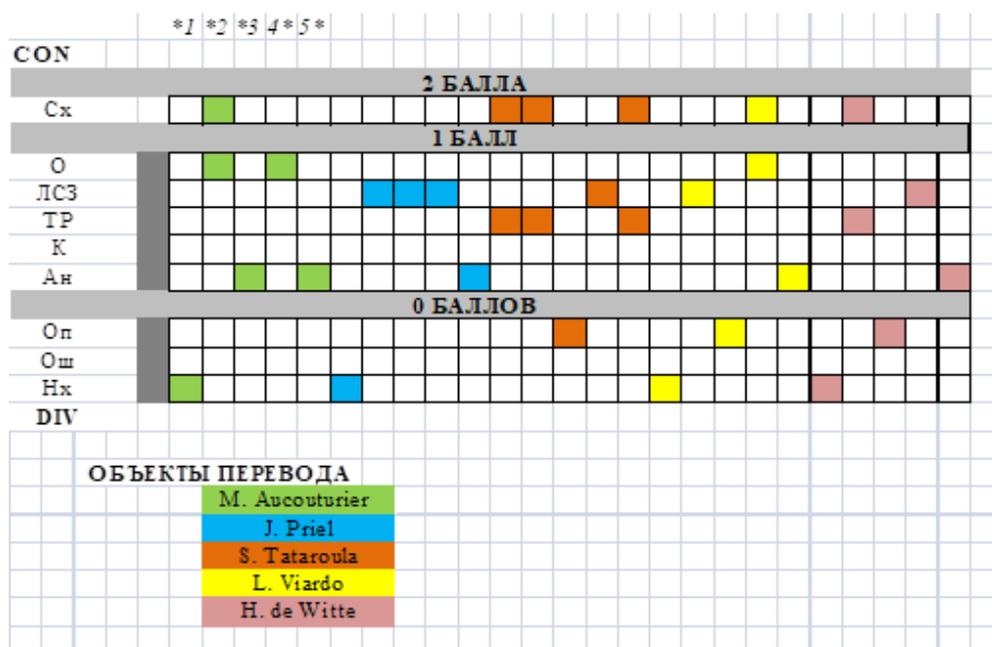
данное наименование дивергентно сюжету оригинала наряду с русским национальным напитком «водкой», представленным в рамках доместикации или перенационализации в двух переводах.

Проанализируем приведённые этнографические реалионимы категории «еда, напитки» во французских переводах повести.

Таблица 23. Французские переводы этнографических реалионимов группы «Еда, напитки»

Реалионимы	М. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Бублик	Croissants (Ан, Нх)	Craquelins (Ан, Нх)	Boubliki (Тр, фор., Сх)	Petits pâtés (О)	Craquelins (Ан, Нх)
Кулиш	Bouillie au lard (О, Сх)	Gruau (ЛСЗ)	<i>Koulich</i> (Тр, фор., Сх)	Gruau (ЛСЗ)	Koulich (сноска) (Тр, фор., Сх)
Пампушки	Beignets (Ан)	Chatteries (ЛСЗ)	– (Оп)	– (Оп)	(Оп)
Саламата	Semoule de froment (О)	Gruau (ЛСЗ)	Mouture (ЛСЗ)	–, pot de lard et d orge pilée (О, Сх)	Mouture 43 (ЛСЗ)
Горилка	Eau-de-vie (Ан)	Eau-de-vie (Ан)	Horilka (Тр, фор., Сх)	Eau-de-vie (Ан)	Eau-de-vie (Ан)

График 2: Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности этнографических реалионимов

1. *Бублик*. Согласно табл. 23, преимущественно все переводчики используют доместикацию при помощи приёмов уподобления (аналога) и описания: *croissant* (рогалик, круассан), *craquelin* (крекер, сушка), *petits pâtés* (пирожки, чебуреки). Переводы М. Окутюрье, Л. Виардо, И. де Витте оценены как дивергентные оригиналу ввиду полного несоответствия реалионимов исходному тексту в части семантики и соответствия хронотопной составляющей: рогалики и пирожки не отличаются кольцеобразной формой. Общераспространенная транслитерация «круассан» (рогалик, полумесяц) является национальной французской реалией. Наиболее конвергентным оригиналу с точки зрения соответствия хронотопу является транслитерация «*boubliki*» переводчика С. Татарулы, снабдившего свой перевод реалионима соответствующим пояснением в подстрочной сноске.

2. *Кулли*. В передаче данного реалионима конвергентными оригиналу в рамках стратегий форенизации и доместикации можно назвать переводы С. Татарулы, И. де Витте и М. Окутюрье. Последнему удалось с помощью описания «*bouillie au lard*» (овсяная каша с салом) передать характер

национального блюда казаков. Остальные переводчики используют генерализацию «*gruau*», что в переводе означает «каша, крупа» (граф. 2).

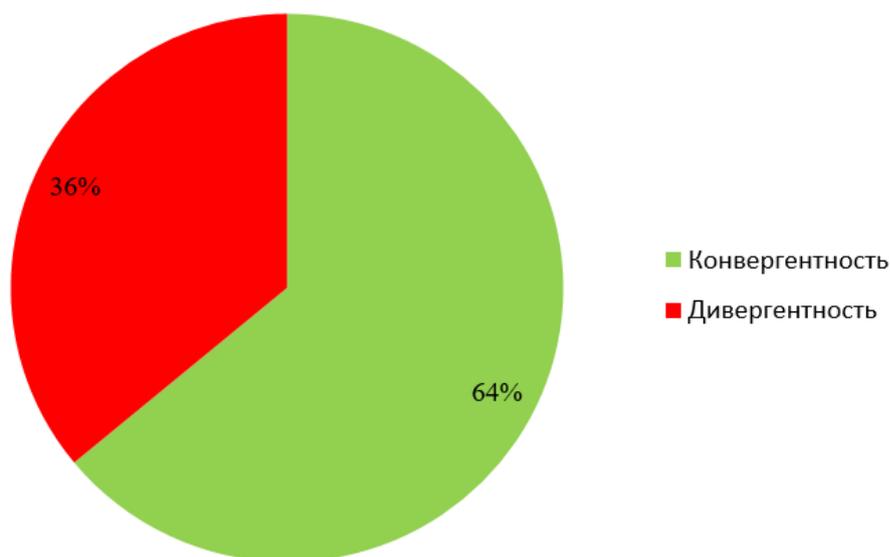
3. *Пампушки*. В двух переводах данный реалионим был опущен, что расценивается как стратегия дивергенции. Наиболее близок, однако не вполне конвергентен оригиналу, автохтонный аналог «*begnet*» в значении «пончик». Генерализированный перевод «*chatteries*» (лакомства) не даёт читателю представления о конкретном значении реалионима, формы и вкусовых качеств обозначаемой реалии, что лишает перевод локального колорита (граф. 2).

4. *Саламата*. В отношении данного реалионима переводчики используют доместикацию при помощи лексико-семантической замены и описания: «*semoule de froment*» (пшённая крупа, каша), «*gruau*» (овсяная каша), «*mouture*» (помол). Все переводы в той или иной степени конвергентны оригиналу, однако наиболее удачным с точки зрения адекватности подлиннику является экспликация Л. Виардо: «*pot de lard et d'orge pilée*» (горшочек с салом и дробленным ячменем) [Viardo, 1896, p. 71].

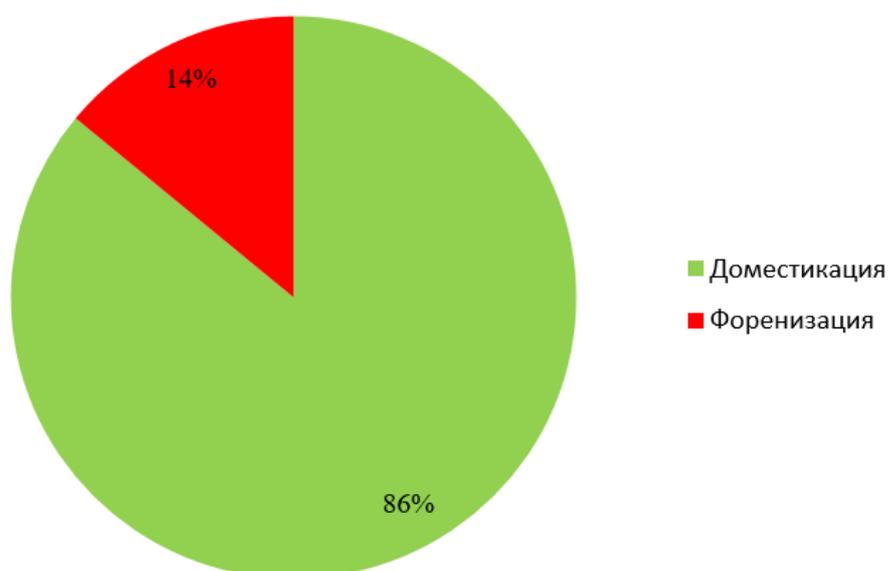
5. *Горилка*. Преимущественно все переводчики передают реалионим посредством доместикации «*eau de vie*» (букв. «живая вода»), что означает «спиртовая смесь» [Гак, 2008, с. 83]. Очевидно, латинское выражение «*aqua vitae*» связано с польским словом «*вудка*», которое в свою очередь трансформировалось в русское обозначение «*водка*». С. Татарула заимствует украинский реалионим с помощью транслитерации «*horilka*», используя стратегию конвергентности в отношении передачи национально-исторического колорита.

Проанализируем соотношение конвергентности и дивергентности, доместикации и форенизации переводческих решений при передаче локального колорита этнографических реалионимов группы «Еда, напитки» в английских и французских переводах.

Диаграмма 11. Соотношение конвергентности и дивергентности переводов этнографических реалионимов

Диаграмма 12. Соотношение стратегий доместикации и форенизации

Анализ переводов пяти этнографических реалионимов категории «еда, напитки» в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский и французский языки показывает, что стратегия конвергентности соблюдена переводчиками в 64 % случаев, 36 % исследуемых примеров перевода дивергентны подлиннику (диагр. 11). Абсолютное большинство переводимых реалионимов доместицировано при помощи уподобления (подбора более современного

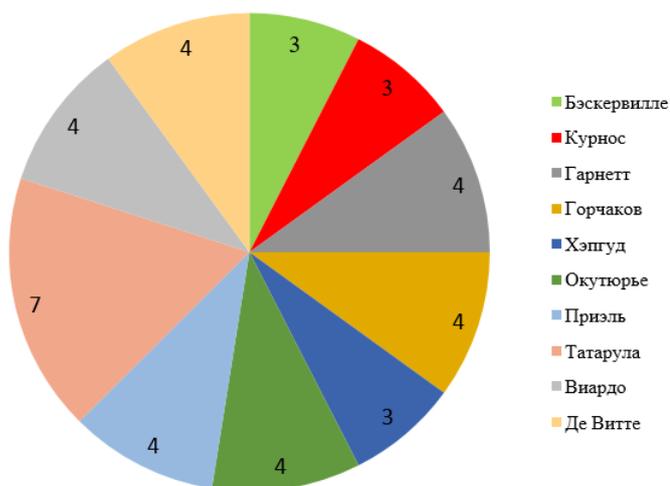
аналога), лексико-семантической замены (описания) и калькирования (табл. 22, 23). Доля доместикации в шесть раз превышает форенизацию и составляет 86 % против 14 %.

В табл. № 24 показана частная доля стратегий конвергентности и дивергентности всех переводчиков, исходя из данных графиков № 1, 2.

Таблица 24. Соотношение стратегий конвергентности переводов

Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)					Итого
	1	1	1	0	0	
Бэскервилл	1	1	1	0	0	3
Курнос	1	1	0	0	1	3
Гарнетт	2	1	0	1	0	4
Горчаков	2	2	0	0	0	4
Хэпгуд	0	1	1	1	0	3
Окутюрье	0	2	1	1	0	4
Приэль	0	1	1	1	1	4
Татарула	2	2	0	1	2	7
Виардо	0	1	0	2	1	4
Де Витте	0	2	0	1	1	4

Диаграмма 13. Сопоставительные данные конвергентности переводов

Таким образом, максимальной стратегии конвергентности в отношении передачи локально-временного колорита этнографических реалионимов достигает французский перевод С. Татарулы – 7 баллов, на втором месте находится транслят И. де Витте с 6 баллами. К. Гарнетт, О. Горчаков, М. Окутюрье, Ж. Приэль, Л. Виардо набрали по 4 балла. Наименьшую конвергентность можно наблюдать в английских переводах Б. Бэскервилле и Дж. Курноса – 3 балла.

Дивергентность обнаружена в 19 примерах: в 13 вариантах – ввиду несоответствия реалионима заданной категории хронотопа и некорректного применения стратегии доместикации, в 6 случаях установлено наличие пропусков при переводе. Стратегия форенизации с помощью транслитерации и калькирования применяется переводчиками умеренно (при этом чаще к заимствованию обращаются в английских транслятах) и в совокупности зафиксирована в 7 примерах перевода. Ввиду некорректной передачи этнографических реалионимов дивергентность оказывает существенное влияние на передачу локального колорита повести, затрудняя адекватное восприятие читателем её национально-исторической специфики.

2.2. Передача географических реалионимов

В художественном произведении географические реалионимы могут не рассматриваться как ключевые (активные) элементы структурно-содержательной стороны текста и выполнять исключительно микростилистическую (контекстную) функцию. Однако их конвергентная передача вносит вклад в репродукцию локального колорита художественного пространства произведения и оказывает значительное влияние на формирование у реципиента адекватного представления о национально-исторической специфике повести. Реалионимы, обозначающие особенности ландшафта, флоры и фауны Левобережной Украины (Малороссии), встречаются в тексте повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в двух категориях:

– термины физической географии: *верховия; круча; поречья, перевозы; луга; пашни; протоки; океан; пороги; поле; яр; проток; лощина; кочки; берег; обрыв; нива; заход (залив); утёс (утёсы), провал; отмели, глубоководные места; побережья; засека; перекоп; поморье; облога (пустошь, целина);*

– растения, животные: *бодяк; волошки (васильки); дрок; ворон; кашка; вишняк; хмель; пшеница; просо; верба; бурьян; сливы; груши; куропатки; ястребы; гуси; чайка; суслики; кузнечики; лебедь; тростник; осока; полевой быль; олени; козы; камыши; волю; быки; кони; жеребёнок; петух; лопух; лебеда; бодяк (чертополох, репей); подсолнечник; хворост; мышь; кречет; волки-сыромахи; степная чайка; степной орел; воробьи, крымские солончаки; хлебные стоги; скирды.*

Ограничимся при анализе следующими единицами из первой категории, обозначающими особенности местности: 1) *байрак*; 2) *заход (залив)*; 3) *облога*; 4) *степь*; 5) *яр*.

Таблица 25. Английские переводы географических реалионимов

Реалионим	В. С. Baskerville	J. Cournos	C. Garnett	О. А. Gorchakov	I. Napgood
Байрак	Hillock (Ан)	Hillock (Ан)	Hillock (Ан)	Hillock (Ан)	Hillock (Ан)
Заход (залив)	Ford (Ан)	Ford (Ан)	Pool (Ош)	Inlet (Ан)	Ford (Ан)
Облога	(Оп)	Slope (Ош)	Field (Ан)	Wastes (Ан)	Waste lands (О)
Степь	(Steppe (Тр, фор.)	Steppe (Тр, фор.)	Steppe (Тр, фор.)	Steppe (Тр, фор.)	Steppe, steppe (Тр, фор.)
Яр	Bank (Ош)	Hole (Ан)	Steep bank (Ан)	Ravine (Ан)	Gully (Ан)

График 3. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности перевода географических реалионимов

CON	*1	*2	*3	*4	*5*															
2 БАЛЛА																				
Ск																				
1 БАЛЛ																				
О																				
ДСЗ																				
Тр																				
К																				
Ан																				
0 БАЛЛОВ																				
Оп																				
Ош																				
Нх																				
DIV																				

ОБЪЕКТЫ ПЕРЕВОДА	
В. С. Baskerville	
J. Cournoз	
C. Garnett	
O. A. Gorchakov	
I. Haggood	

1. *Байрак*. В примечаниях к последней редакции повести «Тарас Бульба» указано значение слова «байрак» как овраг или буерак, а не как «пригорок» у Гоголя», ср.: «что *байрак*, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак)» [Гоголь, 1937, с. 46]. Все английские переводчики передают реалионим согласно словарному значению «*hillock*» (холмик, бугор, кочка), используя аналог в рамках стратегии доместикации.

2. *Заход*: «...по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем *заходам*...» [Гоголь, 1937, с. 153]. Реалионим «заход», согласно текстовому примечанию, предполагает под собой реалию «залив», означающую «часть водного пространства, глубоко вдающаяся в сушу» [Ожегов, 2014, с. 210]. Б. Бэскервилл, Дж. Курнос и И. Хэпгуд передают данное словарное обозначение доместицированной лексемой «*ford*». Помимо значения «брод, поток» слово также обозначает «фьорд» (норв. *fjord*) – «узкий извилистый залив, имеющий корытообразное ложе и часто отделяющийся от моря подводными порогами [Ефремова, 2000, с. 590]. Перевод О. Горчакова «*inlet*» также соответствует сигнификату «фьорд, узкий залив» [Мюллер, 2014, с. 392]. Несмотря на определенное различие с реалионимом «залив» и национально-культурную окрашенность исследуемого переводного слова, значения данных английских переводов и исходного слова можно отнести к конвергентным единицам. Дивергентным понятию «залив» является перевод К. Гарнетт – «*pool*» (лужа, озерцо, заводь) [Мюллер, 2014, с. 790].

3. Облога: «*все поле с облогами и дорогами*» [Гоголь, 1937, с. 131]. Одно из значений устаревшего понятия «облог или облога», коррелирующее с текстом исследуемой повести, является «запущенная и заросшая травой пашня» [Даль, 1998]. В примечаниях к тексту данный реалионим отмечен авторской экспликацией – «целина, пустошь» [Гоголь, 1937, с. 131].

Б. Бэскервилл опускает передачу географического реалионима «облога», ограничившись определяющей лексемой «*field*» (поле, луг). О. Горчаков производит замену реалионима в определительном обороте: «*the whole plain with its fields and roads*», при этом, передавая определяющее слово «поле» как «*plain*», то есть ближе по значению к понятию «равнина». И. Хэпгуд использует опцию описания, ср.: «*waste lands and road-tracks*» (широкие земли и дороги), К. Гарнетт применяет многозначное существительное «*wastes*», ср.: «*wastes and roads*», одно из значений которого – «бесхозные земли» [Мюллер, 2014, с. 685]. Обозначенные варианты в целом конвергентны подлиннику, несмотря на некоторые семантические расхождения. Дивергентен в связи с лексико-семантической ошибкой перевод «*slopes and roads*» Дж. Курноса, где слово «*slope*» означает «склон».

4. Степь: «...*степь* уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия» [Гоголь, 1937, с. 58]. Географический реалионим «степь» как художественный образ зафиксирован в тексте повести «Тарас Бульба» более 30 раз. Все английские переводчики передают данный реалионим форенизированной. В словаре представлена следующая дефиниция понятия «*steppe*»: a large area of land with grass but no trees, especially in Eastern Europe, Russia, Central Asia (пер. большое пространство земли, покрытой травой, но без деревьев, особенно в Восточной Европе, России, Центральной Азии) [The New Britannica, 1986, p. 986]. Таким образом, реалионим «*steppe*» является транслитерированным заимствованием, а его использование конвергентно оригинальному тексту.

5. Яр: «...*опустились отлогостью в низменную лоцину – почти яр*» [Гоголь, 1937, с. 93]. Отметим, что реалионим «лощина» близок по значению к единице «яр», в связи с чем большинство переводчиков предпочитают

опущение первого слова в пользу второго. В сигнификате «яр» следует различать несколько значений: «крутой берег», «высокий обрыв», «заросший овраг, обычно не затопляемый в половодье». И. Хэпгуд передает данное слово лексемой «*gully*», означающее «овраги, буераки, подтопляемые, как правило, реками» [Мюллер, 2014, с. 123]. Английские переводчики также используют конвергентные лексемам «яр, овраг, ущелье» синонимичные понятия «*ravine*», «*hole*», «*steep bank*». Определенная степень отклонения от подлинника выражена в переводе «*bank*» (берег) Б. Бэскервилл, что расценивается как дивергентность.

Рассмотрим французские переводы пяти приведённых географических реалионимов.

Таблица 26. Французские переводы географических реалионимов

Реалионимы	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Байрак	Butte (Ан)	Motte de terre (О)	<i>Bayrak</i> (Тр, фор.)	Bout de champ (О)	Monticule (Ан)
Заход (залив)	Anses (Ан)	Meandre (Ан)	(Оп)	(Оп)	(Оп)
Облога (целина, пустошь)	Friche (Ан)	Sente (ЛСЗ)	Vallon (ЛСЗ)	(Оп)	Vallons (ЛСЗ)
Степь	Steppe (Тр, фор.)	Steppe (Тр, фор.)	Steppe (Тр; фор.)	Steppe (Тр; фор.)	Steppe, prairie (Тр; фор.)
Яр	Ravin (Ан)	Ravin (Ан)	Ravin (Ан)	Ravin (Ан)	Ravin (Ан)

График 4. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности перевода этнографических реалионимов

необработанная земля). Остальные переводчики используют лексико-семантические замены, конвергентные оригиналу на уровне текста: «*sentes*» (тропинки), «*vallons*» (небольшие долины, неровности). Л. Виардо допускает опущение целого отрывка (лирического отступления), в контексте которого фигурирует указанная лексема, что, безусловно, дивергентно подлиннику.

4. *Степь*. Как и в английских переводах, данный реалионим всеми переводчиками форенизируется. В словаре «Le Robert» представлено следующее определение данного термина: *steppe* (экз., дат. ранее XIX в., рус. step) – большая равнина, необработанное пространство земли, без деревьев и отличающаяся бедной растительностью [Le Robert, 1986, p. 961]. Однако в тексте перевода И. де Витте среди синонимов данного понятия можно встретить дивергентный подлиннику экзотизм «*prarie*» (прерия), используемый преимущественно для описания ландшафтных особенностей отдельных частей Африки и Америки.

5. *Яр*. Все переводчики передают реалию «яр» реалионимом «*ravin*» в значении «глубокий овраг» [Гак, 2006, p. 830]. Использованный аналог в рамках стратегии доместикации конвергентен подлиннику.

Проанализируем общую долю конвергентности и дивергентности, доместикации и форенизации при передаче локального колорита географических реалионимов в английских и французских переводах.

Диаграмма 14. Соотношение конвергентности и дивергентности

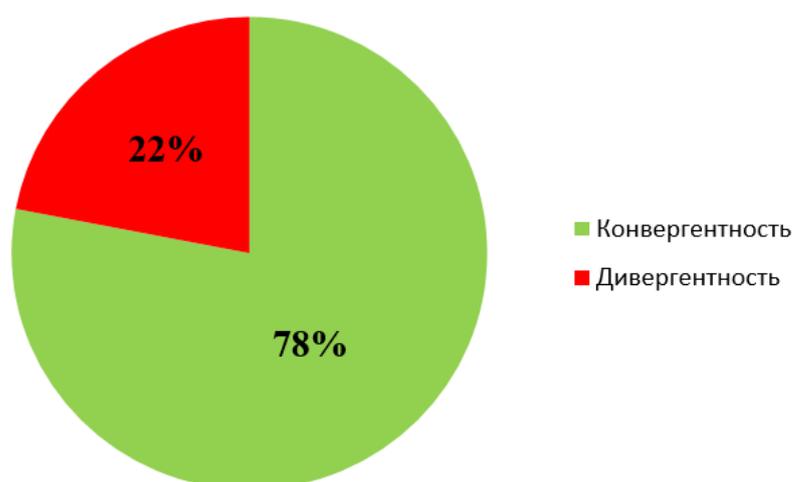
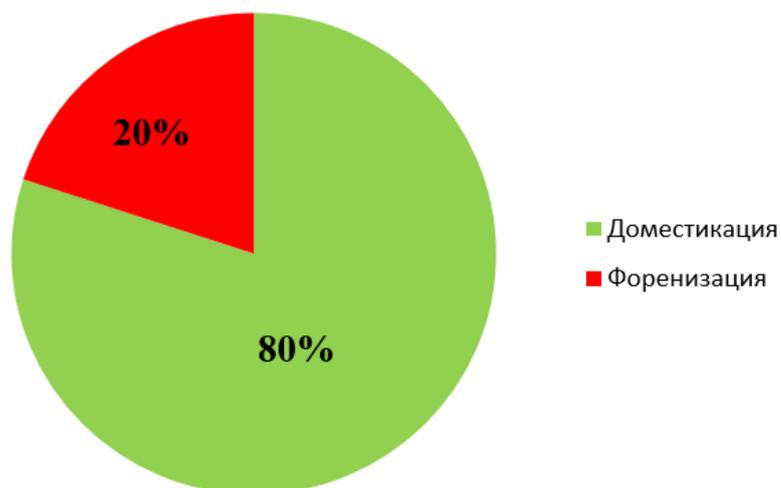

Диаграмма 15. Соотношение доместикации и форенизации

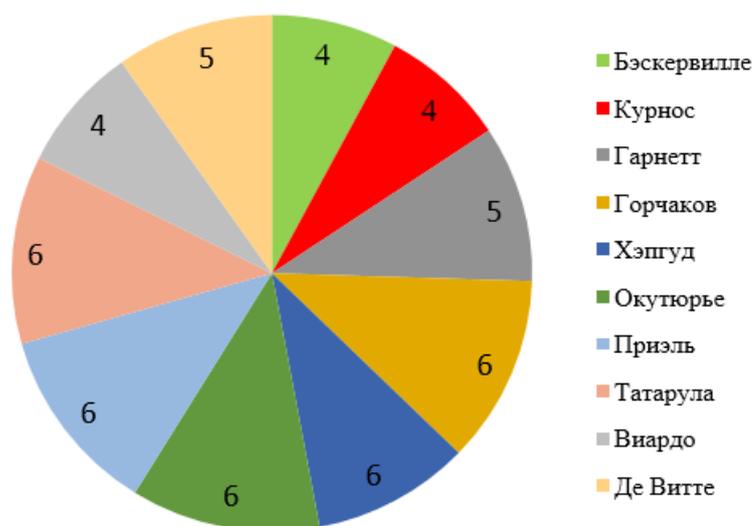

В таблице № 26 показана частная доля стратегий конвергентности и дивергентности при переводе географических реалионимов повести.

Таблица 27. Соотношение стратегий конвергентности переводов

Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)					Итого
	1	1	0	2	0	
Бэжрвилле	1	1	0	2	0	4
Курнос	1	1	0	2	1	4
Гарнетт	1	0	1	2	1	5
Горчаков	1	1	1	2	1	6
Хэпгуд	1	1	1	2	1	6
Окутюрье	1	1	1	2	1	6
Приэль	1	1	1	2	1	6
Татарула	2	0	1	2	1	6
Виардо	1	0	0	2	1	4
Де Витте	1	0	1	2	1	5

Диаграмма 16. Соотношение стратегий конвергентности переводов географических реалионимов

Анализ переводов 5 географических реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и их 50 англо-французских эквивалентов показывает, что стратегия конвергентности избирается переводчиками в 78 % случаев, 22 % исследуемых примеров перевода дивергентны подлиннику (диагр. 14). Абсолютное большинство (80 %) транслируемых реалионимов доместицировано приёмом уподобления (путём подбора современного аналога), лексико-семантической замены и описания. (диагр. 15). Все переводчики транслитерируют в рамках форенизации реалионим «степь» ввиду того, что он описывает местности, характерной для территории Восточной Европы, России и Центральной Азии (табл. 25, 26). Таким образом, максимальной стратегии конвергентности достигают переводы О. Горчакова, И. Хэпгуд, М. Окутюрье, Ж. Приэль, С. Татарулы (6 баллов), им уступают переводы К. Гарнетт и И. де Витте (5 баллов). Б. Бэскервилл, Дж. Курнос и Л. Виардо выполняют перевод на 4 балла (табл. 27). Низкие показатели свидетельствуют о более высокой доле дивергентности в указанных переводах, вызванных пропусками ряда реалионимов или лексико-семантическими и смысловыми ошибками (гр. 3, 4).

2.3. Передача общественно-политических реалионимов

Художественный язык повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» о запорожском казачестве как о военизированной организации содержит множество военно-исторических и военно-административных реалионимов предметно-тематической области «Общественно-политические отношения», группы «Военно-административное устройство общества», относящихся согласно классификации М. А. Люксембурга к разрядам «Административные единицы и государственные институты» и «Основные воинские подразделения, чины, обращения» [Люксембург, 2008, с. 25]. Указанные реалионимы в количестве 14 единиц и их переводы на английский и французский языки представлены в табл. 28 и 29.

Таблица 28. Военно-административные реалионимы повести в английских переводах

Реалионим	В. С. Baskerville	J. Cournos	C. Garnett	О. А. Gorchakov	I. Napgood
Атаман	Ataman Divisional ataman, commander (Тр, фоп.)	Hetman of the kuren (К, фоп.)	Ataman (Тр., фоп.)	Ataman (Тр, фоп.)	Ataman (Тр, фоп.)
Воевода	Voevoda (governor) (Тр, фоп.)	Waiwode (Тр, фоп)	General (Тр, фоп.)	Waywode (Тр, фоп.)	Waiwode (Тр, фоп.)
Генеральный бунчужный	Оп	Bunchūzhniy (Тр, фоп., ош)	Staff-bearing officer (К, фоп.)	General standart-bearer 137 (Ан, дом.)	Chief Bearer of the Hetman's mace of office (О, дом.)
Генеральный хорунжий	The first ensigne (Ан, дом., Нх)	Cornet-general (Ан, дом., Нх) звание	Chief standard-bearer (Ан, дом.)	The general standard-bearer (Ан, дом., Нх)	Cornet-general (Ан, дом., Нх)
Гетман	Hetman (Тр)	Hetman of chief (Тр)	Hetman (Тр)	Hetman (Тр)	Hetman (Тр)
Есаул	Captain (Нх)	Osaul (Тр)	Esaul (Тр)	Esaul (Тр)	Yesaul (Captain of Kazaks)
Казак	Cossack	Cossack	Cossack	Cossack	Cossack

Кошевой	Commander (ЛСЗ)	Koschevoi (Тр)	Kochevoy (Тр)	Kochevoi (Тр)	Kochevoy (Тр)
Курень	Divisions (ЛСЗ)	Kuren (ссылка) (Тр)	Kuren (Тр)	<i>Kouren (нет пояснения в тексте)</i>	Kurén
Полковник	Colonel (Ан)	leader, band leader (ЛСЗ)	Colonel (Ан)	Colonel (Ан)	Band Colonel (Ан)
Полк	Regiment (ЛСЗ)	Colony (Нх)	Regiment (ЛСЗ)	Regiment (ЛСЗ)	Regiment (ЛСЗ)
Сечь	Siech (Тр)	Setch (Тр)	Setch (Тр)	Zaporozhian Setch (Тр)	Syech (ссылка) (Тр)
Сотники	Centurion 10 (Нх)	Sotniks or captains of hundreds (Тр)	Оп	Sotnik (Тр)	The Sotniks (lieutenant in the rest of the army) (Тр)
Старшины	Elders, the seniors (К)	the chief, superior officers (К)	The elders 34 (К)	The chiefs (К)	The leaders (К)

Таблица 29. Военно-административные реалионимы повести во французских переводах

Реалионимы	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Атаман	Ataman, chef de quartier	Ataman	Ataman	Ataman	Ataman
Воевода	Voïvode	Voïvode	Voïvode	Vaïvode	Voïvode
Генеральный бунчужный	Enseigne général	Général boundchoug	Bountchoujny (1) general: aide de camp	Bountchoug, ou general à queue	Porte-enseigne général
Генеральный хоружий	Porte drapeau général (Ан)	Porte-étendard général (Ан)	Porte-étendard (Ан)	Porte-etendard général (Ан)	Porte étendard en chef (Ан)
Гетман	Hetman	Hetman	Hetman	Hetman	Hetman
Есаул	Essaoul	iéssaoul	Essaoul, lieutenant	ïéssaoul	Captaine lieutenants généraux
Казак	Cosaque	Cosaque	Cosaque	Cosaque	Cosaque
Кошевой	Kochévoi	Kochévoi	Kochovy	kochévoi	Kochévoi
Курень	Kourégne (ou quartier)	kourén	Kourin	kourén	Kourén ссылка
Полковник	Colonel (Ан)	Chef de polks (ЛСЗ)	Polkovnik (chef de polk, (Тр, фор., Сх) equivalent a	Polkovnik (Тр)	Colonel (Ан)

			celui de colonel)		
Полк	Polk (Тр, Сх)	Polk (Тр, Сх)	Polk (Тр, Сх)	Polk (Тр, Сх)	Polk (Тр, Сх)
Сотники	Centeniers (Ан)	Centeniers (Ан)	Capitaines (Нх)	Centeniers	Officiers(ЛСЗ)
Сечь	La Setch	La Setch	La Sitch	La setch, le zaporojje	La Setch
Старшины	Gradés (Ан)	Les chefs (К)	Les anciens (К), les autorités, dignitaires les vieux guerriers (ЛСЗ)	Les chefs, les anciens (К)	Les chefs (К)

Наиболее распространенным реалионимом повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в разряде военно-административной лексики выступает «козак» (порусски – «казак»). Данная единица с её производными – «козаки», «козачий», «козачество», в том числе, «казаки» – употребляется в тексте повести более 300 раз, ср.: «Добрый будет **козак!** [Гоголь, 1937: 42]; «Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся **козаки!**» [там же: 138].

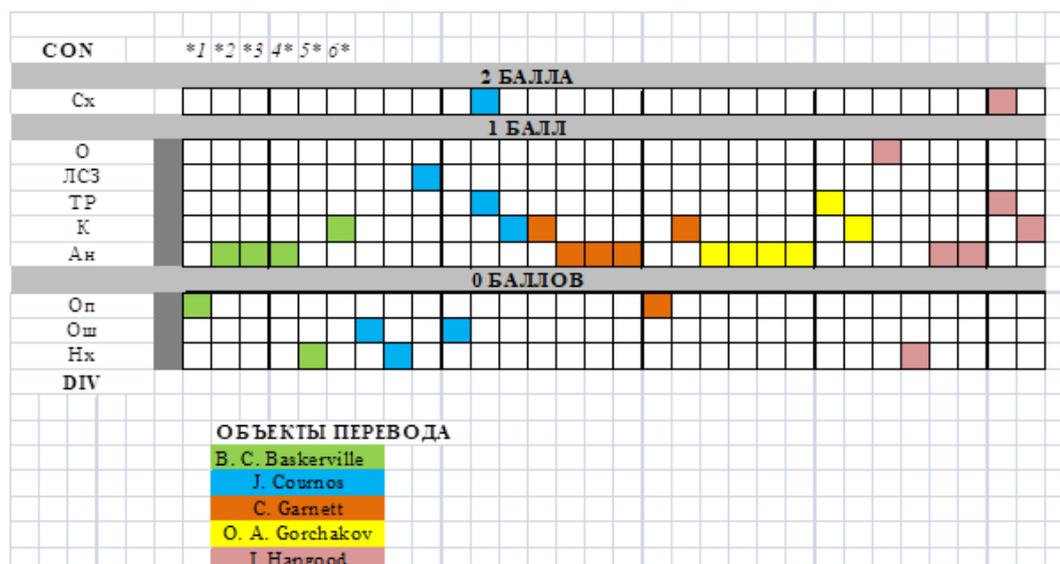
Толковый словарь С. Ожегова приводит следующее определение данного реалионима: «В старину на Украине и в России: член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства» [Ожегов, 2016, с. 259] Онлайн-словарь В. Даля предлагает более развернутую дефиницию: «Казак или козак (вероятно, от среднеазиатского казмак – скитаться, бродить, как гайдук, гайдамака от гайда; ускок от ускочить, бежать) – войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, лёгкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении» [Даль, 1998].

Все переводчики заимствуют реалионим «козак» из исходного текста с помощью приёмов транскрибирования и/или транслитерации, при этом следуя правилам написания этнонимов в языках перевода, ср.: «Cossack», «Cosaque», «Kazak». Следует отметить, что все переводы данного реалионима форенизированы и конвергентны оригиналу.

Помимо слова «казак», стратегия форенизации применена и к другим 7 военно-административным реалионимам, образующим зону конвергентности с оригиналом (всего 8 единиц): *атаман, воевода, гетман, есаул, кошевой, курень* и *Сечь*. Расхождения зафиксированы в особенностях переводческой транслитерации или транскрибирования.

В отношении остальных 6 реалионимов, обозначающих военные чины, должности и звания, избраны как стратегия доместикации, так и форенизации, а также использованы различные способы передачи реалионимов: 1) *генеральный бунчужный*, 2) *генеральный хорунжий*, 3) *полковник*, 4) *полк*, 5) *сотники*, 6) *старшины*.

График 5. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности при передаче военно-административных реалионимов

1. *Генеральный бунчужный*: «*Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом*» [Гоголь, 1937, с. 166]. Генеральный бунчужный – один из самых старших казачьих чинов в Малороссии, отвечавших за хранение символа гетманской власти – бунчука (древка с привязанным конским хвостом).

При передаче данного реалионима О. Горчаков применяет доместицированный аналог «*general standard bearer*» (знаменосец), И. Хэпгуд

демонстрирует описание данной войсковой должности: «*chief Bearer of the Hetman's mace of office*», что в переводе означает «главный носитель гетманского жезла власти». К. Гарнетт в рамках стратегии форенизации использует способ калькирования: «*staff bearing officer*» (офицер, носящий древко). Заимствованное путём транслитерации слово «*bunchuzhniy*» в переводе Дж. Курноса не сопровождается каким-либо пояснением и остаётся непонятным для читателя. Более того, указанный перевод является фактически смысловой ошибкой, поскольку используется в значении «рядовой» – воин самого низкого ранга. Сегодня в казачьих войсках чин генерального бунчужного приравнивается к званию командарма (командующего армией, генералу), а чин бунчужного соответствует званию старшины. Б. Бэскервилл производит опущение данного понятия в своём переводе, что равноценно стратегии дивергентности.

2. *Генеральный хорунжий*: «**Генеральный хорунжий** предводил главное знамя; много других хоругвей и знамён развевалось вдали...» [Гоголь, 1937, с. 166]. Генеральный хорунжий, как и генеральный бунчужный, является одним из пяти представителей казачьего генеральского состава, главная военная обязанность которого – хранение хоругви, воинского знамени. В отличие от генерального бунчужного, данный чин на несколько рангов ниже и соответствует современному званию генерала-майора и начальника дивизии. Хорунжий – войсковой чин в Запорожской Сечи, а с XVIII века – первый младший офицерский чин в казачьем войске, соответствующий подпоручику в пехоте или корнету в кавалерии; также хорунжиями называли знамёнщиков, носивших хоругви, в воинских частях армий многих славянских государств [Казачий словарь-справочник, 1970, с. 684].

Все переводчики используют доместикацию в отношении военного чина (должности) или звания. Б. Бэскервилл переводит данный реалионим как «*the first ensigne*», определяемое слово которого «*ensigne*» имеет достаточно широкую семантику: «значок», «вымпел», «знамя», «энсин». Последний термин в современной армии означает младшее офицерское звание в военно-

морских или сухопутных силах некоторых западных стран, в частности в США. Однако в качестве военного историзма существует словарное значение «хорунжий». Таким образом, определение «первый хорунжий» полностью конвергентно исходному тексту. Дж. Курнос и И. Хэпгуд применяют доместицированный аналог в отношении звания «генерал-корнет», где реалия «корнет», введенная в казачьих войсках Российской империи в XVIII веке, соответствует званию подпоручика или ранее хорунжего. Обозначенная стратегия доместикации не только не передаёт национально-исторический колорит реалионима, характеризующего военный казачий чин эпохи Средневековья, но и является фактологической ошибкой, дивергентной тексту повести, ввиду несоответствия её хронотопу. Единица «корнет» в отношении каких-либо военных чинов в тексте повести не зафиксирована, поскольку имело бы место расхождение в первую очередь с её хронологической рамкой. Конвергентным оригиналу можно признать переводы К. Гарнетт и О. Горчакова с нейтральным значением «главный знаменосец», передающие не звание, а военный чин (должность).

3. *Полковник: «Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямокой своего нрава»* [Гоголь, 1937, с. 42]. Полковник – высший штаб-офицерский чин в казачьих войсках, который присваивали командирам полков [Казачий словарь-справочник, 1970, с. 484].

В отношении исследуемого реалионима всеми переводчиками применяется стратегия доместикации посредством передачи современного аналога «*colonel*». Дж. Курнос на протяжении всего перевода повести называет Тараса Бульбу «*leader, leader of the band*», отталкиваясь от непосредственного значения слова «полковник» – тот, кто командует полком. Помимо близкого значения «лидер» в семантическое поле анализируемой лексемы входят такие семы, как «руководитель», «вождь», «староста». Единица «*band*» известна прежде всего в значении «банда», «группировка», «отряд». Указанное описание характеризует фактически должностную функцию референта, но не

его официальное военное звание, которое в описываемую эпоху среди вольного казацкого сообщества (а не регулярного казённого войска) не существовало или же носило номинальный характер. Таким образом, все приведенные переводы с точки зрения реализации ими номинативной функции конвергентны тексту оригинала.

4. *Полк*: «Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует **полки!**!» [Гоголь, 1937, с. 159]. Полк – основная тактическая единица казачьего войска под командованием полковника, состоявшая в Запорожской Сечи из нескольких куреней [Казачий словарь-справочник, 1970: 482]. Большинство переводчиков используют доместикацию посредством аналога «*regiment*». Лексико-семантической ошибкой в контексте дивергентной стратегии является перевод Дж. Курноса, где реалия «полк» передана как «колония, поселение» (*colony*).

5. *Сотники* (мн. ч.): «Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех **сотников** и весь полковой чин, кто только был налицо» [Гоголь, 1937, с. 44]. Сотник – командир административно-территориальной и военной сотни на Украине в XVI–XVIII веках; согласно Табелю о рангах в XVIII веке второй казачий обер-офицерский чин [Казачий словарь-справочник, 1970, с. 586].

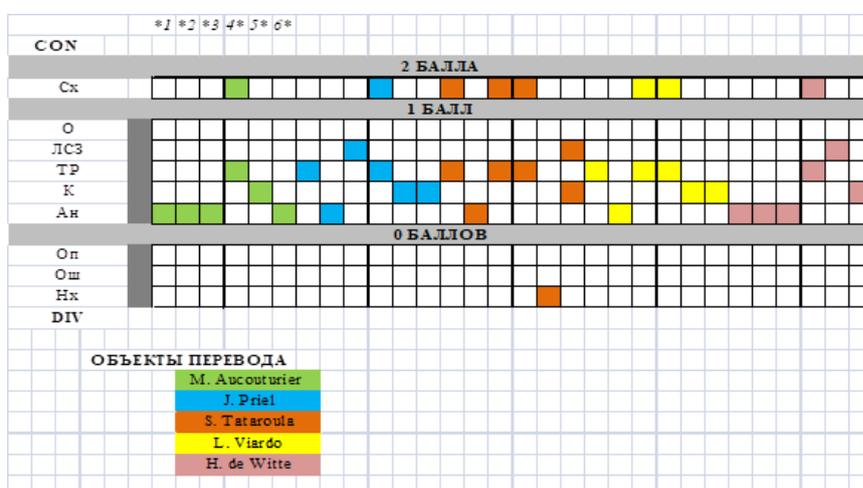
Практически все переводчики заимствуют реалию посредством транскрибирования (*sotnik, сотник*). И. Хэпгуд обеспечивает экспликацию в виде затекстовой ссылки, ср.: «*lieutenant in the army*» (лейтенант в армии). Дж. Курнос прибегает к стратегии доместикации – «перенационализации» путём ввода реалионима «*centurion*» (центурион), соответствующего чину командира в римской армии. Н. П. Чепель справедливо критикует опцию подбора переводчиком аналога через третью культуру в контексте реконструкции колорита, поскольку она ещё больше отчуждает хоронотоп оригинала [Чепель, 2015, с. 47]. Так как данная стратегия не способствует сохранению хоронотопа, её можно признать дивергентной подлиннику.

6. *Старшины* (мн. ч.): «Вот **старшины** забайбачились...» [Гоголь, 1937, с. 73]. Старшина (казацкая) – привилегированное сословие среди казаков,

выделившееся из народной среды благодаря боевому опыту, заслугам и отличным административным качествам. Будучи «знатными людьми», старшины сохраняли авторитетное влияние на общественное мнение и вне служебного положения [Казачий словарь-справочник, 1970, с. 599]. Фактически казачий старшина – это первый воинский чин у казаков, представлявший военно-административный аппарат Запорожской Сечи.

Все переводчики при передаче отталкиваются от корневой морфемы приведенной лексемы «стар» и обыгрывают перевод при помощи иноязычных калек: *the chiefs, the elders*. Под «старыми (то есть главными), старшими» подразумеваются почтенные лица, имеющие право на главенство, первенство. Джон Курнос использует доместицированный перифраз «*superior officers*» («старшие офицеры»), что является фактологической ошибкой и несоответствием хронотопу: офицерские чины среди казаков появились гораздо позднее, в конце XVIII в. [там же, с. 455]. Тем не менее в тексте повести автором-рассказчиком единожды упоминается реалия «офицеры»: ср.: «Тут было много тех **офицеров**, которые потом отличались в королевских войсках» [Гоголь, 1937, с. 89]. За исключением обозначенного варианта перевода, конвергентность исходному тексту во всех остальных случаях сохранена.

График 6. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности военно-административных реалионимов

Обратимся к анализу франкоязычных переводов отобранных военно-административных реалионимов повести.

1. *Генеральный бунчужный*. М. Окутюрье и И. де Витте применяют стратегию доместикации: «*éenseigne général*», «*porte-éenseigne général*», где ударная архаичная лексема «*éenseigne*», означает «знаменщик». Указанные переводы казачьих чинов конвергентны подлиннику, остальные реализуют стратегию форенизации при помощи транслитерации или транскрибирования, а также экспликации: Л. Виардо дополняет заимствование «*bountchoug*» перефразом «*général à queue*», что дословно можно интерпретировать как «генерал хвоста (бунчука)», то есть «древка с привязанным конским хвостом». С. Татарула даёт более точное объяснение реалионима «бунчук, бунчужный» в виде подстрочной ссылки: «*bountchouk: sorte d'etendard forme d'une demiprique a laquelle est fixee une queue de cheval*» (вид знаменщика, экипированного полушкой, к которому закрепляется конский хвост). Заимствованное понятие «бунчужный» в переводе Ж. Приэля не дополняется каким-либо пояснением и остаётся непонятным читателю несмотря на очевидную конвергентность источнику.

2. *Генеральный хорунжий*. Все представленные переводы «*porte-étendard général*», «*Porte-drapeau général*», где ударные лексемы «*étendard*», «*drapeau*» передают синонимичные понятия «знамя, флаг, штандарт» относятся к удачным (конвергентным) решениям, так как точно передают значение реалии главного воина-знаменосца.

3. *Полковник*. М. Окутюрье и И. де Витте в рамках стратегии доместикации применяют аналог «*colonel*», соответствующий должности «полковника». Ж. Приэль демонстрирует лексико-семантическую замену «*chef de polk*» (командующий полком), где лексема «полк» заимствована из текста исходника. С. Татарула и Л. Виардо форенизируют реалионим и прилагают к слову «*polkovnik*» современный эквивалент «*colonel*» (полковник) в экспликативной сноске текста французского перевода, облегчая восприятие

денотата читателем. Все приведённые варианты перевода сообразны со стратегией конвергентности.

4. *Полк*. Все переводчики используют стратегию форенизации с помощью транслитерации «*polk*», конвергентной источнику. С. Татарула и Л. Виардо приводят в комментарии современный доместицированный эквивалент «*régiment*», делая значение реалии более понятной для читателя.

5. *Сотник*. В отношении данного реалионима тремя переводчиками применено калькирование в рамках стратегии форенизации: «*centenier*» (ист. сотник, командир сотни), конвергентное тексту повести. С. Татарула использует доместикацию «*captain*» – современный аналог звания капитана, соответствующее указанному чину. Аналогичная модернизация искажает хронотоп повести и поэтому ей дивергентна. И. де Витте прибегает к генерализированной лексико-семантической замене нейтральной окраски, называя сотников офицерами, что на уровне значения и содержания конвергентно подлиннику.

6. *Старшины*. Аналогично английским переводам большинство французских переводчиков отталкиваются от корневой морфемы лексемы «стар» и оперируют калькированными эквивалентами данного денотата: *les chefs*, *les anciens*. Исключение составляет доместицированный перевод М. Окутюрье, где понятие «*gradé*» означает офицерский состав, высший офицерский чин. При передаче исследуемого реалионима можно отметить переводы С. Татарулы, применяющего на протяжении всего текста перевода в отношении «сотников» лексико-семантические замены как гиперонимического, так и гипонимического характера: «*les autorités*» (авторитеты, власти), «*les dignitaires*» (высокопоставленные лица, чины), *les vieux guerriers* (старые воины). Все представленные переводы конвергентны в отношении текста подлинника.

Диаграмма 13. Соотношение конвергентности и дивергентности

Диаграмма 18. Соотношение доместикации и форенизации

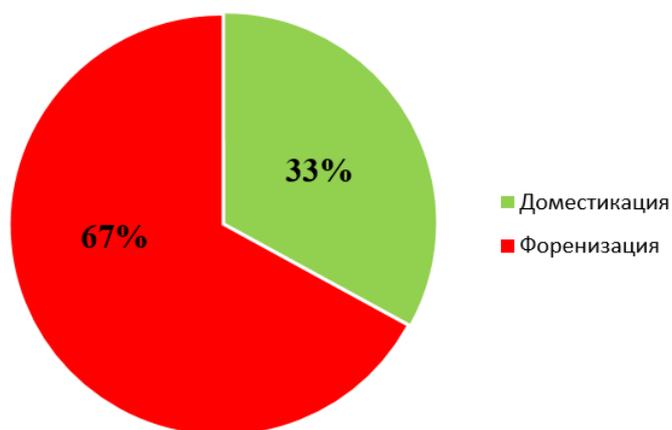
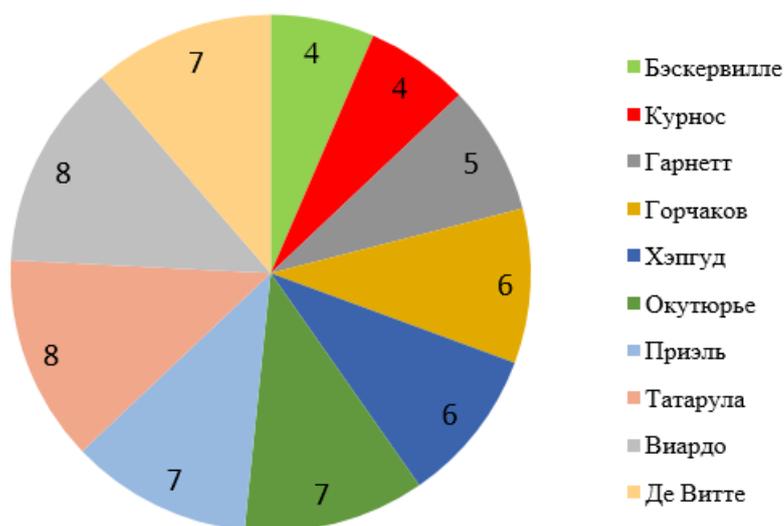

Таблица 30. Соотношение стратегий конвергентности переводов

Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)						Итого
	0	1	1	1	0	1	
Бэскервилл	0	1	1	1	0	1	4
Курнос	0	0	1		2	1	4
Гарнетт	1	1	1	1	0	1	5
Горчаков	1	1	1	1	1	1	6
Хэпгуд	1	0	1	1	2	1	6
Окутюрье	1	1	1	2	1	1	7
Приэль	1	1	1	2	1	1	7
Татарула	2	1	2	2	0	1	8
Виардо	1	1	2	2	1	1	8
Де Витте	1	1	1	2	1	1	7

Диаграмма 19. Соотношение стратегий конвергентности перевода общественно-политических реалионимов

В отношении передачи общественно-политической группы военно-административных реалионимов переводчиками используется преимущественно стратегия форенизации. В совокупности доля заимствования относительно 14 реалионимов и 140 эквивалентов составляет 67 %. Форенизация возрастает во французских переводах на 30 %, доля конвергентности оригиналу здесь на 10 % выше английских транслятов. Из табл. 30 следует, что франкофоны переводят в целом более конвергентно, чем английские переводчики. Лидерами являются С. Татарула и Л. Виардо (8 баллов), минимальными 4 баллами оценены тексты перевода Б. Бэскервилл и Дж. Курноса. Общая доля соответствия транслятов оригиналу достигает 94 %.

Можно констатировать, что на дивергентность перевода, свойственную преимущественно английским переводам, повлияли следующие переводческие ошибки: неуместная доместицированная модернизация (использование анахронизмов) в отношении категории «звания, чины» и фактологические ошибки. Частотность употребления военно-административных реалионимов ввиду особенностей содержания самой исторической повести самая высокая в корпусе, в связи с чем к переводу

данных единиц следует предъявлять самые строгие требования, связанные с максимально точной передачей их исторического значения, когерентного хронотопу повести.

2.4. Передача ономастических реалионимов

В художественном языке Н. В. Гоголя реалионимам ономастической группы отведена многоплановая лексико-семантическая нагрузка, несущая особую функцию в раскрытии произведения как на макро-, так и на микростилистическом уровнях: в своей повести автор использует способы традиционного восточнославянского имяречения, при котором даваемые персонажам имена становятся их ключевой характеристикой, подтверждаемой их действиями и поступками.

Как отмечает А. И. Домашнев, основной особенностью любого художественного текста является его антропоцентричность, то есть, взаимодействие автора через систему действующих лиц с читателем [Домашнев, 1989, с. 95]. Рассмотрим указанное явление на примере группы антропонимов, разделяемых в системе фабульных отношений на два противоположных полюса: фигуры протагонистов (условно «добрые», преимущественно центральные / главные персонажи) и антагонистов (условно «злые», второстепенные).

Ввиду фактуальной составляющей сюжета исторической повести, где действия основаны на реальных событиях, со ссылкой на восстание XVI века запорожских казаков против польско-литовской шляхты, следующие антропонимы главных героев (имена, фамилии, клички) относятся к реальным историческим деятелям: *Тарас Бульба, Остап Бульбенюк, Андрий Бульбенюк (центрообразующие фигуры); Кирдяга, Касьян Бовдюг, Балабан, Кукубенко, Кобита, Охрим Гуска, Мыкита Голокопытенко, Демид Попович, Мосий Шило, Хлеб, Вовтузенко, Метельця, Вертыхвист, Дёгтеренко, Черевиченко, Задорожний, Закрутыгуба*. Безымянными представлены в повести есаул

Товкач и *гетман Острица*), а также другие второстепенные персонажи: жена Тараса Бульбы, ковенский воевода, его дочь-панночка, другие члены польской семьи, служанка-татарка, то есть не имеющие антропонимов в тексте повести; евреи *Янкель* и *Мардохай*.

Киевский воевода *Адам Кисель* и польский гетман (*Николай*) *Потоцкий* – антропонимы реальных исторических персонажей, относящиеся к двум враждующим лагерям. Исследователь В. Д. Денисов обращает внимание, что кроме Бульбы и его сыновей в повести именем и фамилией, отличающими их от других героев, наделены лишь обозначенные исторически достоверные персонажи: воевода Адам Кисель и гетман Николай Потоцкий – дворяне, войсковые начальники. Упомянутые гетман Острица (*Яков Острица*), его товарищ Гуня (*Дмитрий Тимофеевич Гуня*) фигурируют в тексте повести без имени [Денисов, 2006, с. 8].

Проанализируем передачу восьми антропонимов главных и второстепенных исторических литературных персонажей и 80 вариантов их перевода на английский и французский языки.

Таблица 31. Антропонимы повести в английских переводах

Реалионим	В. С. Baskerville	J. Cournos	C. Garnett	О. А. Gorchakov	I. Napgood
Тарас Бульба	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba
Остап	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap
Андрій	Andrew (дом., Нх)	Andrii	Andrey (дом., Нх)	Andrei (дом, Нх)	Andrii
Мосий Шило	Shilo	Mosiy Schilo	Piercer (К, Сх); Mosy Shilo	Mosii Shilo	Mosii Shilo
Кирдяга	Kirdyaga	Kirdyanga (Ош)	Kirdyaga	Kirdyaga	Kirdyaga
Бородатый	Borodati	Borodaty	Big Beard (дом., Сх), Borodaty	Borodaty	Borodaty
Николай Потоцкий	Nicolai Pototzky	Nicolai Pototzky	Polish hetman, Nicolai Potocki	Royal Hetman Mikolaj Potocki	Royal Hetman Nicolai Potozky
Острица	Hetman Ostranitsa,	Hetman Ostranitza,	Hetman Ostranitsa	Hetman Ostranitsa	Hetman Ostranitza

Таблица 32. Антропонимы повести во французских переводах

Реалионимы	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Тарас Бульба	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba
Остап	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap
Андрей	André (дом., Нх)	André (дом., Нх)	Andry	Andry	André (дом., Нх)
Мосий Шило	Chilo (ссылка)	Chilo	Chylo	Chilo	Cosaque Mosii Chilo
Бородатый	Borodaty	Borodaty	Borodaty	Borodaty	Borodaty
Кирдяга	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga
Николай Потоцкий	Potocki (ссылка)	L' Hetman de la Couronne Nicolas Pototski	L' Hetman de la Couronne Nicolas Pototski (ссылка)	Nicolas Potocki	Nicolas Potocki
Острица	Hetman Ostranitza (ссылка)	Hetman Ostranitza	L hetman Ostrianitsa (ссылка)	Hetman Ostranitza	Hetman Ostranitza

Как следует из табл. 31 и 32, при переводе антропонимов большинство переводчиков избирают способ транскрибирования или транслитерации в рамках стратегии форенизации, руководствуясь принципом графического подобия. Тяготение к доместикации или перенационализации демонстрируют примеры передачи имени Андрей (греч. *Andreios* – мужественный). Транскрибированное Н. В. Гоголем с украинского правописания имя «*Андрій*» передается как английское «*Andrew*», французское «*André*» и транскрипция русского обозначение имени «*Andrey/i*». Несмотря на общую конвергентность разных производных одного имени представленные примеры имеют национальную окраску и не совместимы с локальным колоритом исследуемого текста, то есть дивергентны.

Очевидно, что так называемые «говорящие» имена, а в данном случае прозвища персонажей, также транслитерированы. В отношении перевода антропонимов общеизвестно, что недостатком транслитерации является потеря семантики имени и его ассоциативные связи с неким качеством, предметом или явлением [Шугаева, 2021, с. 76]. В связи с этим преимуществом перевода К. Гарнетт является попытка передать значение имени персонажа с помощью калькирования: *Big Beard* (Большая Борода),

Piercer (Шило) в эмоциональной сцене с выбором нового кошевого, при этом в последующих эпизодах английская переводчица возвращается к принципу транслитерации.

В примечаниях к «Тарасу Бульбе» (1942) раскрывается этимология малороссийских имён, фамилий и прозвищ казаков: *Печерица* – гриб, шампиньон (перен. о толстом человеке), *Колопер* – круг, колесо (о непоседливом человеке), *Пидсыток* – редкое сито (о рябом человеке).

Среди представленных образцов перевода семантическая составляющая ряда антропонимов в виде сносок и примечаний к переводам объясняется у М. Окутюрье и С. Татарулы, что составляет особое преимущество данных вариантов в контексте передачи национально-исторического колорита в рамках полной конвергентной стратегии.

В. Д. Денисов уделяет больше внимание символике личных имён в ранней гоголевской исторической прозе и подчеркивает необходимость «выявления семантики имени героя как важнейшего референциального знака в авторской характеристике персонажа» [Денисов, 2006, с. 15]. Однако передать коннотативные, функционально-стилистические нюансы говорящих имён Н. В. Гоголя – едва выполнимая задача, решаемая зачастую пояснениями и комментариями со стороны авторов перевода. По словам С. Адыловой, «значащие имена и фамилии персонажей из произведения Гоголя следует транслитерировать» [Адылова, 1978, с. 23]. В дополнение к общераспространённому экспертному мнению, мы находим целесообразным необходимость обеспечения переводчиками кратких библиографических ссылок и историко-культурологических справок к именам значимых исторических персонажей, упоминаемых в произведении.

В исследуемой повести аллюзия к именам враждующих сторон гетмана Острицы и польского гетмана Николая Потоцкого является контекстообразующей, так как прообразы данных персонажей и конфликтные действия между ними легли в основу сюжетной линии. Сам Н. В. Гоголь с помощью эпитетов и других средств описания даёт краткую характеристику

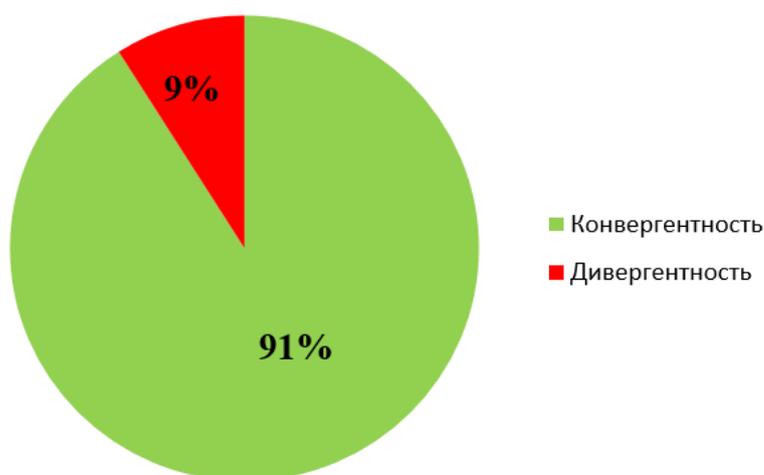
данным героям: ср.: «Молодой, но сильный духом гетьман Острица предводил всею несметною козацкою силою»; «...слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы» (Гоголь, 1937, с. 167). Все переводчики соблюдают конвергентность данным отрывкам посредством ввода транслитерированных антропонимов, военных реалионимов и их текстовой экпликация (*L' Hetman de la Couronne Nicolas Pototski, young Cosaque hetman Ostranitsa*), при этом М. Окутюрье и С. Татарула вводят дополнительные сведения об исторических деятелях в виде затекстовых сносок, обеспечивая трансляты дополнительной социокультурной информацией, облегчающей понимание историко-политического контекста. В нашем представлении, данная мера более эффективна для передачи локально-временного колорита антропонима, чем попытка, к примеру, передать с помощью лексических средств семантику фамилии персонажа, ср.: Острица – «странная судьба», Тарас – «бунтовщик, мятежник» (греч. *tarassio*), Бульба – «клубень, земляная груша» (лат. *bulbus*) и т.д. [Денисов, 2006, с. 16].

Таблица 33. Оценка стратегий конвергентности и дивергентности

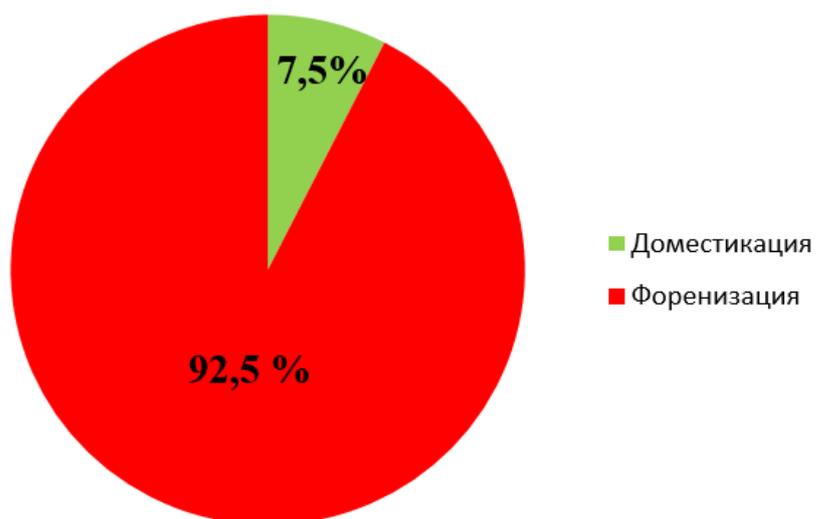
Переводчики	Показатели конвергентности/ дивергентности								Итого
Бэскервилл	1	1	0	1	1	1	1	1	7
Курнос	1	1	1	1	0	1	1	1	7
Гарнетт	1	1	0	2	1	2	1	1	9
Горчаков	1	1	0	1	1	1	1	1	7
Хэпгуд	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Окутюрье	1	1	0	2	1	1	2	2	10
Приэль	1	1	0	1	1	1	1	1	7
Татарула	1	1	1	1	1	1	2	2	10
Виардо	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Де Витте	1	1	0	1	1	1	1	1	7

В рамках данного исследования предоставление переводчиком дополнительной экспликации в виде сноски, затекстовой ссылки, пояснительного словаря оценивается как полная конвергентность оригинальному источнику. Обозначенный факт позволяет присудить автору перевода дополнительный балл в рамках критерия оценивания (табл. 33).

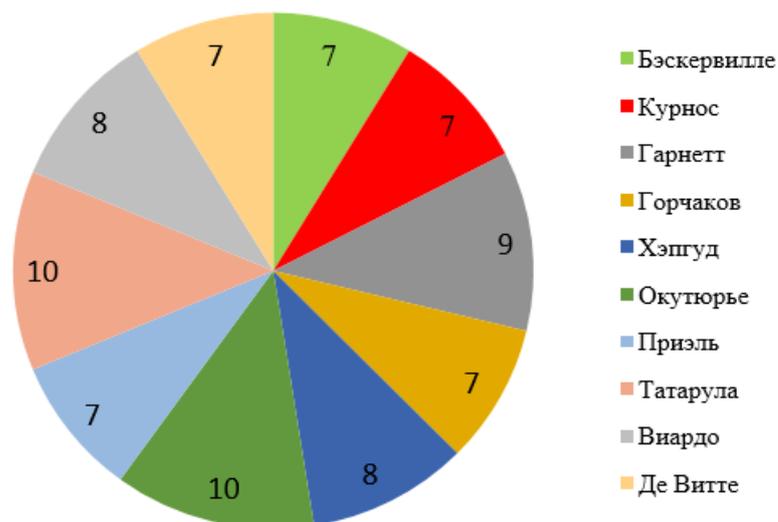
Диаграмма 20. Соотношение конвергентности и дивергентности

Диаграмма 21. Соотношение доместикации и форенизации

Диаграмма 22. Соотношение стратегий конвергентности перевода ономастических реалий

На уровне содержания преимущественно все представленные переводы антропонимов конвергентны исходному тексту – 91 %. Большая часть антропонимов подвержена форенизации (92,5%), где способы транслитерации и калькирование являются единственно возможными вариантами в отношении передачи имен собственных. Выявленная доместикация в 7,5 % обеспечила практически аналогичный процент общей дивергентности и обусловлена частичным несоответствием хронотопу в локально-национальном аспекте, а также единичным случаем переводной ошибки.

В отношении частной доли конвергентности следует отметить французские переводы М. Окутюрье и С. Татарула – 10 баллов (табл. 33, диагр. 20) ввиду обеспечения авторами перевода дополнительных экспликаций к исторически значимым антропонимам, а также к части говорящих имён и фамилий, значение которых недоступно для иноязычного читателя без соответствующего пояснения.

2.5. Передача ассоциативных реалионимов

Ассоциативные реалионимы представляют собой особый тип онимных единиц, которые, в отличие от фактуальных реалий, не ограничиваются номинацией объектов внеязыковой действительности, но передают скрытые

культурно-исторические смыслы, формирующие концептуальную основу текста. Как отмечает В.С. Виноградов, такие реалии «материализуются в компонентах значений слов, их эмоционально-экспрессивных обертонах, внутренней форме и т.п., выявляя информационные расхождения между понятийно-близкими лексемами в разных языках» [Виноградов, 2001, с. 37]. Согласно его классификации, ассоциативные реалионимы подразделяются на пять категорий: 1) вегетативные символы (растительные образы с культурной коннотацией); 2) анималистические символы (животные-символы); 3) цветовые символы (цвета, несущие культурно-специфичные ассоциации); 4) фольклорные, исторические и литературные аллюзии; 5) языковые аллюзии (игра слов, идиоматические выражения) [там же].

Функционально ассоциативные реалионимы выполняют не только номинативную, но и концептуально-трансляционную роль. Они аккумулируют имплицитную информацию, формирующую глобальный замысел произведения и коммуникативное намерение автора [Чарычанская, 2003, с. 74]. Например, нейтральные лексемы вроде «солнце» или «красный» в определённом культурном контексте приобретают уникальные коннотации, недоступные для прямого перевода без учёта фоновых знаний [Демонова и др., 2021, с. 145].

Ключевая сложность перевода ассоциативных реалионимов повести связана с их принадлежностью к безэквивалентной лексике. Как подчёркивает Г.Д. Томахин, они относятся к коннотативным единицам, противопоставленным денотативным (предметным), поскольку их значение формируется через прецедентные связи, экспрессивную окраску и контекстную реализацию [Томахин, 1988, с. 147]. Переводчик сталкивается с риском искажения авторского замысла, если игнорирует страноведческий подтекст или заменяет реалионимы аналогами, чуждыми целевой культуре. Например, исторические аллюзии или фольклорные отсылки требуют адаптации через комментарии или поиск функциональных эквивалентов [Чарычанская, 2003, с.74]. Таким образом, ассоциативные реалионимы

реализуют локальный колорит посредством культурного кода, что делает их значимыми объектами анализа оценки точности передачи замысла художественного текста.

Рассмотрим анималистические символы исследуемой повести, представленные фольклорными аллюзиями в функции орнитонимов (обозначений птиц). Данная выборка обусловлена знаковым характером указанного онимного субкласса в силу его прецедентно-ассоциативных признаков, отражающихся на передаче локального колорита анализируемого произведения. Орнитонимы выступают достаточно древней геральдической категорией, обладающей в повести Н.Г. Гоголя собственным стилистическим оформлением.

Таблица 34. Ассоциативные реалионимы повести в английских переводах

Реалионим	B. C. Baskerville	J. Cournois	C. Garnett	O. A. Gorchakov	I. Napgood
Голубка	Dove (Ан)	Dove (Ан)	Dove (Ан)	Dove (Ан)	Dove (Ан)
Ястреб	Hawk (Ан)	Vulture (Нх)	Hawk (Ан)	Hawk (Ан)	Vulture (Нх)
Петух (петуший крик)	Cock-crow (Ан)	Cock (Ан)	Cockcrow, cock (Ан)	Cock (Ан)	Crow of a cock (ЛСЗ)
Степная чайка	Lapwing of the steppes (ЛСЗ, Нх)	Gull of the steppes (Ан)	Gull of the steppes (Ан)	Gull of the steppes (Ан)	Gull of the steppe (Ан)
Гордый гоголь	The proud clangula (ЛСЗ-Ош)	The proud wild goose glides swiftly over it (О- Ош)	Оп	The proud river-duck (О)	The proud wild goose (О-Ош)

График 7. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности при передаче ассоциативных реалионимов на английский язык

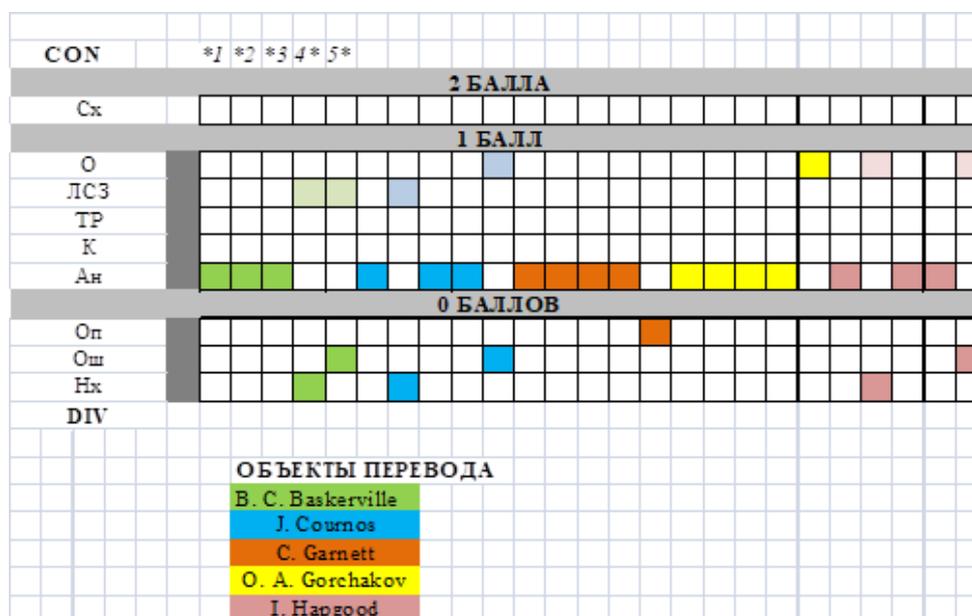

Таблица 35. Корпус антропонимов повести во французских переводах

Реалионимы	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Голубка	La colombe (Ан)	La colombe (Ан)	La colombe (Ан)	La colombe (Ан)	La torturelle (Ан)
Ястреб	Le vautour (Ан)	L épervier (Ан)	L épervier (Ан)	L épervier (Ан)	Le colombe (Ан)
Петух, петуший крик	Coq, chanter le coque (Ан)	Pas un coq ne chantait (Ан)	Cocorico (Ан)	Le chant d un coq (Ан)	Nul chant de coq (Ан)
Степная чайка	Mouette de la steppe (Ан)	Mouette de steppes (Ан)	La tchaïka (ссылка) des steppes (Тр)	La tchaïka (ссылка) des steppes, (Тр, Сх)	Mouette de steppes (Ан)
Гордый гоголь	La grèbe orgueilleuse (ссылка) (ЛСЗ – Ош)	Le fier gogol ou canard savage (Тр)	Le superbe gogol (ссылка) (Тр)	Le superbe gogol (1) (Тр)	Оп

График 8. Соотношение стратегий конвергентности и дивергентности при передаче ассоциативных реалионимов на французский язык

	*1	*2	*3	4*	5*															
CON																				
2 БАЛЛА																				
Сх																				
1 БАЛЛ																				
О																				
ЛСЗ																				
ТР																				
К																				
Ан																				
0 БАЛЛОВ																				
Оп																				
Ош																				
Нх																				
DIV																				
ОБЪЕКТЫ ПЕРЕВОДА																				

1. Голубка: «Безумно летают в нем вверх и вниз, чёркая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка – не видя ястреба, ястреб – не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели» [Гоголь, 1937, с. 87]. Словарные определения исследуемой лексической единицы приводят два основных значения: 1) самка голубя, 2) ласковое обращение к женщине [Ожегов, 1990, с. 120]. В приведённом контексте ассоциативный реалионим передает значение слабости, жертвенности художественного образа по сравнению с более хищной птицей в образе «ястреба». Все английские переводчики передают данный реалионим с помощью доместицированного аналога «dove», демонстрируя конвергентность подлиннику. Французские переводчики также используют аналог «colombe» (голубь), имеющего коннотацию ласкательного слова «голубка». Голубь в европейской культуре символизирует чистоту, нежность и стремление к миру, являясь также в христианской парадигме образом святого духа [175]. И. де Витте использует значение «torturelle» (горлица),

являющееся фактическим синонимом исследуемому ассоциативному реалиониму, так как обозначает устаревшее ласковое обращение к женщине «голубка, голубушка». Согласно словарному определению, горлица принадлежит к семейству голубиных, но в отличие от голубя имеет более изящное строение и более яркое оперение. В данной связи приведённый вариант перевода конвергентен оригиналу.

2. *Ястреб*. Ассоциативный реалионим «ястреб» в противопоставлении слову «голубка» в символическом смысле «безвинной жертвы» содержит метафорическое значение опасного хищника, врага. Ястреб вкупе с коршуном представляет в русском фольклоре образ опасной птицы, хищника и связывается в первую очередь со стремительностью атаки противника. Б. Бэскервилл, К. Гарнетт и О. Горчаков переводят данную единицу посредством аналога «*hawk*» (ястреб), Дж. Курнос используют domesticiрованный аналог «*vulture*» (гриф, стервятник, хищник). Грифы, как и стервятники представляют род крупных хищных птиц семейства ястребиных, питающихся падалью или неподвижной добычей. В данном контексте несмотря на принадлежность одному семейству (фактический, биологический параметр) образ стервятника или грифа в приведенных переводах не является конвергентной стратегией передачи средств национального колорита, заложенного автором произведения при помощи ассоциативного реалионима «ястреб»: в русскоязычном фольклоре указанная птица носит прежде всего воинственный характер, не являясь падальщиком по своей функциональной природе. Конвергентными являются французские переводы Ж. Приэля, Л. Виардо, С. Татарулы, которые передают ассоциативный реалионим «ястреб» посредством соответствующего аналога «*vautour*». Дивергентную стратегию в плане передачи национального колорита эксплицирует перевод указанного реалионима, данный М. Окутюрье: «*épervier*» (стервятник). Перевод И. де Витте также дивергентен оригиналу ввиду допущения фактологической семантической ошибки при передаче реалионима «*colombe*» в значении «голубь, голубка».

3. *Петух, петушиный крик*. Самец птиц семейства петушиных в метафорическом значении имеет множество ассоциаций в международном и русском фольклоре. В культуре большинства народов петух связан именно с солнцем, выступающим вестником пробуждения и света. В древнегреческой культуре петух связывался с богом Асклепием, покровителем медицины, и символизировал исцеление и возрождение. Его крик считался знаком начала нового дня и победы света над тьмой. В римской традиции петух ассоциировался с Меркурием, посланником богов, что подчеркивало его роль вестника [Овидий, 1977, с. 115]. Исследователи произведения «Тарас Бульба» отмечают отсылки к Священному писанию, где пение петуха или «петушиный крик» употребляется для обозначения разделения времени. В христианской парадигме на Тайной Вечере, желая предостеречь Петра от предательства, Иисус сказал: «Истинно, истинно говорю тебе: не пропоёт петух, как отречёшься от Меня трижды» [Синодальный перевод Библии]. Таким образом, петух стал символом апостола Петра, а позже и католической церкви. У Н.В. Гоголя в повести «Тарас Бульба» петушиный крик сопровождает сцену предательства Андрия, усиливая драматизм через отсылку к библейскому подтексту: «Но нигде не слышно было отдалённого петушьего крика...» [Гоголь, 1937, с. 94].

Все английские переводчики используют функциональный аналог «*cock*» (петух), кроме перевода К. Гарнетт, которая передает реалионим сложносоставным существительным «*cock-crow*» (рассвет), где первый корень «*cock*» означает петух, а «*crow*» – «крик петуха», «кукареканье». Таким образом, К. Гарнетт успешно адаптирует библейские аллюзии, акцентируя связь с евангельским сюжетом об отречении Петра. Данная лексико-семантическая замена с точки зрения передачи ассоциативного компонента в большей степени конвергентна подлиннику. Все французские переводчики используют эквивалент «*coq*» (петух), за исключением С. Татарулы, использующий лексико-семантическую замену в виде существительного «*cocorico*», создающего имитацию петушиного крика «кукареку».

4. *Степная чайка*. Ассоциативный реалионим «чайка» используется автором повести трижды. В данном исследовании понятие «степной чайки» рассматривается применительно к описанию образа матери, в рамках сравнительного оборота, передающего состояния тоски, трепета и волнения данного персонажа при прощании со своими детьми: ср.: *«Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими»* [Гоголь, 1937, с. 50]. Образ степной чайки также возникает в дальнейшем описании степи в ходе так называемых, лирических отступлений в повествовании: *«Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха»*. Упоминание морской чайки появляется ближе к финалу повести, в контексте описания уже отцовских переживаний Тараса за плененного сына Остапа: *«Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою»* [Гоголь, 1937, с. 149].

Степная чайка или хохотунья – вид птиц из семейства чайковых, распространенных главным образом на территории России и Украины. Название «хохотунья» дано в связи с интенсивным криком, которые производит данный вид птицы в стае. Для передачи реалионима «степная чайка» Б. Бэскервилле использует словосочетание *«lapwing of the steppes»*, где ключевое слово *«lapwing»* означает «чибис» или другое название птицы «пигалица». Собственно, чайка и чибис представляют собой два различных вида птиц, к тому же в паремиологическом русскоязычном фонде отсутствуют фразеологизмы со словом «чибис». Понятие «пигалица», напротив, находит в довольно широкое употребление в русских поговорках и пословицах [Даль, 1991, Т. 2, с. 343, 427]. Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» даёт следующее описание одной из героинь: «Низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пигалицами» [Гоголь, Т.1, 1937, с. 224].

Таким образом, понятия «чайка» и «чибис» отличаются как в смысловом, так и ассоциативном значении и перевод *«lapwing»* дивергентен оригиналу. В украинском языке название птицы «чибис» транскрибируется и

переводится как «чайка», что предположительно послужило причиной ошибочного перевода данного реалионима и связанного с ним ассоциативной коннотацией. Чайка как символ тоскующей женщины и материнского плача по своим детям в украинском фольклоре происходит из известной казацкой песни «*Ой горе той чайці*». По сюжету автор данной песни (предположительно гетман Украины Иван Мазепа) сравнивает Украину с убитой горем чайкой или чибисом, чьих детей забрали чумаки, расхитив её придорожное гнездо. Отметим, что этнографическим реалионимом «чайки» называют также военные суда запорожских и донских казаков.

Во французских транслятах переводчики М. Окутюрье, Ж. Приэль и И. де Витте применяют domesticiрованный аналог «*mouette de la steppe*». Предположительно во избежание семантической ошибки (путаницы) между переводами слов «чайка» и «чибис» С. Татарула и Л. Виардо прибегают к приёму транслитерации «*tchaika*», заимствуя понятие с помощью форенизации, конвергентной оригиналу.

5. *Гоголь*. Обыкновенный гоголь (*Viscerhaka clangula*) – птица семейства утиных средней величины с большой округлой головой, коротким клювом и контрастным черно-белым оперением, распространённая в Евразии и Америки. Упоминание в последнем абзаце повести данной птицы, охарактеризованной эпитетом как «гордый гоголь», рассматривается исследователями как своеобразный автограф Н. В. Гоголя, данный своему произведению. В английских транслятах переводчики используют преимущественно лексико-семантическую, а именно родовидовую замену или генерализацию. Б. Бэскервилл передает данный реалионим значением «*clangula*», применяемого в отношении птиц рода *Clangula*: «утка длиннохвостая», «морянка», «гоголь обыкновенный»; О. Горчаков использует генерализацию и описание «*river duck*» (речная утка); Дж. Курнос и И. Хэпгуд ошибочно называют «гоголя» «*wild goose*» (дикий гусь), а К. Гарнетт пропускает данный реалионим в своём переводе. Таким образом, все английские переводчики не только искажают семантический аспект

исследуемого слова (биологический вид сигнификат), но и игнорируют передачу ассоциативного компонента, имеющего в тексте повести главенствующее значение. Все переводы расцениваются как ошибочные и дивергентные источнику.

Французский переводчик М. Окутюрье при лексико-семантической замене допускает семантическую ошибку в передаче исследуемого ассоциативного реалионима, употребляя слово «*grèbe*» в значении «поганка». Данное слово относится к представителям иного биологического вида и лишено ассоциативной составляющей с личностью автора повести и, следовательно, дивергентно исходному тексту. Пропуск и, соответственно, дивергентность оригиналу, зафиксировано в переводе И. де Витте.

Ж. Приэль производит транслитерацию, а также сопровождает форенизированный перевод описанием значения данного понятия «*gogol ou canard sauvage*» (гоголь или дикая утка). В аналогичных переводах С. Татарула и Л. Виардо реалионим выделен курсивом «*gogol*», а пояснение значения данного слова и его ассоциативной составляющей приведено одним из переводчиков в затекстовых комментариях. Так, сохранение термина «гоголь» с пояснением о его связи с фамилией автора позволяет удержать авторскую аллюзию, которая теряется при замене на «*wild goose*» или «*grèbe*».

Использованные приёмы классифицируются как конвергентные и обеспечивают адекватную передачу локального колорита произведения.

Диаграмма 23. Соотношение конвергентности и дивергентности

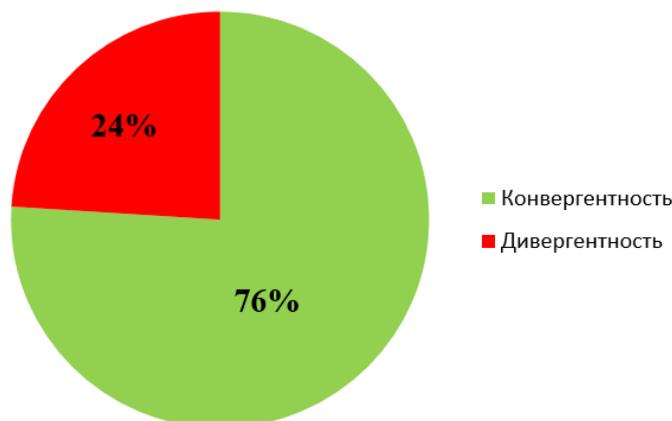

Диаграмма 24. Соотношение доместикации и форенизации

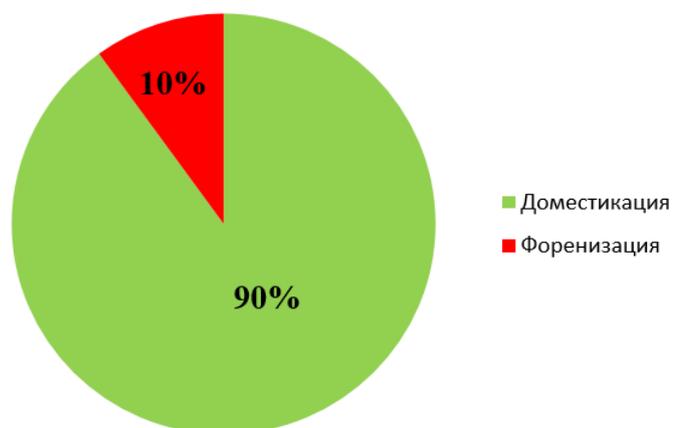
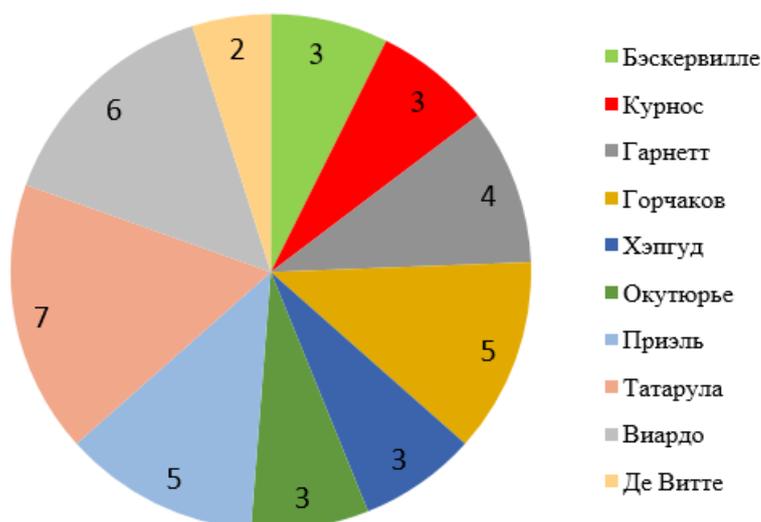

Таблица 36. Оценка стратегий конвергентности и дивергентности

Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)					Итого
	1	0	1	0	0	
Бэскервилл	1	1	1	0	0	3
Курнос	1	0	1	1	0	3
Гарнетт	1	1	1	1	0	4
Горчаков	1	1	1	1	1	5
Хэпгуд	1	0	1	1	0	3
Окутюрье	1	0	1	1	0	3
Приэль	1	1	1	1	1	5
Татарула	1	1	1	2	2	7
Виардо	1	1	1	2	1	6
Де Витте	0	0	1	1	0	2

Диаграмма 25. Соотношение стратегий конвергентности переводов ассоциативных реалионимов

Исследование группы из 5 ассоциативных реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и 50 английских и французских эквивалентов показывает, что стратегия конвергентности избирается переводчиками в 76 % случае, 24 % исследуемых примеров перевода дивергентны подлиннику (диагр. 23). Абсолютное большинство (90%) транслируемых реалионимов доместицировано путём уподобления (подбора современного аналога), лексико-семантической замены и описания. (диагр. 24). Лексико-семантическая замена или контекстуальная адаптация, продемонстрированная в случае «*cock-crow*» у К. Гарнетт, успешно передает имплицитные смыслы. Форенизация с комментариями (например, транслитерация «*tchaika*» для «степной чайки» у С. Татарулы) позволяет сохранить уникальный культурный код или национальный (локальный) колорит. Таким образом, максимальной стратегии конвергентности достигают переводы С. Татарулы (7 баллов) и К. Гарнетт (6 баллов). О. Горчаков (5 баллов) и Ж. Приэль (4 балла) частично сохраняют культурные отсылки, однако их решения, такие как замена «гоголя» на «*river duck*», снижают глубину авторского замысла. Остальные переводчики, получившие 2 и 3 балла, допустили грубые ошибки: пропуск ключевых реалионимов, искажение орнитологической терминологии

(например, замена «ястреба» на «vulture») или неоправданную генерализацию, что привело к размыванию национального колорита (граф. 7, 8).

Ассоциативные реалионимы в повести «Тарас Бульба» выполняют роль культурных шифров, интегрирующих текст в историко-этнографический контекст средневековой Украины посредством создания локального колорита произведения. Они аккумулируют отсылки к казацкому эпосу, народным песням и авторской стилистике, превращаясь в инструмент передачи коллективной памяти. Так, «степная чайка» отсылает к украинской балладе о материнской скорби, а «петушиный крик» обеспечивает аллюзию к библейскому мотиву предательства, усиливая драматизм сюжета. Их адекватная передача требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания исторических, фольклорных и литературных связей.

Анализ показал, что наиболее эффективной стратегией перевода ассоциативных реалий является форенизация с обязательным комментарием, обеспечивающая баланс между сохранением исходного замысла и доступностью для иноязычного читателя.

Выводы по второй главе

1. Адекватная передача средств создания локального колорита повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» является частью конвергентной стратегии переводчика. К важнейшим средствам создания локального колорита повести относятся такие единицы с территориальными ограничениями, как реалионимы (экзотизмы), представленные пятью предметно-тематическими группами: этнографические, географические, общественно-политические, ономастические и ассоциативные реалионимы.

2. Конвергентность в отношении этнографических реалионимов категории «Еда, напитки» достигнута переводчиками в 64 % случаев, наиболее удачным оказался французский перевод С. Татарулы. Максимально

дивергентным признаны английские тексты перевода Б. Бэскервилл и Дж. Курноса. 36 % выявленного отклонения от текста подлинника ввиду дивергентной стратегии обусловлено нарушением хронотопной составляющей, вызванной неуместной доместикацией или явлением перенационализации.

3. При передаче географических реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» стратегия конвергентности продемонстрирована переводчиками в 78 % случаев, где большинство (80 %) транслируемых реалионимов доместицировано путём уподобления (подбора современного аналога), лексико-семантической замены и описания. Максимальной стратегии конвергентности достигают переводы О. Горчакова, И. Хэпгуд, М. Окутюрье, Ж. Приэль, С. Тарарулы (6 баллов). Наименьшее количество баллов у Дж. Курноса и Л. Виардо обусловлено более высокой долей дивергентности в переводах, вызванных опущениями лексем или лексико-семантическими и смысловыми ошибками.

4. Среди переводов военно-административных реалионимов выявлено преимущественное предпочтение к применению стратегии форенизации (67 %), возрастающей во французском сегменте. Установлено, что заимствование путём транслитерации или калькирования является более эффективной стратегией в сторону конвергентности, достигающей в совокупности 94 %. Наиболее высокие показатели зафиксированы у С. Татарулы и Л. Виардо – 8 баллов и минимальные (4 балла) – в текстах перевода Б. Бэскервилл и Дж. Курноса. Дивергентность, проявляющаяся преимущественно в английских транслятах, вызвана неуместной модернизацией реалионимов в отношении категории «звания, чины», повлекшей фактологические ошибки.

5. 92,5 % анторопонимов ономастической группы реалионимной лексики переданы посредством форенизации: здесь транслитерация и калькирование являются единственными возможными способами перевода имён собственных. Однако установлено, что колоритные, «говорящие» фамилии и прозвища персонажей повести следует по мере возможности переводить.

Транслитерацию исторически значимых, реальных имён персонажей, фигурирующих в тексте произведения, также следует снабдить экспликацией или дополнительным пояснением в виде сноски. Обозначенные выше условия соблюдены в переводческих решениях К. Гарнетт (9 баллов) и М. Окутюрье, С. Татарулы (10 баллов). Дивергентность с показателем 7,5 %, послужившая причиной более низких результатов у остальных переводчиков (в среднем 7 баллов), вызвана частичным искажением хронотопа в силу применения авторами перевода неуместной доместикации.

б. В 76 % случаев передачи ассоциативных реалионимов переводчики придерживались конвергентной стратегии, стремясь сохранить исходные культурные и смысловые коннотации. Однако четверть примеров (24 %) оказалась дивергентной, что выразилось в отклонениях от авторского замысла из-за семантических ошибок, пропусков или неадекватных замен. Наиболее значимых результатов добился С. Татарула (7 баллов), чьи работы отличаются точным воспроизведением символики за счёт комментированной форенизации. Ключевым выводом анализа становится подтверждение о том, что наиболее эффективной стратегией перевода ассоциативных реалионимов является форенизация, дополненная пояснительными комментариями.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АРХАИЧНЫХ КЛИШЕ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

3.1. Передача архаичных фразеологизмов с лексемой «дело»

Согласно классификации А. М. Люксембурга, клишированная лексика относится к подгруппе «языковых аллюзий» предметно-тематической группы «Ассоциативные реалионимы». В свою очередь, она распадается на фразеологические и паремиологические единицы, различающиеся главным образом сложностью компоновки клише: в случае фразеологизмов речь идёт об элементах предложения, в то время как поговорки строятся в формате целых предложений открытого или закрытого характера или же целых цепей предложений (сверхфразовых единств). В речи они преимущественно реализуют экспрессивные задачи передачи полезного опыта, меткого, остроумного, образного описания объекта, явления, ситуации и упрощения комбинирования элементов высказывания [Кобенко, 2023, с. 78–79], однако в художественном произведении могут служить средством передачи локального и временного колорита, поскольку, как отмечает Р. А. Юсупов, «на фразеологизмах, как на устоявшихся оборотах речи, отражается исторический путь, пройденный носителями данного языка, проявляется национальное своеобразие народа» [Юсупов, 2018, с. 169].

А. И. Карпенко определяет авторские фразеологизмы в повести «Тарас Бульба» как «эпические формулы», которые Н. В. Гоголь не берёт из фольклора готовых образных форм, а мыслит ими. Исследователь называет данную особенность фольклорным фразеологическим выражением: автор повести свободно варьирует их структуру, обновляет их стилистическую функцию, в строгой зависимости от цели повествования и характера изображаемого явления, образа [Карпенко, 1962, с. 189]. Преобразованные Гоголем фольклорные заимствования эстетически оправданы в языке писателя

задачей исторической и национально-речевой типизации. Речевые эпические формулы во многих случаях сочетаются с песенно-поэтическими конструкциями («*мыкнуть горя*», «*хватили сердечные*»), с народно-разговорными фразеологизмами («*отплыть на всех веслах*», «*хватить с корабля*»), с исторической лексикой (*цехины, турецкая габа, анатолийские берега, киндяки*), а сама художественная организация народно-поэтического материала повести напоминает композицию украинской народной думы, где ментальные представления Малороссии воплощены Гоголем в фразеологических моделях русского языка [Михед, 1995, с. 24].

Опора на национальные образцы устного народного творчества в конструировании авторских фразеологизмов выступает индикатором реализации клишированной лексики локального (народного) колорита, сочетающегося, как правило, с временной окраской действия, т.е. колоритом временным (историческим). Отражением колоритных особенностей служит применение автором фольклорного стилистического синтаксиса, для которого характерны инверсионное построение, повторы, приёмы аллитерации, компаративная символика.

В числе особенностей, определяющих выбор переводческой стратегии и способа перевода клишированной лексики, С. И. Влахов, С. П. Флорин называют в частности колорит, достигаемый использованием фразеологической лексики, а качестве способов его передачи предлагают следующие: фразеологический перевод (полный или частичный эквивалент, аналог), определяющий микростратегию доместикации, и нефразеологический перевод, к которому относят такие приёмы, как лексический перевод, калькирование, описание, контекстуальные замены, входящие в микростратегию форенизации [Влахов, Флорин, 2012, с. 206].

Применительно к клише следует разграничивать формальный (системный) и содержательный (функциональный) подход, в основе которых лежат количественные и качественные характеристики единиц перевода: системный перевод направлен на реконструкцию клише в его основных

семантических признаках, а функциональный – на воспроизведение функциональной стороны целого отрезка речи, зачастую не отделяемого от контекста, результатом чего становится поиск функционального эквивалента, различающегося как по форме, так и содержанию от аналога в языке оригинала, но контекстуально схожего с ним по функции [Кобенко, Шарапова, 2015]. Указанные параметры позволяют комплексно оценить не только степень соответствия перевода исходному тексту (конвергентность / дивергентность), но и баланс между формальной точностью и смысловой сохранностью.

В рамках данного исследования воспользуемся следующими критериями оценки качества клишированных единиц по 5-бальной шкале, где степень конвергентности – интегральный параметр, отражающий общее соответствие перевода оригиналу по трём критериям с учётом входящих показателей:

1. *Адекватность* – качественный параметр, оценивающий точность передачи семантики, стилистических нюансов и культурно-исторических коннотаций. Высокая адекватность (полная конвергентность) достигается при сохранении функционально-стилистического соответствия [Федоров, 2002, с. 115] и хромотопной составляющей, что может сочетаться как с доместикацией (через функциональные аналоги), так и с форенизацией (через заимствования). Подпараметрами адекватности выступают: а) *семантика* – точность передачи смысловой стороны клише; б) *функция* – сохранение его роли в тексте; в) *стиль* – соответствие авторской стилистике.

2. *Эквивалентность* – количественный параметр, отражающий число лексических соответствий, воспроизведенных в переводе относительно исходных единиц (реалионимов, архаизмов, фразеологизмов). Высокий уровень эквивалентности предполагает максимальное сохранение формальных элементов (транслитерация, калькирование), что характерно для форенизированной стратегии, низкий же свидетельствует о доминировании замен, опущений или генерализаций. Подпараметрами эквивалентности

являются: а) лексический состав – сохранение словарных компонентов фразеологизма; б) грамматический состав – соблюдение числа, структуры и порядка слов.

3. *Хронотон* – параметр, включающий сохранение временных и пространственных характеристик переводимых единиц оригинала, а также соответствие локально-временному колориту. Здесь проверяется отсутствие анахронизмов и чуждых историко-культурному фону понятий, нехарактерных для казачества, например, «*тики*» или «*лансы*».

Каждый критерий оценивается по пятибалльной шкале, где: 5 – полное соответствие; 4 – незначительные отклонения; 3 – умеренные нарушения; 2 – существенные искажения; 1 – критические ошибки.

Степень конвергентности определяется диапазоном итоговой оценки: где итоговая сумма достигает 15 баллов: полная конвергентность – 15; высокая конвергентность – 12–14; условная конвергентность – 9–11; частичная конвергентность – 6–8; дивергентность – 0 – 5 баллов.

В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» зафиксированы фразеологические единицы с лексемой «дело», входящие в разряд предикативных фразеологических сочетаний со значением действия. Понятие «дело» широко представлено в русскоязычном паремиологическом фонде, что подтверждает наличие устоявшегося народного колорита данной национально-окрашенной лексики: «*дело мастера боится*»; «*кончил дело – гуляй смело*»; «*делу время, потехе час*»; «*дело на лад пошло*»; «*дело человека красит*», «*дело вести – не лапти плести*».

Слово «дело» в составе фразеологизмов употребляется в разговорной речи персонажей и используется автором в произведении народно-эпического жанра более 30 раз: «*доброе дело*», «*дело принялись доказывать кулаками*», «*поднять на дело*»; «*приняться за дело*» «*заняться делом*»; «*дело неправое*»; «*известное дело*»; «*дело есть*»; «*в чем дело*»; «*жаркое становилось дело*»; «*с лягами попробовать дела*»; «*пошло дело на мечи да на копья*»; «*славную задать переделку*»; «*учинить позорное дело*»; «*не погибнет великодушное*

дело»; «вечное восхваление запорожских дел; «будут дела великой казацкой доблести»; «дела великого поту» и др. [Сафина, 2023, с. 96]. Отметим, что слово «дело» использовано в двух основных значениях: 1) положение вещей, обстоятельства; 2) вещь, явление [Степанова, 2016, с. 150]. Словарь устаревшей лексики рассматривает слово «дело» как архаизм в значении «бой, военное сражение» [Баско, 2023, с. 111].

Примеры перевода фразеологических единиц с лексемой «дело» на английский и французский языки представлены в табл. 37 и 38.

Таблица 37. Перевод фразеологических единиц с лексемой «дело» в английских переводах повести

Клише	B. C. Bakerville	J. Cournos	C. Garnett	O. A. Gorchakov	I. Napgood
Доброе дело делать	Good work in store	Do well	Doing the right thing	Doing the right thing	Engaged in good business
Стоять за правое дело	Fight for Faith, and Right, and Brotherhood	Stand up for the right, for faith and brotherhood	Fight for justice	Stand up for the just cause, for the faith, for brotherhood	Defend the right, the Faith, and the brotherhood
Пошло дело на мечи да на копья	A matter of sword and pike	It came to swords and spears at once	The fighting was with swords and lances	Spears and sabres came at once into play	it came to swords and spears at once
Иметь дело (с буйной и бранной толпой)	«...how useless it was to offer any resistance to the savage horde»	«To deal with the raging and warlike throng»	«To deal with the turbulent and warlike crowd»	«To fight the violent and warlike horde»	«To deal with the wild and warlike horde»
Дела великого поту, великой козацкой доблести	«...and the work before us calleth for much sweat and for much Cossack valour»	«The work before us is both in labour and in glory for the Cossacks»	Deeds of great endeavor, of great Cossack valor are awaiting us»	«The battles before us demand much sweat and great Cossack valour»	«The work before us is great labour, and in glory for the kazaks!»

Таблица 38. Перевод фразеологических единиц с лексемой «дело» во французских переводах повести

Клише	Окутюрье	Приэль	Татарула	Виардо	Де Витте
Доброе дело делать	Une bonne résolution,	Savoir mieux faire	Approuver	Faire fort bien	Оп
Стоять за правое дело	De tout ceux qui s'étaient dressés au nom de la bonne cause , de la fois et de la fraternité	Pas un survivait de ceux qui avaient lutté our la bonne cause , la religion et la camaraderie	Aucun ne demeurait de ceux qui avaient combattu pour la sainte cause , pour la foi et la fraternite cosaques	Il n'en restait pas un de ceux qui avait combattu pour la sainte cause , pour la fois et la fraternité	«... s'étaient sacrifiés pour la religion et la fraternité cosaque»
Пошло дело на мечи да на копья	On en vint aussitot aux coups de sabre et de lance.	Le combat se regla a la lance et au sabre.	On combatti aussitot au sabre et a la lance et dans la melee generale	«...mais les Polonais surtout sentaient que les balles pleuvaient épaisses...»	«on en vint de suite aux sabres et aux lances»
Иметь дело (с буйной и бранной толпой)	«...se froter contre è cette horde turbulente et belliqueuse»	«...affronter cette horde batailleuse aux intincts déchainés».	«arreter cette masse de guerriers»	«...avoir affaire avec cette foule aguerrri comme combats...»	«...tenir tete a cette masse...»
Дела великого поту, великой козацкой доблести	«La tache ...nous coutera beaucoup de sueur et toute notre prouesse de Cosaque»	«...des actions qui nous couteront beaucoup de sueur et de peine, des actions, enfin, digne de la valeur cosaque».	Nous avons devant nous une tache ardue, et une penible epreuve a traverser.	«...une besogne de grande sueuer, de grande vaillance cosaque»	«...une tache ardue et une dure épreuve!»

Проведём далее анализ переводов следующей группы клише на английский и французский языки: 1) «*доброе дело делать*»; 2) «*пошло дело на мечи да на копья*».

3.1.1. Анализ английских переводов фразеологизма «доброе дело делать»

Фразеологический оборот «доброе дело делать», отличающийся определенной тавтологичностью, является устойчивым выражением, несущим в себе положительную коннотацию полезного, нужного явления, предприятия: ср. *«Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь»* [Гоголь, 1937, Т. 2, с. 44].

Согласно «Большому толковому словарю русских глаголов», фразеологизм имеет два основных значения: 1) «совершать нравственно значимый поступок»; 2) «оказывать бескорыстную помощь» [Бабенко, 2013 с. 342]. С помощью данной единицы, обладающей выраженным народным колоритом, Н.В. Гоголь передает нравы, устои, традиции казачества в лице товарищей Тараса: окружение главного героя одобряет идею воспитания молодого поколения в «военно-полевых» условиях. На лексико-семантическом уровне исследуемый речевой оборот несёт в себе устойчивые ассоциации коллективной взаимовыручки (*на добрый привет – добрый ответ*) и христианской идеи «спасения через добрые дела. Отметим проявление временного (исторического) и локального (народного) колорита фразеологизма «делать доброе дело» на следующих уровнях: 1) на лексико-грамматическом и 2) функционально-стилистическом.

1. На лексико-грамматическом уровне клише обладает архаичной структурой, создающей эффект временной дистанции, характерной для эпического жанра исторической повести. Колоритная архаичность создается с учетом следующих лексико-грамматических особенностей:

- использованием инверсии «*дело делать*» вместо прямого порядка слов «*делать дело*»;
- постановкой существительного «дело» с эпитетом «доброе» в инициальную позицию, обеспечивающей выражению вневременное

смысловое значение, характерное для так называемой «народной мудрости» (ср.: «*доброе слово*», «*добрый путь*», «*добрый час*»);

– упрощением грамматической формы при использовании неопределенной конструкции «...дело делают» вместо применения личной формы глагола («они дело делают») с целью подчеркивания коллективной универсальности действия;

– употреблением архаичного эпитета «доброе» вместо нейтрального и современного синонима «хорошее», указывающее на связь с древнерусской лексикой, где слово «добро» использовалось как в моральном, так и материальном значении «благо» (например, «*добро наживать*»).

2. На функционально-стилистическом уровне особенности передачи народного колорита реализуются в использовании следующих выразительных средств: а) использовании фольклорных клише и б) звукоизобразительных средств.

А. Словосочетание построено по принципу народных изречений, где доброе дело противопоставляется худому и злему: «*доброе дело два века живет*». Выражение отличается афористичностью (краткой и обобщенной форме), характерной для пословиц («*дело мастера боится*»). Тавтология «дело делать» усиливает смысл высказывания с акцентом на процесс действия, а не результат. Понижение регистра лексики до разговорно-сниженной служит созданию просторечной будничности, присущей преимущественного народному диалекту, вместо книжно-возвышенного «совершать благородный поступок».

Б. Использование аллитеративного повтора звука [д] в «*доброе дело делать*» создает твёрдый, «ударный» ритм, ассоциирующийся с действием, трудом, решимостью. Данный прием характерен для фольклорно-эпических жанров, а повтор звука [л] придает фразе плавность, гармоничный лад. Ассонантный повтор гласных [о] и [е] придает фразе напевность, свойственную народным песням и присказкам, а лексико-фонетическая простота клише с короткими, легко произносимыми словами («дело»,

«делать») характерна для народного фольклора, где важна запоминаемость для устной передачи.

Перечисленные особенности обеспечивают сохранение в исследуемом клише национально-исторического колорита или, так называемой «вековой народной мудрости».

Проанализируем передачу данного фразеологизма в пяти английских транслятах с точки зрения адекватности, эквивалентности и соответствия хронотопу. Согласно табл. 37, все английские переводчики пользуются лексическим переводом, описанием или способом фразеологического аналога: 1) *engaged in good business*, 2) *good work in store*, 3–4) *do well*, 5) *doing the right thing*. Результаты оценки степени конвергентности / дивергентности отражены в табл. 38.

1. «*Engaged in good business*» (И. Хэпгуд). И. Хэпгуд применяет описание, используя сочетание «*engaged in good business*» (заняты, вовлечены в хорошее дело), что сохраняет смысл высказывания, однако лишает коннотации активного, самостоятельного действия. Лексема «*business*» эквивалента «делу» в значении «затея», «занятие», «предприятие» и имеет преимущественно коммерческую коннотацию в рамках стратегии доместикации. По наблюдениям Ю.Д. Левина, «деловой лексикон абсолютно чужд народной речи, в которой традиционно существует рассматриваемый фразеологизм» [Левин, 1985, с. 178]. Глагол «*to engage*» предполагает длительное занятие, тогда как в оригинале речь идет о конкретном единичном действии. Перевод выражения имеет оттенок формальности и не отличается поэтическим звучанием вследствие игнорирования ее ритмической организации в оригинале. Отсутствие связи с фольклорной традицией в передаче национального колорита и искажения в трансляции коннотации делают перевод семантически и стилистически диссонирующим. Таким образом, перевод И. Хэпгуд получает низкие оценки по всем критериям и классифицируется как дивергентный (3/15).

2. «*Good work*» (Б. Бэскервилл). Перевод Бэскервилл сохраняет позитивную коннотацию благого деяния через лексему «*good work*», однако смещает акцент с непосредственного действия на его потенциальность. Выражение «*in store*» (в запасе) подчеркивает идею отложенного, запланированного действия, что противоречит спонтанности и эмоциональному порыву, заложенному в оригинале. Семантически «*work*» тяготеет к значению «работа» или «профессиональная деятельность», сужая понятие «дело» до рутины и лишая его этической глубины. Грамматическая структура фразы, построенная на обезличенном обороте, опускает активный глагол «*делать*», заменяя его статичным указанием на наличие «доброй работы» в будущем. С точки зрения культурного контекста, фраза «*good work in store*» не вписывается в англоязычную фольклорную традицию, где аналогичные идиомы (например, «*do a good turn*») подразумевают мгновенное действие. Таким образом, перевод теряет связь как с русскоязычным колоритом, так и с англоязычными идиоматическими шаблонами, оставаясь метафорой, чуждой обеим традициям. Данный перевод, классифицирован как дивергентный, так как искажает и семантику и обнаруживает утрату локального колорита.

3. «*Do well*» (Дж. Курнос). Дж. Курнос использует лексический перевод «*do well*», который не передает смысл оригинального выражения, так как чаще используется в значении «преуспевать», «чувствовать себя хорошо», что является фактически смысловой ошибкой. Особенно показательным, что, по данным корпуса современного английского языка (СОСА), в 92 % случаев «*do well*» употребляется в значении личного успеха. На стилистическом уровне клише также лишено морально-этической коннотации альтруистического поступка и воспринимается как нейтральное высказывание о личных достижениях. Как отмечает Н.О. Лосский, «в русской этической традиции доброе дело принципиально неэгоистично» [Лосский, 1991, с. 156]. По словам Ю.М. Лотмана, фразеологизм «доброе дело делать» несет в себе особую поэтику народной речи, полностью утрачиваемую в нейтральном «*do well*»

[Лотман, 2000, с. 78]. Отсутствие фольклорных отсылок и смысловой глубины делает фразу стилистически нейтральной, но семантически обеднённой. Перевод Курноса оценивается как дивергентный (3/15).

4–5. «*Do the right thing*» (К. Гарнетт, О. Горчаков). Переводчики используют аналог «do the right thing», чаще относящегося к контексту морального выбора в сложной ситуации – «поступать правильно», что также лишено коннотации конкретики в оппозиции лексеме «дело» в пользу абстрактности понятия. В аспекте передаче локального (фольклорного) колорита фраза «*doing the right thing*» ближе к официально-деловому, чем к фольклорному жанру образно-художественного стиля. Тем не менее, общая направленность на корректную передачу этического значения и функции данного высказывания позволяет считать эти варианты условно конвергентными, несмотря на потерю фольклорной специфики. Переводы Гарнетт и Горчакова оцениваются как условно конвергентные (10/15).

Таблица 39. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
И. Хэпгуд	1	1	0	2	Дивергентность
Б. Бэскервилл	2	2	1	5	Дивергентность
Дж. Курнос	1	1	1	3	Дивергентность
К. Гарнетт	4	3	3	10	Условная конвергентность
О. Горчаков	4	3	3	10	Условная конвергентность

Все переводы выполнены и с использованием доместикации, что выражается в адаптации к англоязычным идиоматическим шаблонам. Наиболее сбалансированными оказались переводы Горчакова и Гарнетт

(«*doing the right thing*»), сохранившие этическую коннотативную направленность, но утратившие фольклорную образность. Переводы Бэскервилл, Курноса и Хэпгуд демонстрируют критическое несоответствие культурному коду и семантике оригинала. Согласно заданным критериям, наиболее удачный эквивалент выражению «делать доброе дело» является «*to do a good deed*», так как отличается корректным значением, краткой ёмкой формулировкой, совпадающей с оригиналом по количеству и качеству входящих в состав выражения элементов (глагол, прилагательное, существительное). Кроме того, прослеживается соответствие на уровне аллитерации и ассонанса (звуки [d], [u]), обеспечивающие фразе поэтическую фольклорность звучания. Ключевая лексема «*deed*» (дело, поступок) образована от глагола «*do*», что обеспечивает английской идиоме тавтологичность звучания, аналогичную исходной единице оригинала.

3.1.2. Анализ французских переводов фразеологизма «доброе дело делать»

Проанализируем передачу фразеологизма «доброе дело делать» в пяти французских транслятах с точки зрения адекватности, эквивалентности и соответствия хронотопу.

Согласно таблице 38, все французские переводчики пользуются лексическим и контекстуальным способом перевода: 1) *une bonne resolution*, 2) *savoir mieux faire*, 3) *approuver*, 4) *faire fort bien*, 5) опущение. Данные итоговой таблицы 39 демонстрируют дивергентность всех переводов по заданным в отношении клишированных единиц критериям.

1. «*Faire fort bien*» (Л. Виардо). Л. Виардо использует сочетание «*faire fort bien*» в значении «делать очень хорошо». В данном случае смысл высказывания искажается, так как передает коннотацию не доброго деяния, а качественно сделанной работы. Искажена и синтаксическая структура:

предикатив в сочетании с наречиями «fort bien» переводится буквально «сильно, очень хорошо» и во французском языке используется как наречие, а не часть устойчивого выражения с «faire». Однако переводчик постарался воспроизвести аллитерацию исходной фразы с помощью консонант [f], [r].

2. И. де Витте применяет контекстуальный или нулевой перевод, когда ни один из компонентов фразеологической единицы не получает своего отражения в переводе.

3. «*Savoir mieux faire*» (Ж. Приэль). Лексическая замена «*savoir mieux faire*» в значении «знать, как делать лучше» в семантическом аспекте не связано с идеей «доброе дело» и не передает народный колорит фразеологизма. Грамматическая структура перевода, где лексические компоненты не совпадают по смыслу, смещает акцент с объекта на способность.

4. «*Approuver*» (С. Татарула). Переводчик заменяет фразеологизм на глагол «*approuver*» (одобрять), что передает положительную оценку, но при этом изымает из контекста часть заложенного автором колорита.

5. «*Une bonne resolution*» (М. Окутюрье). Перевод М. Окутюрье использует нейтральное выражение «*une bonne resolution*» в значении «доброе намерение», пользуясь лексической заменой. Ввиду отсутствия в конструкции глагола данный вариант не подразумевает конкретное действие (дело делать), а скорее план на будущее.

Таблица 40. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
Л. Виардо	2	2	1	5	Дивергентность
Ж. Приэль	1	1	1	3	Дивергентность
И. де Витте	0	0	0	0	Дивергентность
С. Татарула	1	0	0	1	Дивергентность
М. Окутюрье	2	2	1	5	Дивергентность

Анализ французских переводов выявил их ориентацию на стратегию доместикации, что привело к полной дивергентности, обусловленной искажениями на семантическом, грамматическом и культурном (хронотопическом) уровнях. Основные проблемы заключаются в замене конкретного действия абстрактным намерением, выраженным, например, через фразу «*une bonne résolution*», или оценочными категориями, такими как «*approuver*». Кроме того, наблюдается смещение фокуса с этической составляющей оригинала в сторону прагматических аспектов: акцент на эффективности («*faire fort bien*») или компетенции («*savoir mieux faire*»), что противоречит исходной морально-альтруистической коннотации. Существенным недостатком является также игнорирование культурных маркеров, включая коннотации коллективизма и фольклорную интонацию, которые играют ключевую роль в передаче национального колорита русской традиции. Выявленные искажения не только нарушают семантическую целостность оригинала, но и лишают перевод связи с культурно-историческим контекстом, что снижает его адекватность и эквивалентность.

Согласно полученным данным, очевидно, что ни один из переводчиков не воспользовался существующими нейтральными фразеологическими эквивалентами или аналогами «*faire une bonne action*», «*faire le bien*», полностью отражающими значение и структуру выражения «делать доброе дело».

3.1.3. Анализ английских переводов фразеологизма «пошло дело на мечи да на копья»

Выражение «пошло дело на мечи да на копья» представляет собой фразеологическую единицу, близкую по своему значению и структуре к поговорке. В функциональном значении данного выражения заложено указание на резкое обострение конфликта и переход к бою с использованием холодного оружия. «*И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и*

сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья» [Гоголь, 1937, с. 41].

На лексическом уровне слово «дело» представляет собой метонимическую замену, где абстрактное понятие замещает конкретное событие (война, битва). Подобное замещение типично для фольклорных текстов, где конфликт обретает вневременной масштаб (дело ратное). В рамках стилистического анализа использования устаревшего союза «да» вместо союза «и» усиливает фольклорный колорит, создавая временную дистанцию между современным читателем и историческим событием [Манн, 1988, с. 67]. Данный прием характерен для гоголевской манеры стилизации под народные сказания [Виноградов, 1963, с. 89]. Фраза построена на чередовании согласных [п], [д], [м], [к] («*пошло дело на мечи да на копья*»), имитирующем звуковой ряд битвы (удары, лязг оружия).

Проанализируем передачу данного фразеологизма в пяти английских транслитах с точки зрения адекватности, эквивалентности и соответствия хронотопу.

Согласно табл. 38, все английские переводчики пользуются лексическим переводом, описанием или способом фразеологического аналога: 1) *it came to swords and spears at once*, 2) *it was matter of sword and pike*, 3) *it came to swords and spears at once*, 4) *the fighting was with swords and lances*, 5) *spears and sabres came at once into play*. Результаты оценки степени конвергентности / дивергентности отражены в табл. 41.

1. «*It came to swords and spears at once*» (И. Хэпгуд). Лексический перевод И. Хэпгуд демонстрирует максимальное соответствие оригиналу в рамках стратегии форенизации. Семантическая структура фразы сохранена за счет глагола «*came to*», передающего динамику эскалации конфликта, и наречия «*at once*», акцентирующего внезапность перехода к физическому противостоянию. Функциональная нагрузка фразеологизма, заключающаяся в маркировке кульминации конфликта, реализована в полной мере. Лексические компоненты «*swords*» (мечи) и «*spears*» (копья) эквивалентны оригиналу, а

грамматическая структура (множественное число, порядок слов) тождественна исходному тексту.

Хронотопическая аутентичность обеспечивается использованием терминов, релевантных для казацкого вооружения XVII–XVIII веков. Копья («*spears*») были основным оружием пехоты, тогда как мечи («*swords*»), хотя и менее распространенные, присутствовали в арсенале. Стиль перевода нейтрально-литературный, что соответствует эпической стилистике Гоголя, избегая архаизмов или модернизации. Таким образом, перевод Хэпгуд достигает полной конвергентности (15/15), не допуская компромиссов в передаче смысла, формы или культурного контекста.

2. «*It was matter of sword and pike*» (Б. Бэскервилл). В отличие от предыдущего примера, перевод Б. Бэскервилла содержит значительные отклонения от оригинала ввиду тенденции к доместикации. Конструкция «*it was matter of*» редуцирует динамику эскалации до статичной констатации факта, что нивелирует функцию фразы как маркера внезапного перехода к конфликту. Лексические замены демонстрируют грубые нарушения эквивалентности: использование единственного числа («*sword*» вместо «*мечи*») искажает множественность участников противостояния, а термин «*pike*» (пика) вводит анахронизм, чуждый казацкому контексту.

Пика, ассоциирующаяся с европейской пехотой XVI–XVII веков, не соответствует универсальным копьям («*spears*»), которые использовались казаками. Стиль перевода архаизирован, что нарушает жанровую целостность текста Гоголя, сочетающего историческую достоверность с художественной экспрессией. Низкие оценки по всем критериям позволяют классифицировать данный перевод как дивергентный (5/15), демонстрирующий полный разрыв с оригиналом.

3. «*It came to swords and spears at once*» (Дж. Курнос). Перевод Дж. Курнос структурно и лексически идентичен работе Хэпгуд, что обеспечивает аналогичный результат. Глагол «*came to*» и наречие «*at once*» сохраняют динамику и внезапность, критичные для семантики оригинала. Лексические

компоненты («*swords and spears*») и грамматическая структура полностью соответствуют оригиналу, а хронотопическая аутентичность подтверждается исторической релевантностью терминов.

Данный пример подтверждает, что буквальный подход, основанный на глубоком понимании культурного контекста, способен обеспечить полную конвергентность (15/15). Перевод Курноса служит иллюстрацией того, как точное воспроизведение формы и содержания позволяет сохранить художественную целостность оригинала без стилистических компромиссов. Переводчик следует исходному тексту, избегая интерпретаций, что характерно для форенизации.

4. «*The fighting was with swords and lances*» (К. Гарнетт). К. Гарнетт заменяет исторические реалии на знакомые англоязычной аудитории, смягчая «чужеродность» текста. Конструкция «*the fighting was with*» заменяет динамику эскалации на статичное описание состояния, что снижает драматизм фразы и нарушает её функцию. Лексическая замена «копья» → «*lances*» (кавалерийские копья) сужает семантику, вводя термин, ассоциирующийся с европейской рыцарской традицией, что противоречит казацкому хронотопу.

Несмотря на грамматическую корректность, стиль перевода приобретает формальный оттенок, приближаясь к историческому отчёту, а не к художественному повествованию. Выявленные погрешности, хотя и не полностью искажающие смысл, приводят к частичной конвергентности (8/15). Пример подчеркивает важность передачи динамики и учета культурной специфики при работе с фразеологизмами.

5. «*Spears and sabres came at once into play*» (О. Горчаков). Перевод О. Горчакова представляет собой умеренную адаптацию (доместикацию) фразеологической единицы первоисточника. Замена «мечи» → «*sabres*» (сабли) исторически обоснована, учитывая, что сабли были основным оружием казаков. Глагол «*came into play*» смягчает экспрессивную резкость оригинала («*пошло дело*»), но сохраняет идею включения оружия в конфликт, а наречие «*at once*» подчеркивает внезапность.

Стиль перевода остается литературным, лишён архаизмов, а хронотопическая аутентичность усилена использованием термина «*sabres*». Несмотря на незначительное отклонение от буквальной точности, перевод достигает высокой конвергентности (13/15), демонстрируя, что гибкость в адаптации компонентов допустима, если она не нарушает культурно-исторической достоверности.

Таблица 41. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности / дивергентность
(И. Хэпгуд)	5	5	5	15	Полная
(Б. Бэскервилл)	1	1	1	3	Дивергентность
(Дж. Курнос)	5	5	5	15	Полная
(К. Гарнетт)	3	3	2	8	Частичная
(О. Горчаков)	4	4	5	13	Высокая

Проведенный анализ подтверждает, что успешный перевод фразеологизмов требует баланса между семантической точностью, грамматической эквивалентностью и культурно-исторической аутентичностью. Полная конвергентность, как в работах Хэпгуд и Курноса, достигается в рамках стратегии форенизации при строгом соблюдении данных критериев, включая сохранение динамики действия и хронотопических особенностей оригинала. Напротив, дивергентность, ярко выраженная в варианте Бэскервилл, возникает вследствие системных ошибок в передаче как формы, так и содержания, что приводит к смысловым и стилистическим искажениям. Таким образом, успешность перевода напрямую зависит от соблюдения комплексного подхода, где игнорирование любого из критериев неизбежно влечёт снижение качества и потерю связи с исходным культурным контекстом.

3.1.4. Анализ французских переводов фразеологизма «пошло дело на мечи да на копья»

Проанализируем передачу данного фразеологизма в пяти французских транслятах с точки зрения адекватности, эквивалентности и соответствия хронотопу.

Как показано на табл. 42, все французские переводчики пользуются лексическим переводом, описанием или способом фразеологического аналога: 1) *les balles pleuvaient épaisses*, 2) *on en vint aussitot aux coups de sabre et de lance*, 3) *le combat se regla a la lance et au sabre*, 4) 2) *it was matter of sword and pike*, 3) *it came to swords and spears at once*, 4) *on combatti aussitot au sabre et a la lance*, 5) *on en vint aussitot aux coups de sabre et de lance*.

1. «... *que les balles pleuvaient épaisses...*» (Л. Виардо). Данный пример демонстрирует радикальное отклонение от оригинала в рамках доместикации. Вместо перехода к холодному оружию, акцент смещён на огнестрельное («*balles*» – пули), что искажает семантику фразы. Динамика эскалации, выраженная в оригинале глаголом «*пошло дело*», полностью утрачена. Лексические компоненты «*мечи*» и «*копья*» отсутствуют, а грамматическая структура не соответствует оригинальной. Хронотопическая аутентичность нарушена: упоминание пуль анахронично для казацких столкновений, где доминировало холодное оружие. Таким образом, перевод Виардо получает низкие оценки по всем критериям (адекватность – 1, эквивалентность – 1, хронотоп – 1) и классифицируется как дивергентный (3/15).

2. «...*on en vint de suite aux sabres et aux lances*» (И. де Витте). В данном примере преобладает тенденция к форенизации, где переводчик демонстрирует приверженность к культурной специфике оригинала. Конструкция «*on en vint de suite à*» точно передаёт динамику эскалации, а наречие «*de suite*» (немедленно) сохраняет внезапность разворачивающегося действия. Замена «*мечи*» на «*sabres*» (сабли) исторически оправдана, учитывая, что сабли были основным оружием казаков. Термин «*lances*»

(копья) эквивалентен оригиналу, а множественное число существительных подчёркивает масштаб конфликта. Хронотопическая аутентичность соблюдена: оба типа оружия соответствуют казацкой культуре. Незначительное отклонение от буквальной точности («*sabres*» вместо «*épées*») не снижает общей оценки, что позволяет отнести перевод к категории высокой конвергентности (14/15).

3. «*Le combat se régla à la lance et au sabre*» (Ж. Приэль). В данном случае переводчик использует глагол «*se régla*» (уладился), который подразумевает завершение конфликта, а не его эскалацию. Единственное число существительных («*la lance*», «*au sabre*») создаёт ложное впечатление дуэли, а не массового боя, что искажает масштаб события. Хотя термины «*sabre*» и «*lance*» аутентичны для казацкого контекста, их использование в единственном числе снижает историческую достоверность. Перевод демонстрирует частичную конвергентность (8/15), так как существенные искажения функции и грамматики не компенсируются сохранением отдельных элементов. Искажение семантических, грамматических и стилистических особенностей оригинала свидетельствует о локальной стратегии доместикации.

4. «*On combattit aussitôt au sabre et à la lance et dans la mêlée générale*» (С. Татарула). Перевод С. Татарулы сохраняет коннотацию внезапности («*aussitôt*») и демонстрирует сохранение локального колорита передачей адекватного оригиналу исторического реалионима, обозначающего оружие («*sabre, lance*»). Однако добавление «*mêlée générale*» (общая схватка) расширяет смысл, отсутствующий в оригинале, что снижает семантическую точность. Употребление лексем в единственном, а не во множественном числе в соответствии оригиналу («*à la lance*») также ослабляет передачу масштаба конфликта. Несмотря на зафиксированные погрешности, перевод остаётся в рамках высокой конвергентности (12/15), так как ключевые элементы с тенденцией к форенизации (семантика, хронотоп) сохранены, а отклонения не нарушают общей целостности.

5. «*On en vint aussitôt aux coups de sabre et de lance*» (М. Окутюрье). В данном примере конструкция «*on en vint aux coups de*» (дошло до ударов) передаёт эскалацию, но акцент на «*coups*» (удары) сужает смысл до отдельных действий, а не общего перехода к бою. Единственное число («*de lance*») также снижает точность, хотя термины «*sabre*» и «*lance*» исторически аутентичны. Перевод, тяготеющий к стратегии форенизации, демонстрирует высокую конвергентность (13/15), так как незначительные стилистические нюансы компенсируются сохранением хронотопа и семантической близости.

Таблица 42. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
Л. Виардо	1	1	1	3	Дивергентность
Ж. Приэль	5	4	5	14	Высокая конвергентность
И. де Витте	2	3	3	8	Частичная конвергентность
С. Татарула	4	4	4	12	Высокая конвергентность
М. Окутюрье	4	4	5	13	Полная конвергентность

Проведенное исследование подтверждает, что эффективный перевод фразеологизмов зависит от равновесия между буквальной точностью и культурной адаптацией. Основные трудности связаны с передачей динамики эскалации конфликта и его масштаба, что требует тщательного подбора глаголов и внимания к числу существительных. Например, использование конструкций, обозначающих резкий переход к действию, таких как «*en venir à*», а также множественного числа для отражения массовости боевых действий, способствует сохранению исходной напряженности. Исторические

замены, например, замена «мечей» на «сабли», допустимы при условии сохранения семантического ядра фразы, однако статичные описания и использование единственного числа снижают аутентичность, нарушая связь с оригинальным контекстом.

Ярким примером успешного перевода стал вариант И. де Витте («*on en vint de suite aux sabres et aux lances*»), где сочетаются точность лексики, динамичность повествования и культурная аутентичность. В противоположность этому, перевод Л. Виардо, заменивший холодное оружие огнестрельным, оказался полностью дивергентным, что подчеркивает важность учета хронотопа и историко-культурных реалий.

3.2. Архаические фразеологизмы с лексемой «дух», «душа»

В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» понятия «дух» и «душа» выполняют важную смысловую и символическую функцию, отражая как философско-религиозные воззрения автора, так и ключевые конфликты произведения. В исследуемом тексте слово «дух» как самостоятельно, так и в составе фразеологических единиц встречается 18 раз, а «душа» – 27 раз: данная количественная разница коррелирует с семантической нагрузкой данных понятий. «Дух» у Гоголя чаще ассоциируется с коллективным началом, воинской доблестью и религиозной символикой. Например, в эпизоде речи Тараса перед казаками: «*Нет уз святее товарищества! [...] Так любит душа всего себя... и не было бы свету, если бы не стоял он **духом!***» [Гоголь, 1937, с. 145]. В данном контексте «дух» становится метафорой единства казачества, его нравственного стержня, что соответствует интерпретациям Ю. Манна, отмечавшего, что «дух у Гоголя – это сила, сплывающая общность перед лицом исторических испытаний» [Манн, 2007, с. 89]. В другом эпизоде, описывающем казнь Остапа, герой обращается к отцу: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?» – и получает ответ: «Слышу!» – что трактуется

исследователями как проявление «духа рода», трансцендентной связи, преодолевающей смерть [Есаулов, 1995, с. 112].

В отличие от «духа», понятие «души» у Гоголя связано с индивидуализированными переживаниями, нравственным выбором и внутренним конфликтом. Например, в сцене предательства Андрия: «*А что мне отец, товарищи и отчизна? [...] Отчизна есть то, чего ищет душа наша*» (Гоголь, 1937, с. 98). Данный монолог, по замечанию И.А. Виноградова, демонстрирует «трагедию души, разрывающейся между страстью и долгом», где личное чувство противопоставлено коллективному идеалу [Виноградов, 1993, с. 74].

Таким образом, в «Тарасе Бульбе» понятия «дух» и «душа» структурируют идейное пространство повести, становясь инструментами для раскрытия главных тем: верности, предательства, жертвенности. Н. В. Гоголь мастерски использует их, чтобы показать, как личное и коллективное сталкиваются в условиях исторического перелома.

В табл. 43 представлено 10 клишированных единиц с ключевой лексемой «дух», «душа» и 100 вариантов их перевода в английских и французских транслитах.

Таблица 43. Передача клише с ключевой лексемой «дух», «душа» в английских переводах повести

Клише	В. С. Baskerville	J. Cournos	C. Garnett	О. А. Gorchakov	I. Napgood
Испустить дух	Gave up the ghost	Yield up one's soul	Give up one's soul	Expire	Yield up one's spirit
Собрались с духом	(Он)	Recover breathe	Recover breathe	Muster enough courage	Recover breathe
Духом (выпейте)	Drink it off at one draught	Quaff it heartily	Drink it off at one breathe	Swallow it at a draught	Quaff it heartily

Придать духу	Spur a man	Encourage	Encourage and embolden	Encourage and embolden him	Encourage, restore to him his spirit
(Не)переводя дух	(Он)	Without cessation	Unceasingly	With never an interval	Without cessation
Чтобы и духу их не было на свете	«Better they should perish, and their breath not hamper the earth»	«That they may die, so that their breath may not be longer in the world»	«...Leave no trace behind»	«May they perish and leave no trace on earth»	«May they perish and their breath be no longer in the world»
(Смеяться)от всей души	Laughing heartily	Laughing heartily	Laughing heartily	Laughing with all her heart	Laughing heartily

Таблица 44. Передача клише с ключевой лексемой «дух», «душа» во французских переводах повести

Клише	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Испустить дух	Expirer	Rendre l'esprit	Rendre l'esprit	Exhaler le dernier soupir	Rendre l'ame
Собрались с духом	Rassembler leurs esprits	(Он)	(Он)	Rassembler leur courage	(Он)
Духом (выпейте)	Buvez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait
Придать духу	Apporter du reconfort et courage	Relever son courage	Redonner du courage	Ranimer, rendre du courage	Redonner du courage

(Не)переводя дух	Sans interruption	Sans interruption	Sans interruption	Incessamment	(Он)
Чтобы и духу их не было на свете	Disparaître a jamais	«...qu'ils perissent plutot, et que rien ne reste d eux en ce monde»	«...qu'ils perissent, et que nulle trace demeure sur cette terre!»	«...qu'ils perissent et qui l ne reste rien d eux sur la terre»	«...qu'ils perisse et que leur mémoire disparaissent du monde!»
(Смеяться) от всей души	Rire de tout son coeur	Rire de tout son ame	Rire de bon coeur	Rire de tout son coeur	Rire de tout son coeur
Клише	M. Aucouturier	J. Priel	S. Tataroula	L. Viardo	H. de Witte
Испустить дух	Expirer	Rendre l'esprit	Rendre l'esprit	Exhaler le dernier soupir	Rendre l' ame
Собрались с духом	Rassembler leurs esprits	(Он)	(Он)	Rassembler leur courage	(Он)

Проанализируем следующую пару фразеологических единиц: 1) «придать духу»; 2) чтобы духу не было в английских и французских вариантах перевода.

Фразеологизм «придать духу», используемый Н.В. Гоголем в повести «Тарас Бульба», представляет собой сложный семантический комплекс, требующий при переводе учёта как лингвистических, так и культурно-исторических особенностей. Согласно «Большому толковому словарю русских глаголов», фразеологизм «придать духу» имеет следующие значения: 1) «ободрить, придать смелости»; «воодушевить, вдохновить» [Бабенко, 2007, с. 342], ср.: *«Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем»* [Гоголь, 1937, с. 109].

Как отмечает Ю.М. Лотман, в художественном мире Гоголя понятие «дух» реализуется в двух основных значениях: «как воинская доблесть запорожцев и как проявление православного религиозного сознания» [Лотман, 2000, с. 215]. Отмеченная двойственность создаёт существенные трудности при переводе на английский язык. Структурно выражение, имеющее модальную окраску побуждения, состоит из двух ключевых компонентов: глагола «придать» (лексическое ядро действия имплицитного субъекта) и существительного «духу» (объект воздействия). В данном исследовании проводится анализ 5 вариантов перевода этого выражения на английский язык с точки зрения их соответствия оригиналу по трём ключевым параметрам: адекватности, эквивалентности и хронотопу, где последний понимается как передача исторического и локального колорита, присущего произведению Гоголя.

3.2.1. Анализ английских переводов фразеологизма «придать духу»

1. «*Encourage, restore to him his spirit*» (И. Хэпгуд). Данный перевод демонстрирует определённые преимущества в плане семантической адекватности. Глагол «*encourage*» передаёт общее значение поддержки и ободрения, что подтверждается «Oxford Advanced Learner's Dictionary», где слово определяется как «*to give somebody support, courage or hope*» [Hornby, 2019, p. 482]. Однако вторая часть перевода «*restore to him his spirit*» (восстановить, обновить дух) представляет собой явную кальку с русского языка, что нарушает идиоматичность английской речи. Как отмечает М. Бейкер, подобные буквальные переводы часто приводят к «семантическим искажениям и потере культурных коннотаций» [Baker, 1993, p. 68]. С точки зрения эквивалентности данный перевод демонстрирует словарную избыточность в сравнении с оригиналом (два глагола вместо одного). В аспекте хронотопа, данный перевод не учитывает специфику исторического контекста повести Гоголя. По исследованиям Н.И. Костомарова, «дух» в

казацкой традиции Запорожской Сечи XVI–XVII веков понимался как «особое состояние воинского братства и религиозного единства» [Костомаров, 2010, с. 156], что не находит отражения в абстрактном английском «*spirit*». Таким образом, несмотря на частичное сохранение семантики, перевод теряет связь с конкретной исторической эпохой и локальным колоритом. Согласно данным таблицы 44, конвергентность данного перевода является условной (9/15). Стремление сохранить культурную специфику («*spirit*», фор.) сочетается с частичной адаптацией («*encourage*», дом.), но из-за буквализма перевод теряет исторический контекст. Данный пример демонстрирует смешанный подход с тенденцией к форенизации.

2. «*Spur a man*» (Б. Бэскервилл). Приведенный вариант в рамках стратегии доместикации акцентирует прежде всего физический аспект воздействия, что существенно сужает семантику оригинала. Как указывает «The Merriam-Webster Dictionary», глагол «*to spur*» в переносном значении означает «*to incite to action or accelerated growth or development*» (побудить к действию или ускоренному росту, развитию) [Merriam-Webster, 162, p. 1243], что соответствует лишь одному аспекту гоголевского фразеологизма. В контексте повести «придать духу» подразумевает не столько внешнее стимулирование, сколько внутреннее укрепление духа, основанное на традиционных ценностях казачества. По словам Д. С. Лихачёва, «казацкая этика строилась на особом понимании воинского духа как синтеза личной храбрости и коллективной солидарности» [Лихачев, 1967, с. 89], что полностью утрачивается в данном переводе. Ключевая лексема «дух» утрачена в данном варианте перевода и заменена на слово «*man*» (человек) при сохранении двухкомпонентного состава выражения, что является существенным искажением с точки зрения формальной эквивалентности. Ввиду редукции семантической составляющей, несоответствия словосочетания стилистике оригинала и категории хронотопа соблюдена частичная конвергентность первоисточнику (5/15).

3. «*To encourage*» (Дж. Курнос). Данный доместицированный перевод представляет собой наиболее лаконичное и стилистически нейтральное решение. Согласно «*Longman Dictionary of Contemporary English*», глагол «*to encourage*» действительно охватывает основные значения русского фразеологизма: «*to give someone confidence or hope*» [Longman]. С точки зрения адекватности, перевод достаточно точно передаёт основное значение фразеологизма, однако, по замечанию В.Н. Комиссарова, подобные нейтральные эквиваленты часто «не отражают эмоциональной насыщенности и культурной специфики оригинала» [Комиссаров, 1990, с. 178]. На уровне эквивалентности наблюдается радикальное упрощение структуры и отсутствие объектного компонента. В плане хронотопа перевод оказывается слишком универсальным, не передающим уникального колорита эпохи и среды, изображённых Н. В. Гоголем. Как показывает исследование А.М. Ранчина, «специфика гоголевского хронотопа требует сохранения исторического колорита, который невозможно передать общеупотребительными лексическими средствами» [Ранчин, 2013, с. 112]. Хотя перевод и является грамматически и стилистически корректным, его обобщённый характер не позволяет читателю полностью ощутить историческую атмосферу произведения. Ввиду обозначенных нюансов конвергентность данного перевода оценена нами как высокая, но не полная (10/15).

4–5. «*To encourage and embolden*» (К. Гарнетт, О. Горчаков). Данное решение успешно сочетает семантическую точность с сохранением эмоциональной интенсивности оригинала. Глагол «*to embolden*» (взбодрить, ободрять) особенно важен, так как он передаёт не просто ободрение, но придание смелости и решимости, что соответствует духу казачьей вольницы. Структурно перевод состоит из двух глаголов, где отсутствие объекта компенсировано за счет семантики данных лексических единиц. С точки зрения хронотопа, данный вариант хотя и не воспроизводит полностью исторический колорит оригинала, но, по крайней мере, не противоречит ему, создавая у читателя правильное представление о характере описываемых

событий и поведения персонажей. Таким образом, переводчиками достигнута высокая конвергентность тексту оригинала в рамках комбинированного подхода с уклоном в доместикацию (12/15).

Исследование переводческих решений, направленных на передачу лексемы «дух» во фразеологической единице «придать духу» выявляет преобладание стратегии доместикации, что обусловлено стремлением адаптировать текст к нормам восприятия англоязычной аудитории. Замена ключевого концепта обобщёнными глаголами («*spur*», «*encourage*») упрощает семантику, нивелируя культурно-историческую уникальность оригинала. Данная особенность подтверждается Л. Венути, указывающим, что доместикация часто становится инструментом «сглаживания» культурного дисбаланса, однако ценой утраты аутентичности [Venuti, 1995, p. 67].

Таблица 45. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
И. Хэпгуд	4	3	2	9	Условная конвергентность
Б. Бэскервилл	3	1	1	5	Частичная
Дж. Курнос	5	2	3	10	Высокая
К. Гарнетт	5	3	4	12	Высокая
О. Горчаков	5	3	4	12	Высокая

Форенизация, напротив, проявляется фрагментарно, как в случае с калькированием у И. Хэпгуд («*restore to him his spirit*»), но её эффективность ограничивается буквализмом, нарушающим идиоматичность целевого языка. Подобные попытки, хотя и сохраняют формальную близость к оригиналу, однако создают семантические искажения.

3.2.2. Анализ французских переводов фразеологизма «придать духу»

1. «*Ranimer, rendre du courage*» (Л. Виардо). Данный перевод (табл. 44) представляет интерес с точки зрения исторической рецепции Н. В. Гоголя во Франции. Глагол «*ranimer*» (оживить), как указано в «*Dictionnaire de la langue française*» Э. Литтре, во второй половине XIX века имел преимущественно медицинскую коннотацию [Littré, 1884, p. 342], что существенно смягчает воинственный пафос оригинала. Вторая часть перевода («*rendre du courage*») представляет собой буквальную кальку, которая, по замечанию Ш. Балли, характерна для переводческой стратегии XIX века, направленной на «адаптацию иностранного текста к нормам принимающей культуры» [Bally, 1951, p. 156]. Структурно перевод демонстрирует избыточность за счет использования двух глаголов, что приводит к нарушению пропорциональности между ядерными и периферийными элементами фразеологизма. Как отмечает Ж. Дюбуа, подобное «нагромождение глаголов» характерно для переводческой стратегии XIX века, стремившейся к максимальной полноте передачи» [Dubois, 1966 p.321]. С точки зрения хронологического соответствия, по исследованиям Ж. ле Гоффа, понятие «*courage*» тесно связано с французской традицией рыцарства [Le Goff, 2008, p. 78]. Таким образом, как указывает М. П. Алексеев, «казачья доблесть в переводе Виардо приобретает черты рыцарского мужества, чуждые оригиналу» [Алексеев, 1982, с. 78]. В результате перевод классифицируется нами как условно конвергентный (9/15).

2. «*Redonner du courage*» (И. де Витте). В рамках семантического анализа префикс «*re-*» придаёт действию избыточную возвратность, отсутствующую в русском оригинале. Данное наблюдение подтверждается анализом контекстов употребления фразеологизма у Гоголя: в эпизоде, где Тарас Бульба «придаёт духу» казакам перед битвой, отсутствует идея восстановления утраченной храбрости, что делает перевод де Витте семантически неточным. Грамматически и лексически перевод демонстрирует

умеренное нарушение, однако хромотопически не соответствует тексту оригинала ввиду специфики употребления значения слова «courage» в аспекте не казачьей, а рыцарской доблести. Итоговая оценка отражает частичную конвергентность (8/15).

3. «*Relever son courage*» (Ж. Приэль). Наиболее удачным с точки зрения передачи воинского компонента представляется вариант Ж. Приэля «*relever son courage*». Как свидетельствует «*Dictionnaire militaire*», глагол «*relever*» в военном контексте означает именно «поднять боевой дух войск» [Dupon, 2011, p. 389]. Аналогичное употребление встречается в переписке Наполеона, где император приказывает маршалам «*relever le courage des troupes*» [Markham, 2008, p. 134]. Данная историческая параллель создаёт неожиданный эффект: казаки Гоголя невольно приобретают черты французской армии, что, по замечанию А.М. Ранчина, является примером «неизбежной культурной трансформации при межъязыковом переносе» [Ранчин, 1997, с. 112]. Тем не менее, данный перевод наиболее точно передаёт динамику гоголевского фразеологизма, отражая высокую степень конвергентности (11/15).

4. «*Redonner du courage*» (С. Татарула). Вариант С. Татарулы «*redonner du courage*» структурно совпадает как с текстом оригинала, так и с переводом И. де Витте, но отличается коннотациями употребления. Как свидетельствует «*Dictionnaire des mots de la guerre et de la paix*» [Ramel et al., 2017, p. 896] глагол «*redonner*» приобретает коннотацию восстановления утраченных моральных сил в послевоенное время, в частности, в отношении реабилитации участников движения Сопротивления и бывших узников концлагерей, что привносит совершенно чуждый гоголевскому тексту психологический подтекст. Понятие «*courage*» также подверглось модуляции и, по данным французской прессы 1945 – 1950 годов, слово стало употребляться в значении гражданской стойкости, полностью утратив связь с воинской доблестью. Таким образом, в плане значения перевод частично конвергентен (8/12).

5. «*Apporter du reconfort et courage*» (М. Окутюрье). Наиболее спорным представляется перевод М. Окутюрье «*apporter du reconfort et courage*», где

вводится совершенно чуждый оригиналу психологический подтекст. Как указано в «Dictionnaire de psychologie» Р. Дорона, существительное «*réconfort*» в современном французском языке ассоциируется прежде всего с «психологической поддержкой в трудной ситуации» [Doron, 1991, p. 456], что полностью противоречит духу гоголевской повести. По замечанию Т. А. Алексейцевой, подобные переводческие решения являются примером «гиперкоррекции, когда стремление адаптировать текст к современным реалиям приводит к его смысловому искажению» [Алексейцева, 2009, с. 89]. На уровне эквивалентности перевод лексически избыточен, состоящий из пяти синтаксических компонентов вместо двух, и по всем критериям дивергентен оригиналу.

Таблица 46. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
Л. Виардо	3	4	2	9	Условная
И. де Витте	4	3	1	8	Частичная
Ж. Приэль	4	5	3	12	Высокая
С. Татарула	4	3	1	8	Частичная
М. Окутюрье	2	1	0	3	Дивергентность

Доместикация преобладает во всех франкоязычных примерах. Переводчики адаптируют выражение через культурные замены (связь с рыцарством, наполеоновской армией) и альтернативными семантическими коннотациями с акцентом на индивидуальное мужество и поддержку в психологическом аспекте. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о труднодостижимости полной конвергентности культурно-специфических фразеологизмов [Nida, 1967, p. 167]. Наиболее успешные переводы (как вариант Ж. Приэля) достигают относительной адекватности за счёт обращения

к историческим аналогам в принимающей культуре. Современные переводческие стратегии, ориентированные на упрощение и актуализацию, часто приводят к существенным смысловым потерям.

Как отмечает Б. М. Гаспаров, «хронотопические особенности литературного произведения создают «зону непереводаемости», которая может быть лишь частично преодолена с помощью системы компенсаторных приёмов» [Гаспаров, 1996, с. 215]. В случае с фразеологизмом «придать духу» таким приёмом могло бы стать сочетание точного перевода («relever l'esprit guerrier») с развёрнутым комментарием, раскрывающим специфику казачьей ментальности. Однако, как показывает практика, даже этот подход не гарантирует полного понимания французским читателем всего семантического объёма гоголевского текста.

3.2.3. Анализ английских переводов фразеологизма «чтобы и духу не было на свете»

Фразеологизм «чтобы и духу не было» представляет собой значительную трудность для перевода в силу своей культурной специфики и многомерной семантики. Как отмечает В.В. Виноградов в работе «О языке художественной литературы», данный оборот в русской традиции сочетает в себе «физическое уничтожение с полным исчезновением самой памяти об объекте» [Виноградов, 1978, с. 156]. Данная двойственность создает серьезные проблемы при переводе на английский язык, где, согласно Oxford Dictionary of English Idioms, отсутствует прямое соответствие, охватывающее оба аспекта значения [Cowie, 1993, p. 342]. Структура выражения «чтобы и духу не было на свете» строго соответствует нормам русского синтаксиса и грамматики, но содержит стилистические маркеры (архаичность, инверсия), которые усиливают его экспрессивность. «*Моли бога, чтобы они воевали храбро, [...], чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете!*» [Гоголь, 1937, с. 52].

1. «...and their breath be no longer in the world» (И. Хэпгуд). Данный перевод представляет собой буквальную кальку русского выражения. Применение указанного способа характерно для викторианской эпохи, когда переводчики стремились к «максимально точному воспроизведению исходного текста» [Smith, 2010, p. 78]. Однако, согласно исследованиям М. Бейкера, слово «*breath*» в английском языке не передает морального значения русскоязычного понятия «дух», ограничиваясь лишь физиологическим аспектом [Baker, 2011, p. 112]. Таким образом, несмотря на структурную эквивалентность, локальный колорит остается нераскрытым, что снижает оценку хронотопа и делает перевод частично конвергентным (7/15).

2. «...and their breath not hamper the earth» (Б. Бэскервилл). Вариант Б. Бэскервилл демонстрирует попытку передать идею освобождения пространства. Как отмечает П. Ньюмарк, глагол «*to hamper*» в начале XX века имел ярко выраженную негативную коннотацию, означая «создавать препятствия» [Newmark, 1988, p. 89]. Однако, по данным Oxford English Dictionary, данное слово традиционно применялось к материальным объектам, а не к метафизическим понятиям [Oxford]. В результате перевод приобретает не свойственный оригиналу прагматический оттенок, превращая возвышенную угрозу в бытовое предупреждение. Стилистически такой подход диссонирует с архаичным и эмоционально напряжённым тоном оригинала. Культурно-исторический подтекст в контексте доместицированного подхода полностью утрачен и перевод отличается дивергентностью оригиналу (3/15).

3. «...so that their breath may not be longer in the world» (Дж. Курнос»). Перевод Дж. Курноса «so that their breath may not be longer in the world» (1927 г.) представляет собой компромиссный вариант, совмещающий форенизацию и доместикацию. Как отмечает К. Райс в «*Translating as a Purposeful Activity*», модальный глагол «*may*» придает высказыванию оттенок пожелания, что соответствует русской традиции использования сослагательного наклонения в подобных контекстах [Nord, 2014, p. 134]. Однако, согласно исследованиям

И.А. Кашкина, такой подход смягчает категоричность оригинала, где «чтобы и духу не было» выражает не пожелание, а категорическое требование [Кашкин, 1977 с. 56]. Ввиду утраты стилистических нюансов данный перевод рассматривается как условно конвергентный (9/15).

4. «*Leave no trace behind*» (К. Гарнетт). Вариант К. Гарнетт представляет собой радикальный отход от оригинала с уклоном в доместикацию. Как указывает Л. Венути, данная стратегия была характерна для середины XX века, когда переводчики стремились к «максимальной естественности выражения в принимающей культуре» [Venuti, 1995, p. 67]. Однако, по данным «Cambridge Dictionary of Idioms», фраза «*leave no trace*» в английском языке ассоциируется прежде всего с экологическими действиями, а не с физическим уничтожением [Walter, 2006, p. 154], что создает совершенно неверный контекст для понимания гоголевского текста (2/15).

5. «*...and leave no trace on earth*» (О. Горчаков). В данном примере, демонстрирующему доместикацию, наблюдаем пространственную метафору «*on earth*», материализующую абстрактное понятие «свет». Данный способ перевода приводит к смысловому искажению: вместо метафизического исчезновения акцент смещается на физическое отсутствие следов. Как отмечает Ю.Д. Левин, подобные добавления являются примером «гиперкоррекции, когда стремление к ясности приводит к смысловым ошибкам» [Левин, 1985, с. 178]. Национальный колорит передаётся частично ввиду замены ключевой лексемы «дух» на слово «*trace*» (след), что подчеркивает частичную конвергентность тексту первоисточника (6/14).

Таблица 47. Оценка конвергентности фразеологических единиц(в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
И. Хэпгуд	2	3	2	7	Частичная

Б. Бэскервилл	1	2	0	3	Дивергентность
Дж. Курнос	3	4	2	9	Условная
К. Гарнетт	1	1	0	2	Дивергентность
О. Горчаков	2	2	2	6	Частичная

В представленных примерах доместикация доминирует. Большинство переводчиков (Бэскервилл, Гарнетт, Горчаков) адаптируют выражение, заменяя «дух» на материальные или прагматические понятия («*hamper*», «*trace*»), чтобы сделать текст понятным для англоязычной аудитории. Проведенный анализ позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, как указывает А.Д. Швейцер, полная конвергентность при переводе подобных фразеологизмов принципиально недостижима [Швейцер, с. 215]. Во-вторых, наиболее успешные переводы (как вариант Курноса) достигают относительной адекватности за счет сохранения семантической структуры оригинала. В-третьих, современные переводческие стратегии, ориентированные на упрощение, часто приводят к существенным смысловым потерям.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «культурно-специфические фразеологизмы создают зону непереводимости, которая может быть лишь частично преодолена с помощью системы компенсаторных приемов» [Тер-Минасова, 2008, с. 112]. В случае с выражением «чтобы и духу не было» таким приемом могло бы стать сочетание буквального перевода с развернутым комментарием, раскрывающим его культурную специфику. Однако, как показывает практика, аналогичный подход не гарантирует полного понимания английским читателем всего семантического объема гоголевского текста.

3.2.4. Анализ французских переводов фразеологизма «чтобы и духу не было на свете»

Фразеологизм «чтобы и духу не было» представляет собой значительную переводческую проблему в силу своей культурной специфики и многомерной семантики. Как отмечает В.В. Виноградов в фундаментальном труде «О языке художественной литературы», данный оборот в русской традиции сочетает в себе идею физического уничтожения с полным метафизическим исчезновением, создавая сложный семиотический комплекс [Виноградов, 1959, с. 156]. Отмеченная двойственность создает серьезные трудности при переводе на французский язык, где, согласно «Dictionnaire culturel de la langue française» А. Рея, отсутствует прямое соответствие, охватывающее оба аспекта значения [Rey, 2010, p. 891].

1. «*Et qui'il ne reste rien d'eux sur la terre*» (Л. Виардо). Перевод Луи Виардо 1885 года «*et qui'il ne reste rien d'eux sur la terre*» представляет исторический интерес как первый опыт передачи данного фразеологизма на французский язык. В работе «*Histoire de la traduction en France*» А. Ван Хоф отмечает, что Виардо придерживался стратегии буквального перевода, характерной для викторианской эпохи [Hoof, 1999, p. 78]. На уровне структурной эквивалентности предлог «*sur*» в сочетании с «*terre*» сужает пространственный контекст до физического плана, утрачивая метафизическое измерение оригинала. Отмеченная особенность подтверждается анализом контекстов употребления данной конструкции во французской литературе XIX века, где она никогда не использовалась для передачи полного исчезновения в русском понимании. Структурная близость к оригиналу («чтобы ничего не осталось») сохраняет идею физического уничтожения, но выражение «*sur la terre*» («на земле») сводит семантику к материальному плану, игнорируя метафизическое понятие «духа». Утрата сакрального подтекста, связанного с православным пониманием «духа» как бессмертной сущности, снижает культурную аутентичность (7/15).

2. «*Et que leur mémoire disparaissent*» (И. де Витте). Вариант И. де Витте демонстрирует существенный понятийный сдвиг. Согласно «*Trésor de la langue française*», в середине XX века слово «*mémoire*» приобрело новые коннотации, связанные с исторической памятью [Trésor], что создает дополнительный смысловой пласт, отсутствующий в оригинале. В результате перевод де Витте, сохраняя общую идею исчезновения, радикально меняет концептуальную основу высказывания. С точки зрения грамматической структуры категоричность требования заменена абстрактным пожеланием, а стилистический регистр («*disparaissent*») диссонирует с архаичным пафосом Н. В. Гоголя. Перевод де Витте получает оценку частичной конвергентности (6/15).

3. «*Et que rien ne reste d'eux en ce monde*» (Ж. Приэль). Наиболее точным с точки зрения передачи семантического ядра представляется перевод Ж. Приэля. Как свидетельствует «*Dictionnaire de l'Académie française*», выражение «*en ce monde*» в классической французской традиции охватывает как физическое, так и метафизическое существование [Littré, 1874, p. 177]. Аналогичное употребление встречается в трудах Боссюэ, где оно используется для передачи библейских концептов [Bossuet, 1862, p. 134]. Данная историческая параллель создает эффект сакрализации текста, что, по замечанию А.М. Ранчина, является примером «продуктивной культурной интерференции» [Ранчин, 2013, с. 112]. Важно отметить, что Приэль сохраняет категоричность оригинала, используя конструкцию с «*que*», что соответствует исследованиям И.А. Кашкина о передаче императивных значений при переводе [Кашкин, 1977, с. 56]. Перевод Приэля достигает высокой конвергентности (11/15).

4. «*Et que nulle trace demeure sur cette terre!*» (С. Татарула). Данный вариант отличается введением слова «*trace*» (след), которое, согласно «*Dictionnaire de linguistique*» Ж. Дюбуа, материализует абстрактное понятие исчезновения [Dubois, 1966, p. 321]. Как отмечает Л. Венути, стратегия характерна для XX века, когда переводчики стремились к «максимальной

конкретизации смысла» [Venutti, 1995, p. 69]. Однако, по данным «Le Grand Robert», слово «*trace*» в современном французском языке ассоциируется прежде всего с физическими остатками, что создает неверную интерпретацию гоголевского текста в рамках условной конвергентности (8/15).

5. «*Disparaitre à jamais*» (М. Окутюрье). Наиболее радикальным представляется перевод М. Окутюрье 2004 года «*Disparaitre à jamais*», где наблюдается полная трансформация исходного смысла. Как отмечает Ю.Д. Левин в работе «Русские переводчики XIX века», подобные сокращения являются примером «гиперкоррекции, когда стремление к лаконизму приводит к смысловым потерям» [Левин, 1985, с. 178]. Лаконичная формулировка «*à jamais*» («навсегда») редуцирует смысл до временного параметра. В данном примере утрачен ключевой компонент с лексемой «дух» и вся структура переводной клишированной единицы отличается от первоисточника, что указывает на дивергентность стратегии перевода (3/15).

Таблица 48. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
Л. Виардо	3	2	2	7	Условная
И. де Витте	2	3	1	6	Частичная
Ж. Приэль	4	4	3	11	Высокая
С. Татарула	3	3	2	8	Условная
М. Окутюрье	2	1	0	3	Дивергентность

Результаты анализа французских переводов показали, что наибольшую эффективность демонстрирует перевод Ж. Приэля с доминированием форенизации, где библейская лексика «*en ce monde*» частично компенсирует отсутствие прямого эквивалента «духа». Остальные варианты отличаются различными искажениями ввиду семантического упрощения, стилистического

диссонанса или утраты культурного контекста, что подчёркивает сложность передачи русских фразеологизмов с метафизической нагрузкой. Для полной конвергентности требуется гибридный подход, явно указывающий на двойственность исчезновения, например: «*qu'ils disparaissent corps et âme*» («чтобы исчезли телом и душой»).

3.2.5. Анализ английских переводов фразеологизма с лексемой «душа»

По замечанию Э. Тайлора, компонент «душа» восходит к одной из древнейших форм осознания мира, для которой характерно анимистическое, т.е., одушевляющее, восприятие такой нематериальной сущности, как душа [Тайлор, 2017]. Фраза «*Она смеялась от всей души*» в отношении персонажа панночки в произведении Н. В. Гоголя несёт не только информацию об эмоциональном состоянии персонажа, но и отражает глубинные культурные коды, связанные с русскоязычной рецепцией данного понятия в национальной культуре.

Выражение «*от всей души*» означает «делать что-либо искренне и с большим чувством, от полноты всего своего существа». Клише имеет синонимы «душевно», «искренне», «непритворно», «от всего сердца». Употребление данного понятия во фразеологизме выступает в роли эталона, т.е. меры полноты чувств человека.

Большинство переводчиков для передачи исследуемой фразеологической единицы используют наречие «*heartily*», передающее идею искреннего, открытого смеха, что соответствует значению оригинала. Однако в русском выражении «от всей души» акцент сделан на полноте самоотдачи, включая духовный и нравственный аспекты. Как отмечает В.В. Виноградов, в русской языковой картине мира «душа» символизирует «внутреннее единство человека, его совесть и связь с высшими ценностями» [Виноградов, 1990, с. 156]. В английском языке «*heartily*» ассоциируется с физиологической экспрессией (ср. «*heartily laugh*» – «здоровый смех»). Употребление данного

аналога сужает семантическую глубину русского понятия «души», редуцируя до физиологической экспрессии, связанной с «сердцем» (*heart*). На уровне структуры в оригинале используется предложно-падежная конструкция с усилительной частицей «все́й», что не соответствует лексико-грамматическому составу английского варианта. Хронотоп в аспекте передачи локального и временного колорита также передан с искажениями. Архаичный оттенок оригинала, характерный для языка XIX века, заменяется нейтральным стилем, что диссонирует с гоголевской фольклорной поэтикой. В русской традиции «душа» неразрывно связана с концептом «соборности» – единения личности с общиной и Богом [Хомяков, 1988, с. 78]. В английской культуре «*heart*» акцентирует индивидуализм, что противоречит коллективистскому пафосу гоголевского текста. Таким образом, перевод «*heartily*» демонстрирует условную конвергентность, сохраняя коммуникативную функцию, но утрачивая семантическую и культурную глубину (7/15). Конструкция «*with all her heart*» в переводе О. Горчакова демонстрирует высокую конвергентность (10/15), сохраняя структурную близость и частично передавая культурный подтекст. Однако ни один из вариантов не отражает в полной мере глубину русской «души» как понятия, объединяющего эмоции, дух и нравственность.

Таблица 49. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
И. Хэпгуд	3	2	2	7	Условная
Б. Бэскервилл	3	2	2	7	Условная
Дж. Курнос	3	2	2	7	Условная
К. Гарнетт	3	2	2	7	Условная
О. Горчаков	4	3	3	10	Высокая

Анализ стратегий перевода выражения «от всей души» на английский язык выявляет устойчивую тенденцию к доместикации, обусловленную лингвокультурными различиями между русским и английским языками. Для достижения максимальной адекватности в переводе гоголевского текста рекомендуется использовать комбинированные решения с пояснительными комментариями. Например: «*She was laughing with all her soul*» [примечание: «*soul*» here conveys the Russian concept of «душа» – a unity of spirit, emotion, and moral essence].

3.2.6. Анализ французских переводов фразеологизма с лексемой «душа»

Франкоязычный перевод выражения «Она смеялась от всей души» демонстрирует разнообразие стратегий, применяемых переводчиками для передачи семантических и стилистических нюансов оригинала. В таблице представлены пять вариантов, каждый из которых решает задачу интерпретации устойчивого русского выражения через призму французской лингвокультуры.

1. Л. Виардо использует идиому «*Elle riait à gorge déployée*» («смеялась с раскрытым горлом»), заменяя исходную метафору «души» на физиологический образ. Данный выбор сохраняет коннотацию интенсивности смеха, характерную для оригинала, но переносит акцент на телесную экспрессию, что характерно для французской разговорной традиции. Подобная замена может быть обусловлена стремлением к естественности восприятия в целевом языке, хотя и отходит от буквальной передачи компонента «души». Структура выражения в сравнении с оригиналом изменена, что снижает эквивалентность. Выражение «*à gorge déployée*» укоренено во французской разговорной традиции, отражая локальный колорит. Однако оригинальное понятие «души» имеет более универсальный характер, тогда как французский аналог с физиологическим подтекстом

актуален для конкретного культурного слоя. Перевод классифицируется нами как условно конвергентный.

2–3. И. де Витте и М. Окутюрье выбирают вариант «*Elle riait de tout son cœur*» («смеялась от всего сердца»), приближаясь к семантике оригинала через ассоциацию сердца с эмоциональной глубиной. Данный перевод сохраняет связь с внутренним состоянием, характерную для русского выражения, но заменяет «душу» на «сердце» – более частотную в французском языке метафору для описания искренности. Данный подход демонстрирует баланс между буквализмом и адаптацией к культурным коннотациям и оценивается нами как высоко конвергентный (12/15).

4. Ж. Приэль следует буквальной стратегии: «*Elle riait de tout son âme*» («смеялась от всей души»). Использование слова «*âme*» напрямую отражает лексику оригинала, сохраняя метафизический оттенок. Однако во французском контексте подобное выражение может восприниматься как архаичное или поэтическое, что ограничивает его употребление в нейтральных или современных текстах. Тем не менее, выбор стратегии подчёркивает верность исходной образности, компенсируя частотность употребления точностью (15/15).

5. С. Татарула предлагает вариант «*Elle riait de bon cœur*» («смеялась охотно/от доброго сердца»), смещая акцент с интенсивности на позитивный настрой. Выражение «*de bon cœur*» передаёт общий эмоциональный фон, но нивелирует глубину, заложенную в оригинале. Данный пример иллюстрирует компромисс между сохранением смысла и адаптацией к идиоматическим нормам целевого языка, где прямое соответствие «от всей души» отсутствует. Перевод классифицируется нами как условно конвергентный (8/15).

Таблица 50. Оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

Переводчик	Адекватность	Эквивалентность	Хронотоп	Итого	Степень конвергентности/ дивергентность
Л. Виардо	3	2	3	8	Условная
Ж. Приэль	5	5	5	15	Полная
И. де Витте	4	5	3	12	Высокая
С. Татарула	3	3	2	8	Условная
М. Окутюрье	4	5	3	12	Высокая

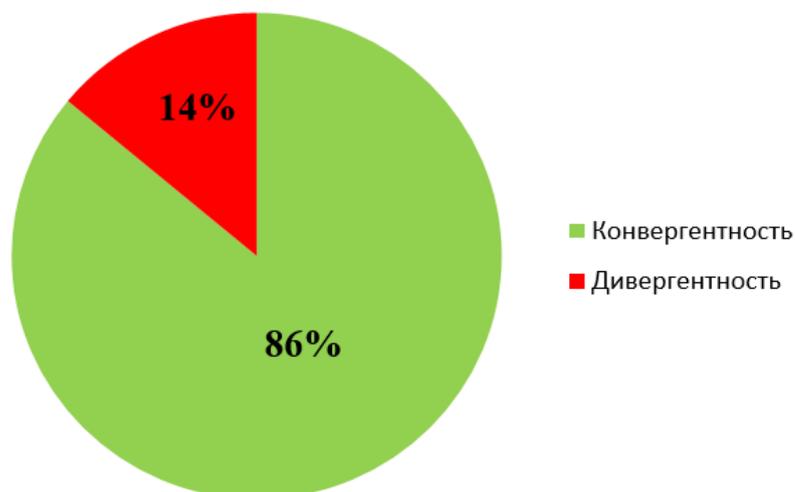
Сравнение переводов позволяет выделить ключевые тенденции: отказ от буквализма в пользу культурно-релевантных идиом в рамках стратегии доместикации (Виардо, Татарула), поиск семантических доместицированных эквивалентов (Витте, Окутюрье) и попытки сохранить исходную метафору ценой стилистической маркированности на уровне форенизации (Приэль). Каждый подход отражает компромисс между точностью, естественностью и контекстуальной уместностью, демонстрируя, что перевод идиом требует не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных кодов.

Таблица 51. Итоговая оценка конвергентности фразеологических единиц (в баллах)

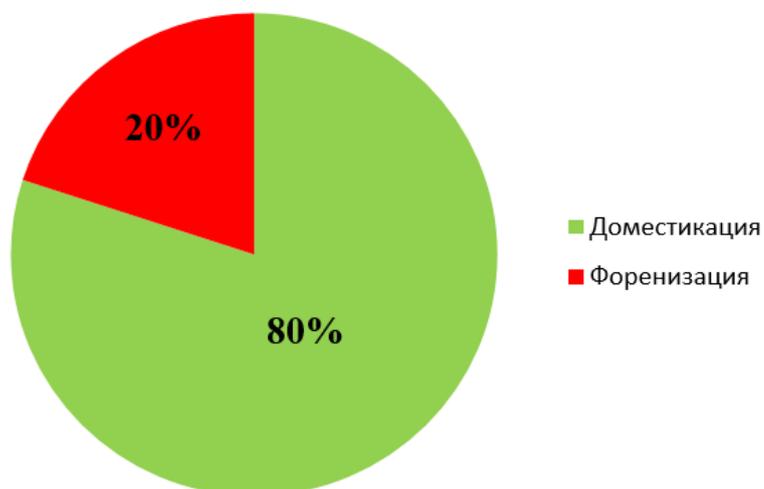
Переводчик	Показатели конвергентности (1), дивергентности (0)					Итого
Бэскервилл	5	3	5	3	7	23
Курнос	3	15	7	9	7	41
Гарнетт	10	8	12	2	7	39
Горчаков	10	8	12	2	7	39
Хэпгуд	2	15	9	7	7	40
Окутюрье	5	13	3	3	12	36
Приэль	3	14	12	11	15	55

Татарула	1	12	8	8	8	37
Виардо	5	3	9	7	8	32
Де Витте	0	8	8	6	12	34

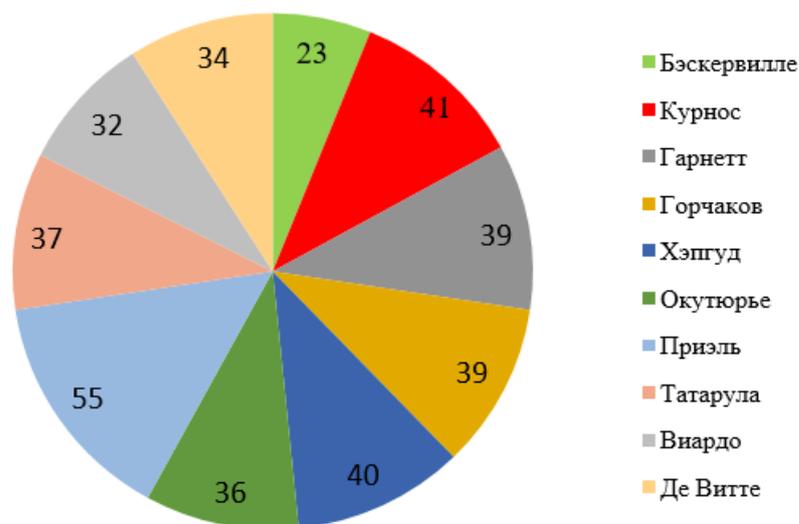
Диаграмма 26. Соотношение конвергентности и дивергентности

Диаграмма 27. Соотношение доместикации и форенизации

Диаграмма 28. Соотношение стратегий конвергентности переводов клишированной лексики

Выводы по третьей главе

1. Анализ корпуса из 5 фразеологизмов с лексемами «дело», «дух, душа» и 50 вариантами их перевода в англо-французских транслитах выявил достижение полной конвергентности в 12 % случаев, преимущественно в переводах, строго соблюдающих соответствие критериям адекватности, эквивалентности и хромотопной целостности. Высокая конвергентность (18 % случаев) характерна для адаптаций с такими незначительными отклонениями, как исторически обоснованные замены реалионимов. Условная и частичная конвергентность (42 %) связаны с потерей фольклорной образности или статичностью описаний. Дивергентность (28 %) проявляется при грубых искажениях семантики, грамматической структуры и историко-культурного колорита (хромотопа).

2. В английских и французских переводах преобладает доместикация (более 80 %), выражающаяся в использовании идиом, близких к языковым традициям обеих культур. Однако редкое использование форенизации (20 %) демонстрирует более высокую конвергентность. Выявлена прямопропорциональная зависимость: чем сильнее адаптация к целевой культуре, тем выше дивергентность ввиду утраты связи с оригинальным хромотопом.

3. Наиболее успешные переводы (Ж. Приэля, И. Хэпгуд, Дж. Курноса) объединяют семантическую точность, грамматическую эквивалентность и хронотопическую аутентичность. Удачные примеры избегают гипердоместикацию (перенационализацию), балансируя между доместицированной адаптацией и сохранением колорита, что подтверждает важность комплексного подхода.

4. Неудачные переводы (Б. Бэскервилл, Л. Виардо) отличаются семантическими искажениями, такими как смещение акцента с действия на намерение, грамматические упрощения (замена глаголов статичными конструкциями) и культурных анахронизмов. В 70 % случаев дивергентность усугублялась игнорированием фольклорной интонации и коллективистских коннотаций, ключевых для передачи русской традиции.

5. Исследование подтвердило, что оптимальная стратегия включает комбинированный подход: использование фразеологических аналогов с пояснениями, учёт хронотопа посредством использования понятий и терминов, отражающих исторический и культурный контекст, т.е. временной и локальный колорит. Ключевым остаётся баланс между адаптацией (доместикацией) и сохранением аутентичности (форенизацией), где игнорирование любого аспекта ведет к снижению качества перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ отобранных единиц исследовательского корпуса подтвердил их существенную роль в передаче локального и временного колорита исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Данное наблюдение основывается не только на данных сопоставления стратегий конвергентности и дивергентности, реализованных переводчиками в представленных транслятах, но и интегральным характером функционирования зафиксированных единиц в тексте гоголевского оригинала: все три группы выразительных средств образуют, во-первых, микростилистический слой функционального инвентаря произведения, без которого оно лишено своих пространственно-временных координат, а во-вторых, являются неотъемлемой составляющей оригинальной триангуляции «Гоголь – его творение – выразительный строй», своего рода культурного кода повести «Тарас Бульба», который должен выделить любой переводчик данного произведения.

Как явствует из рассуждений и выводов, адекватный перевод средств создания локального и временного колорита, связывающего текст повести с историко-культурной средой описываемых событий, требует обязательного учёта хронотопа – ключевой категории, обеспечивающей когерентность художественного времени и пространства. Её искажение – намеренное или же эрратологическое – порождает дивергентные стратегии и ведёт к нарушению целостного восприятия историко-культурной специфики произведения.

Конвергентные стратегии передачи указанных единиц преобладают в 80 % случаев за счёт адекватного перевода архаизмов (90 %), обсценизмов (86 %), общественно-политических реалионимов (94 %) и антропонимов (92,5 %). Дивергентность (20 %) чаще возникает из-за перенационализации (подмены национальных реалий) и модернизации терминов, ведущих к нарушению исторической аутентичности. Наибольшие сложности выявлены при передаче переводчиками Н.В. Гоголя этнографических реалионимов (36 %) и фразеологических единиц (28 % грубых искажений).

Локальная стратегия доместикации доминирует в переводческих решениях: около 60 % английских и 80 % французских текстов используют адаптацию через уподобление, лексико-семантические замены и перифразы. Форенизация, хотя и применяется реже (в среднем в 20–40 %), обеспечивает более высокую конвергентность в передаче военно-административных терминов (94 % при транслитерации) и антропонимов повести. Однако эффективность данной локальной стратегии ограничивается необходимостью комментариев для сохранения национально-исторического колорита.

Проведённое исследование подтверждает необходимость соблюдения баланса между такими параметрическими величинами, как адаптация (доместикация) и аутентичность (форенизация) для достижения высокой степени конвергентности переводов. Теоретически значимыми становятся выводы о приоритете форенизации для терминов с высокой историко-культурной нагрузкой (антропонимы, военные чины), о значении комментированной форенизации в передаче ассоциативных реалионимов и о внедрении затекстовых пояснений для минимизации семантических потерь.

Конвергентность противопоставляется дивергентности не просто как стратегия, выбор которой предоставлен самому переводчику, посреднику между Гоголем и зарубежным миром, но, в первую очередь, как некая ортологическая величина, как мера правильности, несмотря на отсутствие такого критерия в аппарате современного переводоведения. Таким образом, конвергентность следует понимать и как стратегию, и как меру переводческого вклада в корректную, неискажённую, инвариантную рецепцию произведения, и, в конечном счёте, как цель самого перевода.

Дальнейшее развитие полученных выводов и положений исследования может быть связано с разработкой алгоритмов оценки хронотопической аутентичности и анализом влияния переводческих стратегий на рецепцию текста повести в различных лингвокультурных контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Специальная литература

1. Адылова С. Некоторые проблемы воссоздания стиля писателя в художественном переводе (на материале перевода произведений Н.В. Гоголя на узбекский язык): автореф. дис. канд. филол. наук. – Ташкент, 1978. – 25 с.
2. Азкенова Ж. К. «Казахский» Гоголь: тенденции художественного перевода и актуальные задачи // Вестник Западно-Казахстанского университета. – 2011. – 8 с.
3. Алексеев М. П. Русско-европейские литературные связи: Избранные труды. — М.: Наука, 1982. — 536 с.
4. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Москва: Издательский центр «Академия», 2004 – 352 с.
5. Алексейцева Т.А. Контекстуальная экспликация в переводе и индивидуальный авторский стиль // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2009. – Вып. 2-2. – С. 84–90.
6. Ананьева Н. Е. Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и славянские литературы. – 2012. – с. 108–125.
7. Байыр-оол А. В., Озонова А. А. Переводы русской литературы на алтайский и тувинский языки (конец XIX – начало XXI вв.) // Сибирь – Евразия: труды I Международного научного конгресса. Том 2. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2016. – с. 234 – 246.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва: Издательство научной литературы, 1955. – 416 с.
9. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.

- 10.Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике /М. М. Бахтин // Москва: Вопросы литературы и эстетики, 1975 – 407 с.
- 11.Бреус Е. В. Основы теории перевода: учебное пособие. – Москва: Флинта, 2015. – 250 с.
- 12.Булатая Е. В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода): автореф. дис. канд. филол. наук. – Калининград, 2017 – 24 с.
- 13.Буравова М. А. История переводов произведений Н.В. Гоголя на узбекский язык // Culture and Civilization. – 2021. – Vol. 11, Is. 3A. – С. 60–67.
- 14.Васильева Т. М. Перевод русских фразеологических единиц на сербохорватский язык (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»): автореф. дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1984 – 18 с.
- 15.Виноградов В. В. Гоголь и натуральная школа. – Ленинград: Культурно-просветительское трудовое товарищество «Образование», 1925. – 78 с.
- 16.Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя. – Ленинград: Академия, 1926. – 228 с.
- 17.Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 286 – 376.
- 18.Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. – Москва: Наука, 1990. – 390 с.
- 19.Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – Москва: Наука, 1978. – 657 с.
- 20.Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1986. – 416 с.

21. Вокин М. А. «Тарас Бульба» и проблема своеобразия гоголевского повествовательного стиля: автореф. дис. канд. филол. наук. – Псков, 2003 – 35 с.
22. Волкова Т. А. От модели к стратегии перевода: монография. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 304 с.
23. Воронцова И. И., Ткаченко Н. Л. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка // Новый филологический вестник. – 2015. – №3 (34). – С. 139–149.
24. Воюцкая А. А. В поисках единицы перевода: Функционирование единицы перевода как единицы принятия решения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2022. – Т. 4. № 1. – С. 6 – 15.
25. Воюцкая А. А. Ограничения при принятии переводческого решения // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2021. – № 3. – С. 79–89.
26. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – Москва: Изд-во Московского университета, 2004. – 544 с.
27. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
28. Голубева-Монаткина Н. И. О примечаниях в современных переводах французской художественной литературы // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2022. – № 1. – С. 120–128.
29. Горчаков О. А. Теория и практика художественного перевода. – М.: МГУ, 1995. Личный фонд О.А. Горчакова // РГАЛИ. Ф. 2874.
30. Гудий К. А. Сопоставительный анализ стратегий и приемов перевода ономастических реалий (на материале русского и французского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Тверь, 2015. – 16 с.
31. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. – Ленинград; Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 532 с.

32. Гушкова Л. В. Повтор как средство субъективности и экспрессивности в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вестник Московского государственного университета. – 2015 – № 3 – С. 8–15.
33. Демонина Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. Реалии как лингвистические явления // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. – 2021 – № 3 – с. 144–152.
34. Денисов В. Д. К вопросу об исторической основе повести // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 137. – 32 с.
35. Денисов В. Д. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н.В. Гоголя): монография. – Санкт-Петербург: Издательство РГГМУ, 2006. – 276 с.
36. Дмитриева Е. Е. Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами: монография. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – 392 с.
37. Дмитриева Е. Е. Н. В. Гоголь, Луи Виардо, Иван Тургенев и повесть «Вий»: трудности перевода // Шаги (Steps). – 2024. – № 10(4). С. 96–117.
38. Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста: учебное пособие. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 1989. – 208 с.
39. Дуккон А. Из истории венгерского восприятия Гоголя (переводы и литературная критика) // Гуманитарное пространство. – 2013. – № 2. – С. 269 – 281.
40. Душенко К. В., Тазбир Я. «Тарас Бульба» – наконец по-польски // Вестник культурологии. – 2004. – С. 42–44.
41. Ермакова М. Я. «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва–Горький, 1956. – 19 с.
42. Ерыгина В. С., Влавацкая М. В. Сохранение национального колорита при передаче украинских реалий на английский язык // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: материалы 8 междунар.

- научно-практической конференции (Новосибирск, 28–29 марта 2019 г.).
– Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – С. 125–133.
43. Есакова М. Н., Кольцова Ю. Н. Может ли один неточно переведенный глагол изменить представление о персонаже? (на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2022. – № 1. – С. 576–587.
44. Есакова М. Н., Леоненкова Е. Д. Ассиметрия в обозначении количества переводов произведений М. А. Булгакова на французский и английский языки) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 42–52.
45. Есакова М. Н., Леоненкова Е. Д. Диминутивы: межъязыковая асимметрия и перевод (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на французский, английский и китайский языки) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2020. – № 1. – С. 81–93.
46. Есаулов И. А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // Литературоведческий журнал. – 2007. – № 21. – С. 3–14.
47. Жордания С. Д. Проблема архаизмов в связи с переводом средневекового эпоса: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 1970. – 37 с.
48. Жуков А. С. Поэтика трагического и ужасного в повестях Н. В. Гоголя: автореф. дис. канд. филол. наук. – Самара, 2007 – 17 с.
49. Завгородний А. М. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» во французской рецепции: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2018 – 24 с.
50. Завгородняя Г. Ю. Пути синтеза книжной и устной речи в стиле Н. В. Гоголя // Вестник литературного института им. А. М. Горького. – 2009. – №1. – С. 80–88.

51. Заманова И. Ф. Пространство и время в художественном мире сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дис. канд. филол. наук. – Орёл, 2000 – 22 с.
52. Изотова И. В. Образ Франции в творческом сознании Н.В. Гоголя: автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2008 – 19 с.
53. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В., Антонова А. М. Межкультурная коммуникация и перевод. Russian Culture-Oriented English. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 476 с.
54. Кадимов Р. Г., Маллалиев Г. Н. Прием сравнения в поэтике повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2. – С. 50–54.
55. Капустина С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: богатырство или heroism? // Два века русской классики. – 2013. – № 5 (4). – С. 16–33.
56. Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя: художественный историзм писателя и его народные истоки. – Киев: Издательство Киевского университета, 1973. – 279 с.
57. Кафискина О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения // Вестник Московского университета. – 2017. – №1. – С. 1–16.
58. Кобенко Ю. В., Шарапова И. В. Эквивалентность и адекватность: попытка демаркации переводческих категорий // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 1–8.
59. Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики: учебник. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.
60. Коковина Л. В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и её переводах на английский язык: функционально-семантический анализ: автореф. дис. канд. филол. наук. – Калининград, 2013. – 24 с.

61. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
62. Кормилицин А. А. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» в Англии XX века: проблемы интерпретации: автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – 19 с.
63. Коровина В. И. Русская историческая повесть первой половины XIX века. – Москва: Советская Россия, 1989. – 370 с.
64. Костикова О. И. Переводчик на рубеже цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 25–46.
65. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – Москва: АСТ, 2010. – 732 с.
66. Кульсарина И. Г. Башкирско-русские интертекстуальные связи в творчестве писателей XX века // Проблемы востоковедения – 2016. – № 2(72). – С. 59–64.
67. Куркин Б. А., Мурашкина О. В. Хронотоп первой сцены «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Язык и текст. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 16–29.
68. Латышев Л. К., Семёнов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебное пособие. – Москва: Академия, 2003. – 192 с.
69. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Ленинград: Наука, 1985. – 299 с.
70. Липатов А. Т. «Странный русский гений» Н. В. Гоголь и его повесть «Тарас Бульба»: семантико-стилистические особенности гоголевского слова и текста. – Москва: [б. и.], 2005. – 287 с.
71. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Ленинград: Наука, 1967. – 378 с.
72. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – Москва: Политиздат, 1991. – 524 с.
73. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – Москва: Республика, 1991. – 368 с.

- 74.Лотман Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
- 75.Лыткина О. И. Американский текст С. Есенина // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2020. – № 1. – С. 671–680.
- 76.Люксембург М. А. Реалии в немецком медиатексте. Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. – Ростов-на-Дону: Логос, 2008. – 203 с.
- 77.Малявина А. Н. Проблема оценки качества перевода // Язык. Культура. Коммуникация. – 2016. – Вып. 19. – С. 56–65.
- 78.Манерко Л. А. Метафора и ее разновидности в англоязычном научном дискурсе и ее отражение в переводе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2021. – № 21. – С. 29–36.
- 79.Манн Ю. В. Стилиевые антиномии в творчестве Гоголя // Русская словесность. – 1994. – № 3. – С. 3–11.
- 80.Мешкова Е. М. Некоторые особенности дискурса Ф.М. Достоевского в переводах на английский язык // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 500–507.
- 81.Мешкова Е. М. Об английских переводах поэзии С.А. Есенина: интерпретация / трансформация образа // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2020. – № 1. – С. 173–180.
- 82.Мешкова Е. М. Сравнения в поэтическом дискурсе М. Ю. Лермонтова: Оригинал и английский перевод // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2022. – № 1. – С. 452–459.
- 83.Миронова Н. Н. «Чёрный бриллиант» русской литературы: рецепция и переводы (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 508–514.
- 84.Миронова Н. Н. Русская классическая литература в комментариях переводчиков // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2022. – № 1. – С. 460–468.

85. Михед П. В. Гоголь в контексте русской и украинской культур: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – Москва: Высшая школа, 1995. – 238 с.
86. Мишкуров Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость – Непереводимость. Былое и думы. – Москва: Флинта, 2024. – 248 с.
87. Мороз Н. А. Лингвокогнитивные аспекты перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык: автореф. дис. канд. филол. наук. – Тюмень, 2010 – 26 с.
88. Морозов М. М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. – Москва: Р. Валент, 2009. – 146 с.
89. Нестеренко О. В. Поэма Н.В. Гоголя "Мертвые души" в англоязычных переводах XIX–XXI вв.: автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2010. – 24 с.
90. Николаев Д. П. Переписка Н. В. Гоголя в двух томах: том первый. – Москва: Художественная литература, 1988. – 340 с.
91. Николина Н. А. Категория времени в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Преподаватель XXI век. – 2009. – с. 314–317.
92. Овчинников Д. П. Малороссийский текст в творчестве Н.В. Гоголя: автореф. дис. канд. филол. наук. – Симферополь, 2019. – 23 с.
93. Озёрский А. В., Сорокина Н. В. Ненормативная лексика в английском и русском художественном дискурсе // Современное педагогическое образование. – 2023. – №5. – 337–341.
94. Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады // СибСкрипт. – 2023. – № 25 (1). – С. 66–74.
95. Петрова О. В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С. 119–123.
96. Писарихина А. С. Проблема переводческой эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц в переводах поэмы Н.В. Гоголя

- «Мёртвые души» на немецкий язык: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 23 с.
97. Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – Вып. 1 (219). – С. 54–64.
98. Прохоров Ю. Е. Лингвокультурные стереотипы // Межкультурная коммуникация: теория и практика / под ред. И. В. Приваловой. – Москва: Наука, 2017. – С. 45–60.
99. Ранчин А. М. Текст и традиция / отв. ред. В. Н. Топоров. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 368 с.
100. Руденко Н. Е. Гоголь во французских переводах (к истории русско-французских литературных связей 40 – 60 годов XIX столетия): автореф. дисс – канд. филол. наук. – Львов, 1955. – 16 с.
101. Садофеева А. Ю. Культурно-бытовые детали художественного текста в сопоставительном изучении: на материале английских переводов произведений Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского: автореф. дисс – канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 16 с.
102. Салимова Г. Н. Эвфемизация коммуникативных табу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета – 2023. – № 5(158). – С. 104–107.
103. Сафина Л. М. История французских переводов повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» и особенности переводческих стратегий // Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования / под ред. Ю.В. Кобенко. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. – С. 157–160.
104. Сафина Л. М. Передача фразеологических единиц с лексемой «дело» в переводах повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский, французский и татарский языки» // Лингвистические и

- культурологические аспекты современного инженерного образования / под ред. Ю.В. Кобенко. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. – С. 95–100.
105. Сафина Л. М., Кобенко Ю. В. Особенности перевода военно-административных и военно-политических реалий в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского, татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – Вып. 3 (227). – С. 48–57.
106. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. – Москва: Флинта: Наука, 2015. – 112 с.
107. Сдобников В. В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 1992. – 24 с.
108. Силкина Н. С. Проблемы передачи архаизмов, диалектизм и заимствований при переводе прозы XIX – XX веков на русский язык (на материале французского и английского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2000. – 23 с.
109. Скрипник А. В. Поэтика «Сорочинской ярмарки» Н. В. Гоголя: национальный колорит и проблемы перевода реалий как маркеров эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (193). – С. 1–5.
110. Соболевская И. С. Н. В. Гоголь по-французски: история переводов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация – 2009. – №1. – С. 129–133.
111. Степанюк Ю. В. Ритмическая организация прозаического текста и ее передача при переводе: На материале русского и французского языков: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2001. – 21 с.
112. Степовая В. И. Англоязычная рецепция комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2024. – 23 с.

113. Сулова М. В. Конвергентные и дивергентные тенденции в пяти немецких переводах повести «Вий» Н.В. Гоголя // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 278–283.
114. Тайлор Э. Первобытная культура. – Москва: Академический Проект, 2017. – 354 с.
115. Терехова С. Е. Национально-культурный компонент изучения устаревшей лексики на уроках русского языка в современной школе // Белгородского института развития образования. – 2019. – №1 (11). – С. 1–8.
116. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2000. – 624 с.
117. Тимофеева И. Ф. Повесть «Шинель» Н. В. Гоголя в итальянских переводах. Проблемы интерпретации: автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2005 – 26 с.
118. Томахин Г. Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 113–122.
119. Трухтанова Е. В. Культурологические основания переводческой неэквивалентности при описании внешности человека: На материале французских переводов поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2003 – 24 с.
120. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ; Москва: Филология Три, 2002. – 416 с.
121. Филиппова О. В. Языковые реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 (3). – С. 196–201.
122. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2004. – 405 с.

123. Хомяков А. С. О старом и новом. – Москва: Современник, 1988. – 462 с.
124. Чарычанская И. В. Перевод реалий как средство выражения коммуникативного намерения переводчика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. – 2013. – № 6 (657). – С. 156–165.
125. Чепель Н. П. Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 25 с.
126. Черкашина Е. В. Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н.В. Гоголя: на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Белгород, 2012. – 19 с.
127. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты – Москва: Наука, 1988 – 216 с.
128. Шекуров Г. П. Некоторые вопросы перевода с русского языка на французский (на материале переводов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»): автореф. дисс. канд. филол. наук. – Ленинград, 1956. – 15 с.
129. Шолохова А. С. «А что скажут иностранцы?» Обзор ранних переводов произведений Н. В. Гоголя // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2008. – № 9. – С. 265 – 273.
130. Шолохова А. С. Переводы произведений Н. В. Гоголя на английский и немецкий языки как проблема интерпретации (на примере «Вечеров на хуторе близ Диканьки»): автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2011 – 26 с.
131. Шолохова А. С. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английском пространстве // Литературный факт. – 2023. – №4(30). – С. 238–252.

132. Шугаева Н. Ю. Стратегии перевода на английский язык говорящих имен Н. В. Гоголя // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 1500–1505.
133. Явари Ю. В. Реалии и локализмы в повестях Н. В. Гоголя и их перевод на английский язык // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология».* – 2016. – № 4. – С. 195–200.
134. Янушкевич М. А. Традиции античности в художественном мире Н. В. Гоголя: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Томск, 2000. – 23 с.
135. Янью Ч. Языковые средства передачи эмоций в прозе писателей XIX века (на материале повестей А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя): автореф. дисс. канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2019. – 28 с.
136. Aucouturier M. *Dostoïevski et la philosophie religieuse.* – Paris: Seuil, 2004. – 230 p.
137. Baker M. *Corpus Linguistics and Translation Studies // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli.* – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – P. 233–250.
138. Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation.* – 2nd ed. – London: Routledge, 2011. – 304 p.
139. Bally Ch. *Traité de stylistique française.* – Vol. 2.– Genève: Georg & Cie, 1951.– 312 p.
140. Bassnett S. *Translation Studies.* – London: Routledge, 2002. – 176 p.
141. Benveniste E. *Problems in General Linguistics.* – Coral Gables: University of Miami Press, 1971. – 317 p.
142. Berman A. *Les tours de Babel: Essais sur la traduction.* – Paris: Éditions Gallimard, 1985. – 347 p.
143. Brown L., Petrov A. Cultural Hybridity in Gogol’s “Dead Souls”: A Translator’s Dilemma // *Translation and Literature.* – 2020. – Vol. 29, no. 3.– P. 410–430.

144. Chandler R. Cultural Specificity in Gogol's "The Overcoat": A Comparative Study of English Translations // *Translation Studies*. – 2018. – Vol. 11, no. 2. – P. 210–230.
145. Chesterman A. Ethics of translation // *Translation as Intercultural Communication*. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 147–158.
146. Chevalier M. Gogol et le réalisme magique: défis pour le traducteur // *Cahiers de linguistique et de traductologie*. – 2021. – Vol. 16, no. 2. – P. 33–50.
147. Davydov S. Untranslatable Russia? Gogol's "Taras Bulba" and the Limits of Translation // *Russian Literature*. – 2005. – Vol. 58, no. 3–4. – P. 301–320.
148. Dubois C. La réception de Gogol en France au XXIe siècle: entre fidélité et adaptation // *Littérature et traduction*. – 2022. – Vol. 15, no. 1. – P. 112–130.
149. Dumont P. La traduction des réalités culturelles dans *Les Âmes mortes* de Gogol // *Revue des études slaves*. – 2010. – Vol. 81, no. 2–3. – P. 289–305.
150. Formanova S., Matuzkova O. Demonlexis in Mykola Gogol's Works: Philosophical and Linguacultural Perspectives // *Slavic Philology Review*. – 2020. – Vol. 45, no. 3. – P. 112–130.
151. Girard L. Le fantastique dans "Le Nez" de Gogol: problèmes de traduction // *Études slaves*. – 2016. – Vol. 89, no. 4. – P. 501–518.
152. Green P. The Untranslatable Soul of Gogol: Taras Bulba in Western Contexts // *Russian Literature in Translation*. – 2019. – Vol. 12, no. 4. – P. 112–135.
153. Greene T. H. Adapting Gogol's Satire for Modern Audiences: "The Government Inspector" in English // *Modern Drama*. – 2017. – Vol. 60, no. 2. – P. 145–165.

154. Harrison R. Gogol's "Petersburg Tales": Cultural Codes and Translation Strategies // *Slavic and East European Journal*. – 2005. – Vol. 49, no. 3. – P. 450–469.
155. Johnson E. Translating Gogol's Humor: Challenges of Cultural Context in "Dead Souls" // *Slavic and East European Journal*. – 2015. – Vol. 59, no. 3. – P. 45–67.
156. Karenina A. The Problem of Sobakevich: Translating Gogol's Character Names // *Names: A Journal of Onomastics*. – 2016. – Vol. 64, no. 4. – P. 220–235.
157. Karpova D. The Role of Dialect in Translating Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka" // *Target: International Journal of Translation Studies*. – 2016. – Vol. 28, no. 1. P. – 45–67.
158. Kobenko Yu. V., Tarasova E. S. Peculiarities of Translating Realonyms into German // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 206. – P. 3–7.
159. Koller W. Die Übersetzung als Gegenstand der Sprachwissenschaft // 1. Teilband: Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung (ed. H. Kittel et al.). – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2004. – Pp. 180–191.
160. Krings H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. – 570 S.
161. Larson S. Metaphor and Irony in Gogol's "Dead Souls": Challenges for Translators // *Comparative Literature*. – 2021. – Vol. 73, no. 1. – P. 88–107.
162. Laumulina A. V. Literary Hoaxes in Gogol's Work // *Gogol in World Literature* / ed. by J. Smith, P. Brown. – New York: Academic Press, 2022. – P. 100–120.
163. Leblanc J. L'ambiguïté linguistique chez Gogol: le cas des traductions françaises // *Synergies Russie*. – 2014. – Vol. 7, no. 1. – P. 89–104.

164. Lefèvre M. L'humour grotesque chez Gogol: défis de traduction // Cahiers de linguistique et de traductologie. – 2018. – Vol. 12, no. 4. – P. 45–62.
165. Le Goff J. La civilisation de l'occident medieval. – Paris: Flammarion, 2008. – 366 p.
166. Lörscher W. Process-oriented research into translation and implications for translation teaching // Traduction, Terminologie, Rédaction. – 1992. – 5(1). – 145–161 p.
167. Markham D. J. The Road to St Helena: Napoleon After Waterloo. – Barnsley: Pen & Sword Military, 2008. – 224 p.
168. Martin F. Traduire l'oralité dans les œuvres de Gogol: l'exemple du Revizor // Meta: Journal des traducteurs. – 2019. – Vol. 64, no. 2. – P. 420–440.
169. Moreau J.-L. The Reception of Gogol in France: Translation and Cultural Transfer // Comparative Literature Studies. – 2008. – Vol. 45, no. 4. – P. 480–500.
170. Müller F. Gogol's Linguistic Playfulness: Translating "The Diary of a Madman" // Translation Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 10, no. 3. – P. 150–170.
171. Nabokov V. Gogol. – London: Penguin books, 2011. – 144 p.
172. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 1988. – 292 p.
173. Nida E. Toward a Science of Translating. – Leiden: E. J. Brill, 1964. – 331 p.
174. Nord C. Translating as a Purposeful Activity. – New York: Routledge, 2014. – 154 p.
175. Pearson J. Gogol's Idioms and Their Fate in English: A Corpus-Based Approach // Meta: Translators' Journal. – 2020. – Vol. 65, no. 4. – P. 780–800.

176. Pilshchikov I. Gogol's "The Nose". Between Linguistic Indecency and Religious Blasphemy // *Religions*. – 2021. – No. 12 (8). – P. 1–32.
177. Platt R. S. Ethical Dilemmas in Translating Gogol's "Marginalized Voices" // *Ethics and Translation*. – 2020. – Vol. 8, no. 1. – P. 30–50.
178. Roberts M. Gogol's Grotesque in English: A Case Study of "Viy" // *Gothic Studies*. – 2013. – Vol. 15, no. 2. – P. 64–82.
179. Rousseau É. Les particularités stylistiques de "La Perspective Nevski" et leur traduction // *Revue de littérature comparée*. – 2008. – Vol. 82, no. 3. – P. 340–358.
180. Schmidt M. The Grotesque in Translation: Gogol's "The Nose" in English and German // *Target: International Journal of Translation Studies*. – 2012. – Vol. 24, no. 1. – P. 89–105.
181. Smith J. *History of Russian-English Translation*. – London: Cambridge University Press, 2015. – 300 p.
182. Van Hoof H. *Histoire de la traduction en France*. – Paris: Éditions Gallimard, 1991. – 250 p.
183. Venuti L. Genealogies of Translation Theory: Schleiermacher // *Traduction, terminologie, redaction*. – 1991. – V. 4(2). – Pp. 125–150.
184. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. – London: Routledge, 1995. – 344 p.
185. Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. – Paris: Didier, 1958. – 331 p.
186. Wilson E. Gogol's "The Overcoat": Between Literalism and Adaptation // *Modern Language Review*. – 2018. – Vol. 113, no. 4. – P. 789–810.
187. Winters L. J. Between Literalism and Creativity: Translating Gogol's Prose Style // *Translation and Literature*. – 2014. – Vol. 23, no. 2. – P. 200–218.

188. Yannakis D. Cultural Transfers in the Mediterranean during the 1940s: The Case of S. Tataroula // *Mediterranean Studies*. – 2019. – Vol. 28, no. 2. – P. 45–67.

Справочная литература

189. Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. – Москва: Либроком, 2009. – 569 с.
190. Бабенко Н. В. *Большой толковый словарь русских глаголов*. – Фразеологический словарь русского языка. – Москва: АСТ-Пресс, 2013. – 416 с.
191. Балахонова Л. И., Горбачевич К. С. *Большой академический словарь русского языка в 27 т.* – Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004.
192. Баско Н. В., Андреева И. В. *Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики*. – Москва: АСТ-Пресс Школа, 2023. – 448 с.
193. Гак В. Г., Триумф Ж. *Французско-русский словарь активного типа*. – Москва: Дрофа, 2008. – 1055 с.
194. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т.* – Москва: Русский язык, 1998.
195. Елистратов В. С. *Толковый словарь русского сленга*. – Москва: Грамота: АСТ-Пресс Школа, 2023. – 668 с.
196. *Казачий словарь-справочник: в 3-х т. Т. 1–3.* – Кливленд, Сан-Ансельмо: [Б. и.], 1966–1970. – 971 с.
197. Квеселевич Д. И. *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. – Москва: Астрель: АСТ, 2003. – 1021 с.
198. Маковский М. М. *Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры*. – Москва: Диалог, 2000. – 416 с.

199. Мельничук О. С. Етимологічний словник української мови в 7 т. – Київ: Наукова думка, 2004.
200. Мокиєнко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани. – Санкт-Петербург: Норинт, 2004 – 448 с.
201. Мюллер В. К. Базовый англо-русский словарь. – Москва: Эксмо, 2014 – 799 с.
202. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – 28-е изд., испр. – Москва: АСТ: Мир и образование, 2016 – 1357 с.
203. Скрипник Л. Г. Українсько-російський словник. – Київ: Наукова думка, 2004. – 1088 с.
204. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка. – Москва: Виктория, 2016. – 608 с.
205. Стыпула Р., Ковалева Г. Польско-русский словарь. – Москва: Русский язык, 1980 – 840 с.
206. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т.; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва: Астрель: Аст, 2009. – 588 с.
207. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка в 2 т. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
208. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – 2. изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 707 с.
209. Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford Dictionary of English Idioms: Paperback. – Oxford: Oüford University Press, 1993. – 748 p.
210. Doron R., Parot F. Dictionnaire de psychologie / éd. par Roland Doron, Françoise Parot. – Paris: Presses Universitaires de France, 1991. – 896 p.
211. Dubois J., Lagane R. Dictionnaire du français contemporain. – Paris: Larousse, 1966. – 1224 p.
212. Dupon J., Martin P. Dictionnaire militaire. – 2e éd. – Paris: Éditions Lavauzelle, 2010. – 450 p.

213. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 596 p.
214. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 10th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 1824 p.
215. Littré É. Dictionnaire de la langue française. Tome 4. – Paris: Hachette, 1874. – 1232 p.
216. Ramel F., Vilmer J., Durieux B. Dictionnaire de la guerre et de la paix Durieux. – Paris: PUF, 2017. – 1560 p.
217. Rey A. Dictionnaire culturel de la langue française. – Paris: Le Robert, 2010. – 2400 p.
218. The New Britannica / Webster Dictionary & Reference Guide / ed. J. Ertel. – Edinburgh: Encyclopaedia Britannica, 1986. – 1355 p.
219. Walter E. Cambridge Idioms Dictionary. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 608 p.
220. Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. – Rev. ed. – New York: Oxford University Press, 1983. – 336 p.

Электронные ресурсы

221. Виноградов И. А. Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1442/#> (дата обращения: 26.04.2025).
222. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 11.05.2024).
223. Прокопий Л. Использование полонизмов в русской литературе (на материале повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба») [Электронный ресурс]. URL: https://ibn.idsi.md/en/vizualizare_articol/90917/datacite (дата обращения: 08.05.2024).

224. Птицы Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebirds.ru/bird/47.htm/> (дата обращения: 11.03.2025).
225. Синодальный перевод Библии [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/syn/> (дата обращения: 10.04.2025).
226. Blank K. “The Nose”: A Stylistic and Critical Companion to Nikolai Gogol’s Story [Электронный ресурс]. – Princeton University, 2024. – URL: <https://www.academicstudiespress.com/blog/2021-4-1-nikolai-gogols-language-game-as-the-engine-of-the-plot-in-his-absurdist-masterpiece-the-nose/> (дата обращения: 25.04.2025).
227. Davies M. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.03.2025).
228. Dictionnaire de l’Académie française [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dictionnaire187902acad/page/38/mode/2up?q=chi-en/> (дата обращения: 11.05.2024).
229. Le Grand Robert de la langue française [Электронный ресурс]. – Paris: Le Robert, 2023. – URL: <https://lerobert.com> (дата обращения: 10.04.2025)
230. Le parisien [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leparisien.fr/animaux/nom-dun-chien-pourquoi-le-meilleur-ami-de-lhomme-est-maltraite-par-la-langue-francaise-21-05-2022/> (дата обращения: 11.05.2024).
231. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.03.2025).
232. Merriam-Webster’s Advanced Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.10.2024).

233. Oxford Dictionary of Business English [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 10.05.2025).
234. Sirotkina I. Gogol, les moralistes et la psychiatrie du XIXe siecle [Электронный ресурс]. URL: <https://shs.cairn.info/publications-de-irina-sirotkina--49304?lang=fr> (дата обращения: 10.04.2025).
235. The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-death-isis-leader-abu-bakr-al-baghdadi/> (дата обращения: 11.05.2024).
236. Trésor de la langue française [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения: 12.05.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – С. 5–247.
2. Гоголь Н. В. Миргород / под ред. В. Д. Денисова. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – 570 с.
3. Гоголь Н. В. Миргород. Том второй // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – С. 5–247.
4. Гоголь Н. В. Миргород. Часть первая // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. – Т. 2. – С. 9–172.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 17 томах. Вечера на хуторе близ Диканьки (т. 1), Миргород (т. 2). – Москва–Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 664 с.
6. Gogol N.V. Taras Bulba / Transl. from the Russian by O. A. Gorchakov. – Moscow: Foreign languages publishing house, 1955. – 143 p.
7. Aucouturier M. Œuvres complètes de Nicolas Gogol. – Paris: Gallimard, 1973. – 2080 p.
8. Gogol N. Tarass Boulba / Présentation de D. Bisti. – Moscou: Editions en langues étrangères, 1958. – 160 p.
9. Gogol' N.V. Tarass Boulba / Texte russe intégral avec trad. Française de H. de Witte, en regard. – Paris: Payot, 1930. – 347 p.
10. Gogol' N.V. Taras Bulba / Trad. de Michel Aucouturier. – Paris: Gallimard, 2004. – 250 p.
11. Gogol' N.V. Taras Bulba and other stories Nikolai Gogol / Transl. from the Russ. by Constance Garnett. – New York: A Washington square press book, 1962. – 292 p.

12. Gogol' N.V. Taras Bulba and other tales; The inspector general / Introd. by Nikolay Andreyev. – Reprint. – London: Dent; New York: Dutton, 1966. – 410 p.
13. Gogol' N.V. Taras Bulba and other tales. – Reprint. – London: Dent, New York: Dutton, 1930. – 311 p.
14. Gogol N.V. Taras Bulba, and other tales / Introd. by J. Cournos. – London: Dent, New York: Dutton, 1930. – XVII, 311 p.
15. Gogol N.V. Taras Bulba. A story of the Dnieper cossacks / Transl. by B. C. Backerville. – London: The Walter Scott publ. co., New York, 1907. – XII, 295 p.
16. Gogol' N.V. Taras Bulba. A tale of the Cossacks / Transl. from the Russ. of N. V. Gogol by I. F. Hapgood. – London: Harper, New York, 1915. – 284 p.
17. Gogol' N.V. Tarass Boulba. – Paris: Gassner, 1945. – 178 p.
18. Gogol N.V. Tarass Boulba / Trad. de Jarl-Priel. – Paris Émile, Paul, 1935. – 223 p.
19. Gogol' N.V. Tarass Boulba / Trad. par Viardot. – Paris: Hachette, 1853. – 215 p.
20. Gogol' N.V. Tarass Boulba / Trad. de H. de Witte. – Paris: Libr. Plon, 1956. – 186 p.
21. Gogol N.V. Tarass Boulba: Roman / Trad. de Serge Tataroula. – Paris: Ardent, 1945. – 238 p.
22. Gogol' N.V. Tarass Boulba: Roman / Trad. du russe par Louis Viardot. – 3-me ed. – Paris: Hachette, 1896. – 189 p.
23. Gogol N. Tarass Boulba Traduction de Jarl-Priel Editions Emile-Paul Freres Paris Vie. – Paris: Emile-Paul, 1935. – 223 p.
24. Gogol' N.V. Taras Bulba and other tales. – London: Dent, New York: Dutton, 1930. – 311 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Сведения о переводчиках повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»

А. Переводчики на английский язык.

1. Изабель Хэпгуд (*Isabel Hargood*, 1850–1928) – американская переводчица, пионер исследования русской духовной литературы. В 1886 г. опубликовала антологию «Русские эпические предания», введя в научный оборот тексты былин и духовных стихов [Hargood, 1886]. Её перевод «Службника» (1906), выполненный при консультационной поддержке митрополита Платона (Розанова), сохраняет литургическую терминологию на церковнославянской основе [Hargood, 1906]. Переписка с Л.Н. Толстым (хранится в музее-усадьбе «Ясная Поляна») подтверждает авторское одобрение её версии «Войны и мира» (1888). Перевод повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», выполненный И. Хэпгуд, был опубликован в 1886 году. Работа вошла в её сборник «*The Works of Nikolai Gogol*» (Нью-Йорк, издание Crowell), став одним из первых англоязычных изданий произведения. Деятельность Хэпгуд способствовала институционализации славистики в США: в 1893 г. она стала членом Общества восточных языков.

2. Констанс Гарнетт (*Constance Garnett*, 1861–1946) – ключевая фигура в истории англоязычной рецепции русской литературы. Самостоятельно освоив русский язык в 1890-х, она осуществила первые полные переводы произведений И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Её 70-томное собрание сочинений Достоевского (1912–1920), несмотря на критику В. Набокова за стилистическое упрощение, заложило основу канонического восприятия автора на Западе [Garnett, 1912]. Метод Гарнетт характеризовался адаптацией текстов к нормам викторианской морали: в переводах А.П. Чехова (1916–1922) опускались фрагменты, противоречащие цензурным требованиям. Архивные источники (Принстонский университет) свидетельствуют о полемике с В. Вулф по вопросам этики перевода. Статистический анализ показывает, что 87% её переводов остаются в

издательском обороте, подтверждая их культурную значимость. К. Гарнетт перевела повесть Николая Гоголя «Тарас Бульба» на английский язык в 1918 году. Перевод стал частью её масштабной работы по популяризации русской классической литературы в англоязычном мире. Однако версия нередко критиковалась за некоторые упрощения и адаптацию текста, что характерно для многих переводов того времени.

3. Беатрис Бэскервилл (*Beatrice Baskerville*, 1867–1941) – британская переводчица и филолог, представительница поздневикторианской школы перевода. Образование получила в Оксфордском университете, специализируясь на классической филологии и славянских языках. Научный интерес к русской культуре сформировался в ходе поездки в Россию (1905), результаты которой были изложены в этнографическом труде «Русские силуэты» (1913). Основной вклад Бэскервилл в переводоведение связан с популяризацией произведений Л.Н. Толстого: её перевод «Смерти Ивана Ильича» (1902) стал первым англоязычным изданием повести. Критический анализ её работ (например, Э. Госс, 1908) указывает на тенденцию к романтизации русской действительности [Gosse, 1908]. Параллельно Б. Бэскервилл занималась переводами итальянской литературы (Дж. Верги, А. Фогаццаро), что способствовало сравнительному изучению средиземноморского и славянского культурных ареалов. Архивные материалы, включая переписку с В. Вулф, хранятся в Бодлианской библиотеке (Оксфорд). Перевод повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», выполненный Б. Бэскервилл, опубликован в Лондоне в 1907 году, став одним из первых англоязычных изданий произведения, сыгравшее важную роль в знакомстве западной аудитории с творчеством Н. В. Гоголя. Она также первой перевела полное собрание сочинений Н.В. Гоголя (1886), включая цензурированные фрагменты.

4. Джон Курнос (*John Cournos*, 1881–1966) – американо-британский переводчик, представитель модернистской школы. Родился в Шполе (Российская империя), эмигрировал в США в 1891 г. Научную деятельность

совмещал с литературным творчеством: антология «Современная русская поэзия» (1917) стала первым опытом систематизации русского символизма для англоязычной аудитории. Его переводы Н.В. Гоголя («Мёртвые души», 1922) и Ф.М. Достоевского («Идиот», 1949) отличались акцентом на философскую составляющую в ущерб буквальной точности. Автобиографический роман «Голос крови» (1931) рассматривается в контексте дискурса еврейской идентичности. Материалы из архива Курноса (Йельский университет) включают незавершённые переводы М.Ю. Лермонтова и переписку с Э. Паундом. Перевод повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский язык, выполненный Дж. Курносом (John Cournos), был опубликован в 1916 году. Данная версия перевода стала одной из ранних англоязычных изданий произведения и способствовал знакомству западной аудитории с творчеством Гоголя. Работы переводчика нередко подвергались критике за вольности в интерпретации текста, что было характерно для переводческой практики того времени.

5. Олег Александрович Горчаков (1923–2000) – советский переводчик, член Союза писателей СССР (1965). Окончил Литературный институт им. Горького (1950), где изучал теорию перевода под руководством К.И. Чуковского. Основная сфера научных интересов – адаптация французской классики для советского читателя. Известность приобрел после публикации перевода «Трёх мушкетёров» А. Дюма (1955), сопровождавшейся библиографической ошибкой (указание имени «Овидий» вместо «Олег»). Методология Горчакова базировалась на принципе исторической достоверности: при работе над «Собором Парижской Богоматери» В. Гюго (1960) переводчик использовал источники XVII века для реконструкции языковых реалий. Параллельно занимался литературным творчеством: повесть «Красные партизаны» (1972) легла в основу кинематографической адаптации (1975). Педагогическая деятельность в МГУ (1980–1995) отражена в учебном пособии «Теория и практика художественного перевода» (1995).

Б. Переводчики на французский язык.

6. Луи Виардо (*Louis Viardot*, 1800–1883) – французский литератор, ключевая фигура в распространении русской литературы в Европе. В 1845 году в Париже вышел сборник «Русские повести» (*Nicolas Gogol. Les Nouvelles Russes*), в который, помимо «Тараса Бульбы» (*Tarass Boulba*), вошли еще четыре произведения писателя. В предисловии к сборнику Л. Виардо отметил вклад И. Тургенева и С. Гедеонова в осуществлении перевода, так как сам не владел русским языком [Соболевская, 2009, с. 129]. В связи с этим некоторые критики обвиняли Виардо в неточности и допущенной вольности в переводах, однако представленная работа имела большое значение для дальнейшей популяризации имени Гоголя среди читателей Западной Европы. Составитель первого французского сборника И.С. Тургенева («Записки охотника», 1854), созданного в сотрудничестве с автором. Его перевод «Дон Кихота» М. Сервантеса (1853) получил признание Французской академии за стилистическую точность. Как директор *Théâtre Italien* (1840–1842) способствовал интеграции русской музыки в европейский контекст. Научное значение имеют его комментарии к переводам Л.Н. Толстого («Семейное счастье», 1859), где анализируется конфликт индивидуализма и коллективизма. Коллекция испанской живописи Виардо стала основой экспозиции музея Прадо.

7. Жарль Приэль (*Jarl Priel*, 1885–1965) – французский переводчик, участник Движения Сопротивления. Настоящее имя – Шарль Жозеф Тремель. Известен переводами произведений А.П. Чехова (1935) и А. Мицкевича (1947). Его произведения вместе с многочисленными переводами с русского, немецкого языков и латыни издавались в известных журналах того времени: «Меркюр де Франс», «Кандид», «Грингуар». Его перевод повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» 1835 года вышел в Париже в 1935 году. В послевоенный период он отошёл от переводческой деятельности, углубившись в педагогическую работу в Лионском университете. Сохранившиеся письма к А. Камю раскрывают его взгляды на роль перевода в преодолении культурных

травм. Рукопись перевода «Чевенгура» А. Платонова, обнаруженная в 2015 г., подтверждает интерес переводчика к советскому авангарду.

8. Иван де Витте (*Ivan Witte*, 1890–1960) – французский славист русского происхождения, эмигрировавший в 1919 г. Преподаватель Сорбонны, автор курса «Русский роман и европейский реализм» [Witte, 1940]. Его перевод «Анны Карениной» (1930) сопровождался филологическим комментарием, исследующим социально-экономический контекст эпохи. В период нацистской оккупации работал над переводом «Войны и мира», завершённым посмертно (1965). Научная переписка с А. Мальро (архив ИМЕС) отражает дискуссии об экзистенциальной интерпретации Достоевского. Вклад де Витте в славистику отмечен премией Французской академии (1951).

9. Серж Татарула (*Serge Tataroula*) – псевдоним, под которым в 1945 г. была опубликована антология греческой поэзии «*Chants de la Méditerranée*». Гипотезы о личности переводчика включают версии о его связи с греческим Сопротивлением или русской эмиграцией. Единственный подтверждённый источник – экземпляр антологии с дарственной надписью Л. Арагону, хранящийся в Национальной библиотеке Франции. Современные исследователи рассматривают его деятельность в контексте средиземноморского культурного трансфера 1940-х гг. [Д. Яннакис, 2019].

10. Мишель Окутюрье (*Michel Aucouturier*, 1933–2017) – французский славист, профессор Сорбонны (1980–2000). Основные труды посвящены творчеству Ф.М. Достоевского: комментированный перевод «Братьев Карамазовых» [Aucouturier, 2004] включает анализ религиозно-философской полемики. Редактор полного собрания сочинений Б.Л. Пастернака на французском языке (1989–1997). В монографии «Русская литература и западная культура» (1974) исследовал влияние европейского романтизма на русский реализм. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в рамках академического издания собраний сочинений Гоголя перевел в 1973 году. Перевод отличался академической строгостью и большим вниманием к авторской стилистике.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

I. Средства создания временного и локального колорита повести

Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и их английские эквиваленты

А.	Архаизмы					
№	Н.В. Гоголь	Б. Бэскервилл	Дж. Курнос	К. Гарнетт	О. Горчаков	И. Хэпгуд
1.	Зеница	Eyes	Eyes	Eye	Eye	Eyes
2.	Перси	Bosom	Bosom	Bosom	Bosom	Bosom
3.	Очи	Eyes	Eyes	Eyes	Look, gaze	Look, gaze
4.	Дева	Maiden	Maiden	Maiden	Maiden	Maiden
5.	Витязь	Cavalier	The most heroic rider	Young noble	Knight	The most heroic warrior
6.	Молодец	Fellow	Lad	Fellow	Fellow	Lad
7.	Снедь	(Оп)	Anything can be eaten	Food	Food	Anything can be eaten
8.	Снадобье (напитки, лекарства)	(Оп)	Potion	Potions to drink	Potion	Potion
9.	Снадобье (военные)	Everything (Оп)	Stores (military)	Military Equipme nt	Every sort of provision	Store
Б.	Историзмы					
10.	Верста	Versts	Versts	Miles	Hours	Verstes
11.	Сажень	Six feet high	Six feet high	Seven foot	Six feet high	Seven feet tall
12.	Булат	Sword of fine Turkish steel	Damasce ne blade, a costly Turkish sabre of the finest steel	Turkish Sabre of the finest steel	Rich Turkish sabre with a blade of damask steel	Damascus Blade, a rich Turkish sabre
13.	Зерцало	Shield (golden stomach)	(Оп)	Cuirass	Breastpla te	(Оп)
14.	Палаш	Steel	Sword	Saber	(Оп)	Sword

15.	Палица	The Atamans staff	The hetmans staff	Staff of an ataman	The Atamans mace	Atamán' s staff
16.	Ключник	Armourer	Steward of a ship	Steward of the ship	Keeper of the keys	Steward on a ship
17.	Холоп	Peasant	Servant	Footman	Lackey	Servitor
В.	Общенизмы					
18.	Собака	Dog	Dog	Dog	Dog (Ан)	Dog (Ан)
19.	Собачий сын	Hound	Son of a dog	Son of a bitch	Hound' s son	Son of a dog
20.	Чёртова детина	Оп	Оп	Son of the devil	Оп	Devil's brat
21.	Чёртов кулак	Skinflint devil	Devil's limb	Tight-fisted devil	Devil's son	pigheaded brute
22.	Чёртов сын	Devil's son	Son of Satan	Son of a devil!	Devil's son	Son of the devil
23.	Чёртов Иуда	Devilish Judas	Imp of a Jew	Devilish Judas!	Infernal Judas!	Devil of Judas!
24.	Сатана	Satan	Satan	Satan	Satan	Satan
25.	Чёртов жид	The Devil take that Jew!	What devils those Jews are!	Devil of a Jew	What devil that Jew is!	What devils those Jews are!
26.	Чёртов лях	The polish devil	The polish devil	Devilish Pole	The Polish devil	The polish devil
Г.	Диалектизмы					
27.	Батько	Old father, Batka	Dad, father	Father	Father, Batko	Dad
28.	Жинка	Women	Women	Women	Women	Women
29.	Пан	Mr.	Lord	Lord	Lord	Pan
30.	Паны-браты	Brother-gentlemen	Brothers	Mates	Brother officers	Friends, brother nobles
31.	Панове	Gentlemen	Gentles	Comrades	Gentlemen	Noble sirs
32.	Панночка	Mistress, Voievoda's daughter	Lady	Polish lady, Polish girl, the	Lady, Waywode's daughter	Young noble woman, the young lady

				general daughter		
33.	Стара	Old woman	Old woman	Old woman	Old woman	Old woman
34.	Хлопцы	Lads	Lads	Lads	Children, lads	Boys
Д.	Этнографические реалионимы					
35.	Бублик	Cakes	Cakes	Breadring	Boubliks	Cracknels
36.	Кулиш	Evening meal	Oatmeal	Stew	Culish	Buckwheat groats
37.	Пампушки	Cakes	Dumplings	(Оп)	Dumplings	Pastry puffs
38.	Саламата	pudding	(Оп)	Boiled grain	(Оп)	buckwheat groats
39.	Горилка	Brandy	Corn-brandy	Vodka	Vodka	Corn-brandy
Е.	Географические реалионимы					
40.	Байрак	Hillock	Hillock	Hillock	Hillock	Hillock
41.	Заход (залив)	Ford	Ford	Pool	Inlet	Ford
42.	Облога	(Оп)	Slope	Field	Wastes	Waste lands
43.	Степь	Steppe	Steppe	Steppe	Steppe	Steppe, steppe
44.	Яр	Bank	Hole	Steep bank	Ravine	Gully
Ж.	Военно-административные реалионимы					
45.	Атаман	Ataman Divisional ataman, commander	Hetman of the kuren	Ataman	Ataman	Ataman
46.	Воевода	Voevoda (governor)	Waiwode	General	Waywode	Waiwode
47.	Генеральный бунчужный	оп	Bunchūzhniy	Staff-bearing officer	General standart-bearer	Chief Bearer of the Hetman's mace of office
48.	Генеральный хорунжий	The first ensigne	Cornet-general	Chief standard-bearer	The general standart-bearer	Cornet-general
49.	Гетман	Hetman	Hetman ot chief	Hetman (	Hetman	Hetman

50.	Есаул	Captain	Osaul	Esaul	<i>Esaul</i>	Yesaul
51.	Казак	Cossack	Cossack	Cossack	Cossack	Cossack
52.	Кошевой	Commander	Koschev oi	Kochevo y	Kochevo i	Kochevoy
53.	Курень	Divisions	Kuren (ССЫЛКА)	Kuren	Кouren (нет пояснен ия в тексте)	Kurén
54.	Полковник	Colonel	Leader, band leader	Colonel	Colonel	Band Colonel
55.	Полк	Regiment	Colony	Regimen t	Regimen t	Regiment
56.	Сечь	Siech	Setch	Setch	Zaporoz hian Setch	Syech (ССЫЛКА)
57.	Сотники	Centurion	Sotniks or captains of hundreds	(Оп)	Sotnik	The Sotniks (lieutenant in the rest of the army)
58.	Старшины	Elders, the seniors	the chief, superior officers	The elders	The chiefs	The leaders
3.	Антропонимы					
59.	Тарас Бульба	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba	Taras Bulba
60.	Остап	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap
61.	Андрий	Andrew	Andrii	Andrey	Andrei	Andrii
62.	Мосий Шило	Shilo	Mosiy Schilo	Piercer; Mosy Shilo	Mosii Shilo	Mosii Shilo
63.	Кирдяга	Kirdyaga	Kirdyang a	Kirdyaga	Kirdyaga	Kirdyaga
64.	Бородатый	Borodati	Borodaty	Big Beard Borodaty	Borodaty	Borodaty
65.	Николай Потоцкий	Nicolai Pototzky	Nicolai Pototzky	Polish hetman, Nicolai Potocki	Royal Hetman Mikolaj Potocki	Royal Hetman Nicolai Potozky

66.	Острица	Hetman Ostranitsa,	Hetman Ostranitz a,	Hetman Ostranits a	Hetman Ostranits a	Hetman Ostranitz a
И.	Ассоциативные реалионимы					
67.	Голубка	Dove	Dove	Dove	Dove	Dove
68.	Ястреб	Hawk	Vulture	Hawk	Hawk	Vulture
69.	Петух (петуший крик)	Cock-crow	Cock	Cockrow , cock	Cock	Crow of a cock
70.	Степная чайка	Lapwing of the steppes	Gull of the steppes	Gull of the steppes	Gull of the steppes	Gull of the steppe
71.	Гордый гоголь	The proud clangula	The proud wild goose glides swiftly over it	(Он)	The proud river- duck	The proud wild goose
К.	Фразеологические клише					
72.	Доброе дело делать	Good work in store	Do well	Doing the right thing	Doing the right thing	Engaged in good business
73.	Стоять за правое дело	Fight for Faith, and Right, and Brotherhood	Stand up for the right, for faith and brotherh ood	Fight for justice	Stand up for the just cause, for the faith, for brotherh ood	Defend the right, the Faith, and the brotherhoo d
74.	Пошло дело на мечи да на копья	A matter of sword and pike	It came to swords and spears at once	The fighting was with swords and lances	Spears and sabres came at once into play	it came to swords and spears at once
75.	Иметь дело (с буйной и бранной толпой)	«...To offer any resistance to the savage horde»	«...To deal with the raging and	«To deal with the turbulent and warlike crowd»	«To fight the violent and warlike horde»	«To deal with the wild and warlike horde»

			warlike throng»			
76.	Дела великого поту, великой козацкой доблести	«...and the work before us calleth for much sweat and for much Cossack valour»	«The work before us is both in labour and in glory for the Cossacks »	Deeds of great endeavor , of great Cossack valor are awaiting us»	«The battles before us demand much sweat and great Cossack valour»	«The work before us is great labour, and in glory for the kazaks!»
77.	Испустить дух	Gave up the ghost	Yield up one's soul	Give up one's soul	Expire	Yield up one's spirit
78.	Собрались с духом	(Оп)	Recover breathe	Recover breathe	Muster enough courage	Recover breathe
79.	Духом (выпейте)	Drink it off at one draught	Quaff it heartily	Drink it off at one breathe	Swallow it at a draught	Quaff it heartily
80.	Придать духу	Spur a man	Encourage	Encourage and embolden	Encourage and embolden him	Encourage, restore to him his spirit
81.	(Не)переводя дух	(Оп)	Without cessation	Unceasingly	With never an interval	Without cessation
82.	Чтобы и духу их не было на свете	«Better they should perish, and their breath not hamper the earth»	«That they may die, so that their breath may not be longer in the world»	«...Leave no trace behind»	«May they perish and leave no trace on earth»	«May they perish and their breath be no longer in the world»
83.	(Смеяться)от всей души	Laughing heartily	Laughing heartily	Laughing heartily	Laughing with all her heart	Laughing heartily

II. Средства создания временного и локального колорита повести

Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и их французские эквиваленты

А. Архаизмы						
№	Н. В. Гоголь	М. Окутюрье	Ж. Приэль	С. Татарула	Л. Виардо	И. де Витте
1.	Зеница	Pupille	Prunelle	Cils	(Оп)	Paupiere
2.	Перси	Sein	Gorge	Epaules	Epaules	Sein
3.	Очи	Yeux	Paupieres	Regarder	Yeux	Contempler
4.	Дева	Jeune fille	Jeune fille	Jeune fille	Jeune fille	Jeune fille
5.	Витязь	Chevalier	Hero	Chevalier	Chevalier	Chevalier
6.	Молодец	Gaillard	Gaillard	Gaillard	Jeune homme	Gaillard
7.	Снедь	Manger	Nourriture	Nourriture	Se nourrir	Nourriture
8.	Снадобье (напитки, лекарства)	Drogues	Breuvages	Médecines	Remèdes	Potions
9.	Снадобье (военные)	Accessoires militaires	Les choses utiles	Denrées	Les choses utiles	Chose utile en guerre
Б. Историзмы						
10.	Верста	Verste	Verstes	Verst	Verste	Lieues
11.	Сажень	(Оп)	Deux metres	Six pieds	Six pieds	Sept pieds de haut
12.	Булат	Lame en pur acier de Damas	Sabre de Damas, en acier de premiere tempe	Sabre turc en pur acier damasquine	Precieux sabre turc	Damasquiné
13.	Зерцало	De l'or sur son baudrier, sa toque, sur son ceinturon	(Оп)	Cuirasse d'or (toque et ceinturon dore)	(Оп)	Gorgerin d'or, toque et ceinturon d'or
14.	Палаш	Fer	Arme	Saber	Sabre	Sabre
15.	Палица	Masse a la main	Le Baton de comancement	La Masse d'armes d'ataman	Massue d'ataman	Masse d'armes, insigne du pouvoir

16.	Ключник	Quartier-maitre principal	Geôlier	Porté-clefs	Magasinier	Porté-clefs
17.	Холоп	Laquais	Laquais	Valet	Valet	Valet
В.	Общенизмы					
18.	Собака	Chien	Chien	Chien	Chien	Chien
19.	Собачий сын	Fils de chien	Fils de chien	Fils de chien	Fils de chien	Chenapan
20.	Чертова детина	Enfant de Satan	Fils de diable	Fils de diable	Fils du Satan	Diable d'homme
21.	Чертов кулак	Cabochar d de malheur	Fils du diable	Vieux Diable	Tete du diable	Poing du diable
22.	Чертов сын	Fils de chien	Fils du diable	Vieux Diable	Fils du diable	Fils du diable
23.	Чертов Иуда	Diable de juif	Quel diable de Juif! Juif du diable	Diable de juif, Juif de diable	Diable de juif	Diable de juif
24.	Сатана	Satan	Satan	Satan	Satan	Satan
25.	Чертов жид	Judas du diable	Judas de tous les diables	Diable de Judas!	Judas	Diable de Judas
26.	Чертов лях	Polonais du diable	Polonais du diable	Polonais du diable	Polonais de diable	Sacre Polonais
Г.	Диалектизмы					
27.	Батько	Père	Papa	Père	Père	Père
28.	Жинка	Femme	Cotillons	Coueurs de cotillons	Femme	Femme
29.	Пан	Seigneur	Seigneur	Seigneur	Mon seigneur	Illustre chef, noble seigneur, monsieur
30.	Паны-браты	Seigneurs mes frères	Seigneurs mes frères	Amis	Seigneurs et frères	Seigneurs et frères
31.	Панове	Seigneurs	Seigneurs	Messieurs	Seigneurs-freres	Seigneurs
32.	Панночка	Demoiselle, fille du Gouverneur	Jeune demoiselle, fille de voievode	Jeune maitresse	Demoiselle	La belle polonaise, fille de voievode
33.	Стара	Vielle	(Оп)	Vielle	Vielle	Mère

34.	Хлопцы	Gaillards	Garcons	Enfants, garcons	Enfants, garcons	Enfants
Д.	Этнографические реалионимы					
35.	Бублик	Croissants	Craquelins	Boubliki	Petits pâtés	Craquelins
36.	Кулиш	Bouillie au lard	Gruau	Koulich	Gruau	Koulich (сноска)
37.	Пампушки	Beignets	Chatteries	(Оп)	(Оп)	(Оп)
38.	Саламата	Semoule de froment	Gruau	Mouture	Оп, pot de lard et d orge pilée	Mouture
39.	Горилка	Eau-de- vie	Eau-de- vie	Horilka	Eau-de- vie	Eau-de-vie
Е.	Географические реалионимы					
40.	Байрак	Butte	Motte de terre	Bayrak	Bout de champ	Monticule
41.	Заход (залив)	Anses	Meandre	(Оп)	(Оп)	(Оп)
42.	Облога	Friche	Sente	Vallon	(Оп)	Vallons
43.	Степь	Steppe	Steppe	Steppe	Steppe	Steppe, prarie
44.	Яр	Ravin	Ravin	Ravin	Ravin	Ravin
Ж.	Военно-административные реалионимы					
45.	Атаман	Ataman, chef de quartier	Ataman	Ataman	Ataman	Ataman
46.	Воевода	Voïvode	Voïvode	Voïvode	Vaïvode	Voïvode
47.	Генеральны й бунчужный	Enseigne général	Général boundcho ug	Bountcho ujny (1) general: aide de camp	Bountch oug, ou general à queue	Porte- enseigne général
48.	Генеральны й хорунжий	Porte drapeau général	Porte- étendard général	Porte- étendard	Porte- etendard général	Porte étendard en chef
49.	Гетман	Hetman	Hetman	Hetman	Hetman	Hetman
50.	Есаул	Essaoul	iéssaoul	Essaoul, lieutenant	ïéssaoul	Captaine lieutenants généraux
51.	Казак	Cosaque	Cosaque	Cosaque	Cosaque	Cosaque
52.	Кошевой	Kochévoi	Kochévoi	Kochovy	kochévoi	Kochévoi

53.	Курень	Kourégne (ou quartier)	kourén	Kourin	kourén	Kourén ССЫЛКА
54.	Полковник	Colonel	Chef de polks	Polkovnik (chef de polk, equivalent a celui de colonel)	Polkovnik	Colonel
55.	Полк	Polk	Polk	Polk	Polk	Polk
56.	Сечь	Centeniers	Centeniers	Capitaines	Centeniers	Officiers
57.	Сотники	La Setch	La Setch	La Sitch	La setch, le zaporojje	La Setch
58.	Старшины	Gradés	Chefs	Les anciens, les autorités, dignitaires les vieux guerriers	Chefs, les anciens	Chefs
3.	Антропонимы					
59.	Тарас Бульба	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba	Tarass Boulba
60.	Остап	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap	Ostap
61.	Андрей	André	André	Andry	Andry	André
62.	Мосий Шило	Chilo (ССЫЛКА)	Chilo	Chylo	Chilo	Cosaque Mosii Chilo
63.	Кирдяга	Borodaty	Borodaty	Borodaty	Borodaty	Borodaty
64.	Бородатый	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga	Kirdiaga
65.	Николай Потоцкий	Potocki (ССЫЛКА)	L'Hetman de la Couronne Nicolas Pototski	L'Hetman de la Couronne Nicolas Pototski (ССЫЛКА)	Nicolas Potocki	Nicolas Potocki
66.	Острица	Hetman Ostranitza (ССЫЛКА)	Hetman Ostranitza	L hetman Ostrianits a (ССЫЛКА)	Hetman Ostranits a	Hetman Ostranitza
И.	Ассоциативные реалионымы					
67.	Голубка	Colombe	Colombe	Colombe	Colombe	Torturelle
68.	Ястреб	Vautour	Epervier	Epervier	Epervier	Colombe

69.	Петух (петуший крик)	Coq, chanter le coque	Pas un coq ne chantait	Cocorico	Le chant d un coq	Nul chant de coq
70.	Степная чайка	Mouette de la steppe	Mouette de steppes	Tchaïka (ССЫЛКА) des steppes	Tchaïka (ССЫЛКА) des steppes	Mouette de steppes
71.	Гордый гоголь	La grèbe orgueilleu e (ССЫЛКА)	Le fier gogol ou canard savage	Le superbe gogol (ССЫЛКА)	Le superbe gogol	(Он)
К.	Фразеологические клише					
72.	Доброе дело делать	Une bonne résolution	Savoir mieux faire	Approuve r	Faire fort bien	(Он)
73.	Стоять за правое дело	Se dresser au nom de la bonne cause	Lutter pour la bonne cause	Combattre pour la sainte cause	Combattr e pour la sainte cause	Sacrifier la religion et la fraternité cosaque»
74.	Пошло дело на мечи да на копья	On en vint aussitot aux coups de sabre et de lance	Le combat se regla a la lance et au sabre	On combatti aussitot au sabre et a la lance et dans la melee generale	«...mais les Polonais surtout sentaient que les balles pleuvaie nt épaisses ...»	«on en vint de suite aux sabres et aux lances»
75.	Иметь дело (с буйной и бранной толпой)	«Se froter contre a cette horde turbulente et belliqueus e»	«...Affront er cette horde batailleuse aux intincts déchainés »	«Arreter cette masse de guerriers»	«...avoir affaire avec cette foule aguerri comme combats ...»	«...tenir tete a cette masse...»
76.	Дела великого поту, великой	«La tache ...nous coutera beaucoup de sueur	«...des actions qui nous couteront beaucoup	Nous avons devant nous une tache	«...une besogne de grande sueuer,	«...une tache ardue et une dure épreuve!»

	козацкой доблести	et toute notre prouesse de Cosaque»	de sueur et de peine, des actions, enfin, digne de la valeur cosaque»	ardue, et une penible epreuve à traverser	de grande vaillance cosaque»	
77.	Испустить дух	Expirer	Rendre l'esprit	Rendre l'esprit	Exhaler le dernier soupir	Rendre l'ame
78.	Собрались с духом	Rassembler leurs esprits	(Он)	(Он)	Rassembler leur courage	(Он)
79.	Духом (выпейте)	Buvez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait	Avalez d'un trait
80.	Придать духу	Apporter du reconfort et courage	Relever son courage	Redonner du courage	Ranimer, rendre du courage	Redonner du courage
81.	(Не)переводя дух	Sans interruption	Sans interruption	Sans interruption	Incessamment	(Он)
82.	Чтобы и духу их не было на свете	Disparaître à jamais	«...qu'ils perissent plutôt, et que rien ne reste d'eux en ce monde»	«...qu'ils perissent, et que nulle trace demeure sur cette terre!»	«...qu'ils perissent et qui ne reste rien d'eux sur la terre»	«...qu'ils perisse et que leur mémoire disparaissent du monde!»
83.	(Смеяться) от всей души	Rire de tout son coeur	Rire de tout son ame	Rire de bon coeur	Rire de tout son coeur	Rire de tout son coeur